Б
86

Е. ВОДОВОЗОВА

НА ОТДЫХЪ

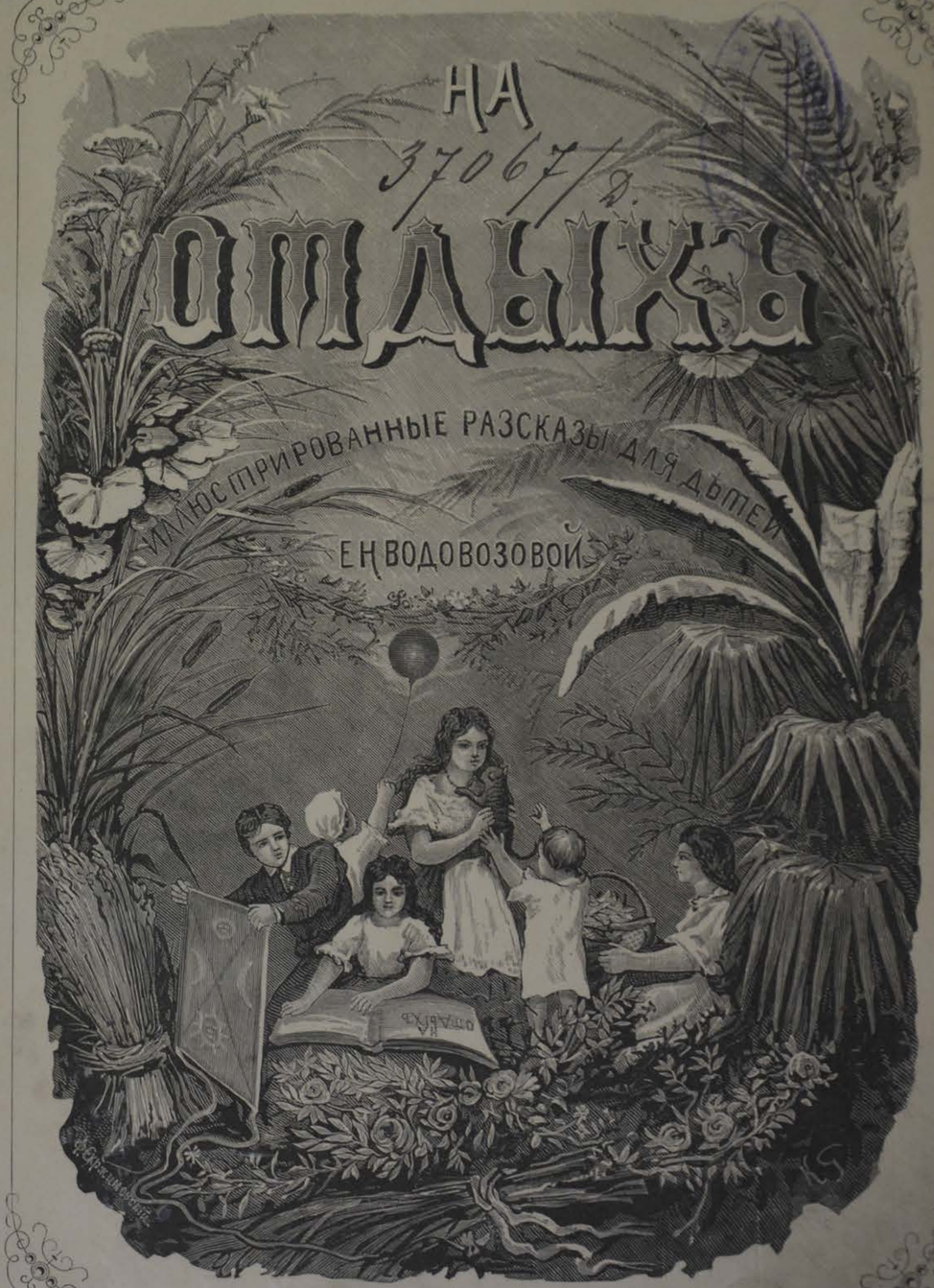
Р1
В-62

НА ОТДЫХА

37067/2

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ ДЛЯ ДѢТЕЙ

Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ

Р1
В.62

НА ОТДЫХЪ.

VI
7.
37067/2.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЕ РАЗСКАЗЫ

ДЛЯ

МАЛЕНЬКИХЪ ДѢТЕЙ

Е. Н. Водовозовой.

Императорская Публичная Библиотека

съ 40 картинками въ текстѣ и виньеткою, рисованными на деревѣ художникомъ К. И. Голембіовскимъ, грав. Регульскимъ, Вейерманомъ, Хелмицкимъ, Пуцомъ и др.

БИБЛІОТЕКА
Инв. №
881

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1880.

Дозволено цензурою, С.-Петербургъ, 1 ноября 1880 г.

Въ Типографіи Втораго Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

1. Семилѣтняя бабушка . . . . . 1.
2. Проказы сороки-воровки . . . . . 5.
3. Новый сарафанъ . . . . . 17.
4. Петино желаніе . . . . . 23.
5. Странная дружба . . . . . 45.
6. Мастерская куколъ . . . . . 48.
7. Страна цвѣтовъ, тепла и пѣсенъ . . . . . 81.
8. Слѣпой . . . . . 95.
9. Беззаботная кукушка и злополучная жизнь одной малиновки . . . . . 109.
10. Какъ Петя и Леля бабушку развлекали . . . . . 122.
11. Сердцемъ и соломинки не переломишь. . . . . 128.
12. Какъ живутъ дикари . . . . . 156.
13. Дина . . . . . 174.
14. Первое письмо . . . . . 186.
15. Пчелка . . . . . 191.
16. Послѣобѣденный отдыхъ. . . . . 195.
17. Жизнь одной маленькой продавщицы . . . . . 200.

СЕМИЛѢТНЯЯ БАБУШКА.

Маленькая Лиза съ отцемъ пріѣхала въ деревню къ своей бабушкѣ провести лѣтнее время. Бабушка только и думала, чѣмъ-бы порадовать свою милую внучку. Послѣ душной городской жизни, куда какъ привольно показалось Лизѣ бѣгать со множествомъ дѣтей по безконечнымъ лугамъ, играть съ ними въ прятки за копнами, сгребать сѣно маленькими грабельками, выкапывать картофель, дѣлать на огородѣ грядки, кататься въ лодкѣ, бѣгать въ лѣсъ за ягодами и грибами. И дѣвоч-

кѣ такъ полюбилась, такъ мила стала жизнь въ деревнѣ, что всѣ тутъ, а особенно бабушка, казались ей лучше, добрѣе, чѣмъ гдѣ-бы то ни было.

— «Ахъ, бабушка, какія у тебя вкусныя булочки,—никогда такихъ не ѣла!»—болтала дѣвочка, сидя за чайнымъ столомъ подлѣ своей милой бабушки.—«Ну, ужъ не такія, какъ у васъ въ городѣ, въ большихъ булочныхъ! Да слава Богу, моя дѣвочка, что онѣ тебѣ нравятся. Кушай на здоровье побольше,»—отвѣчала старушка, подкладывая внучкѣ еще и еще вкусныхъ булочекъ.—«Ахъ, бабушка, какую я у тебя нашла красивую кошечку!» кричала Лиза черезъ полъ часа, снова вбѣгая въ столовую. «Подари её мнѣ!»—«Возьми, возьми, моя дорогая... Но вѣдь у васъ дома есть кошка?»—«Да, но совсѣмъ не такая! Эта такая хорошенькая!»... И дѣвочка съ кошкою въ рукахъ бѣгала по комнатѣ, прыгала и цѣловала её въ мордочку. «Какъ ты, бабушка, быстро чулки вяжешь,—только спицы мѣняешь! И какіе они у тебя красивые выходятъ: бѣленькая, красненькая, синенькая полоска», говорила Лиза, водя пальчикомъ по разноцвѣтнымъ полоскамъ чулка.—«Вѣдь такихъ нигдѣ нельзя купить, ни за какія деньги.»—«Куда ужъ мнѣ такъ вывязать, какъ у васъ въ магазинахъ!»—

«Напротивъ, бабушка, такихъ-то красивыхъ въ магазинахъ никогда и не продаютъ», настаивала Лиза и вдругъ замолчала, что-то соображая.

— «Что ты пріумолкла, моя милая крошка? О чемъ задумалась?» поднимая изъ подъ очковъ глаза, спросила удивленная старушка, которая привыкла слышать цѣлый день звонкій голосокъ своей внучки, какъ звонокъ раздававшійся въ той комнатѣ, гдѣ она играла.—«Знаешь, бабушка, я думаю: какія-бы добрыя, хорошія лица были у всѣхъ на свѣтѣ женщинъ и дѣвочекъ, если бы всѣ онѣ носили такіе чепчики, какъ ты! Пожалуйста, милая, сшей мнѣ такой-же, какъ у тебя чепчикъ и непремѣнно съ оборкой вокругъ»..... «Ужъ за одно, дѣточка», говорила улыбаясь бабушка, «ты проси папу и очки тебѣ купить.»—«Сама не знаю... но мнѣ такъ бы хотѣлось»... отвѣчала дѣвочка, краснѣя и пряча свое разгорѣвшееся личико въ подушкахъ на диванѣ, «мнѣ такъ-бы хотѣлось... быть бабушкой!»

Лиза скоро привела въ исполненіе свое желаніе. Однажды утромъ, когда бабушка ушла распорядиться на скотный дворъ, Лиза одѣла ея чепчикъ и очки, посадила на стулъ куклу, которая, вѣроятно, должна была изображать ее самою, схватила въ руки чулокъ и, обращаясь къ куклѣ,

БИБЛІОТЕКА ОЛОНЕЦКОЙ ГУБ. № 1

стала вслухъ разсказывать ей сказки, которыя, по ея мнѣнію, бабушка разсказывала лучше, чѣмъ кто бы то ни было на свѣтѣ. Очки бабушкины были у нея на носу, но она не замѣчала этого, продолжала разсказывать, какъ бабушка, почесывая голову спицей чулка и при этомъ немилосердно путая, спуская и пропуская петли.

— «Пусть её хоть все вязанье испортитъ», сказала про себя бабушка, заставъ Лизу въ такомъ видѣ и любуясь изъ за двери маленькой бабушкой, съ ея счастливой улыбкой, озарявшей въ эту минуту все здоровенькое, полное личико этой милой дѣвочки.

ПРОКАЗЫ СОРОКИ-ВОРОВКИ.

Ольги съ раннихъ лѣтъ была страсть приручать и выкармливать звѣрей и птицъ; изъ нихъ она болѣе всего любила воспитывать маленькихъ, слабыхъ и въ особенности такихъ, которые потеряли своихъ родителей.

— «Посмотри, Оля», говорила ея мать, «я принесла тебѣ птицу; должно быть сорока, — на дорогѣ нашла.» — «Вѣроятно, этотъ птенчикъ выпалъ изъ сорочьяго гнѣзда, которое я видѣла на деревѣ за нашимъ гумномъ. Какъ-бы я не хотѣла этого!» болтала дѣвочка, обращаясь то къ матери, то къ птичкѣ.—«Вѣдь я тогда должна назадъ положить тебя въ гнѣздышко! Но если ты сиротка! О! тогда не бойся! Тебѣ будетъ хорошо у меня! Я буду о тебѣ такъ заботиться, стану носить тебѣ каждый день твои любимыя кушанья!» И Ольга, осторожно держа птичку въ

БИБЛІОТЕКА ... № ... ОПИСЬ

своихъ рукахъ, побѣжала туда, гдѣ прежде видѣла сорочье гнѣздо.—«Но что это?» Теперь у дерева, на землѣ, валялось совсѣмъ разоренное гнѣздо, а подлѣ него суковатая палка.—«А, понимаю! Это противный Петя разорилъ твое гнѣздышко! Никогда не буду больше играть съ этимъ злымъ мальчишкою! Каково было-бы ему, еслибы на его домъ напали разбойники и ограбилибы его родителей! Но ты не тужи, милая птичка, я съумѣю тебя защитить! И какъ весело тебѣ будетъ у меня! Я научу тебя говорить. Подумай только: ты будешь понимать людей, будешь отвѣчать имъ.» Въ восторгѣ отъ этой мысли, дѣвочка побѣжала домой, въ ту-же минуту наломала прутьевъ, сплела изъ нихъ нѣчто въ родѣ корзинки съ крышкой, вплетая въ промежутки конскій волосъ; дно гнѣзда она устлала сухимъ мхомъ, птичьимъ пухомъ и мелкими перышками. Это гнѣздо очень напоминало теперь то, въ которомъ до своего несчастія жила маленькая сорока. Дѣвочка посадила въ него птицу, а самое гнѣздо уютно помѣстила въ корзину, для которой назначила особый уголъ въ своей комнатѣ. Послѣ этого она попробовала кормить свою птичку: накрошила въ молоко бѣлаго хлѣба и маленькими кусочками стала подносить его къ клюву сороки; но та ничего не брала изъ ея рукъ, не раскрывала рта. Тогда дѣвочка осторожно разжала ей клювъ и положила въ него кусочекъ хлѣба; сорока тотчасъ проглотила его; такъ было со вторымъ и съ третьимъ кускомъ. Такимъ образомъ Ольгѣ, чтобы накормить птицу, впродолженіе нѣсколькихъ дней приходилось раздвигать ей клювъ. Но уже къ концу недѣли, лишь только дѣвочка приближалась къ гнѣзду, сорока сама раскрывала ротъ и жадно хватала все, что было въ рукахъ ея воспитательницы.

Долго не могла понять Ольга, что ея сорока любила болѣе, что менѣе, такъ какъ она съ одинаковою жадностью глотала дождевыхъ червячковъ, мухъ, комаровъ, улитокъ, хлѣбъ всевозможныхъ сортовъ, творогъ, сырыя и вареныя яйца, даже скорлупу отъ нихъ.

Однажды Ольга вошла въ свою комнату съ завтракомъ въ рукахъ: это былъ ломоть хлѣба съ кускомъ холодной говядины. Какъ только сорока заслышала стукъ, такъ стала, по обыкновенію, издавать какіе-то хриплые звуки: «кракъ.... шакъ-ракъ». Звуки эти дѣлались все жалобнѣе, точно говорили: «приди же скорѣй, покорми меня».—«Ну какой «шакъ-ракъ»?» передразнивала съ досадой Ольга свою сороку.—«Такого нѣтъ русскаго слова, пойми. Скажи: дай, дай.... Ну, пожалуйста, скажи.... До тѣхъ поръ ничего

не дамъ». И дѣвочка, стоя на колѣняхъ передъ гнѣздомъ, множество разъ повторяла одно и то-же слово. Сорока останавливалась, видимо что-то соображала, какъ будто къ чему-то прислушивалась, но затѣмъ, съ какою-то настойчивостью, точно даже съ раздраженіемъ опять выкрикивала свое: «шакъ-кракъ».—«Ну, упрямая, бери»,— говорила Ольга, давая ей, сама того не замѣчая, куски говядины и забывая зарокъ не кормить ее

до тѣхъ поръ, пока она не произнесетъ желаннаго слова. — «А, такъ ты и говядину любишь! Бери ужъ и этотъ кусочекъ.... Оказывается, что ты ничѣмъ не брезгаешь! Можетъ ты и полакомиться не прочь? Неугодно-ли?» И Ольга схватила тарелку съ красной смородиной и малиной и стала ягодами угощать свою птичку. Та не отказывалась и отъ ягодъ и быстро глотала ихъ одну за другой.— «Все это прекрасно, но когда же ты начнешь говорить? Скажи: дай... дай... Неужели няня правду говоритъ, что пока я тебѣ не подрѣжу

языкъ, ты не произнесешь ни слова? Но поймиже, вѣдь мнѣ тебя жалко!»

Сорока уже подросла и оперилась: у нея выросъ теперь большой черный хвостъ и вся она сама стала черная, съ великолѣпнымъ темно-синимъ отливомъ. Только нижняя часть груди да перья на плечахъ рѣзко выдѣлялись своей бѣлизной изъ этого чернаго цвѣта. Ея глаза стали такіе умные, живые и совершенно каріе. Теперь она садилась въ гнѣздо уже когда начинало смеркаться, а то все время бѣгаетъ по комнатѣ, клюетъ на полу насыпанныя для нея зернышки, или сядетъ на стулъ, на корзину надъ своимъ гнѣздомъ. Летала она мало, развѣ перелетитъ съ одного окна на другое, да и то если примѣтитъ тамъ что нибудь съѣстное.

Однажды Ольга уѣхала на цѣлый день изъ дому и совсѣмъ забыла положить кормъ своей птицѣ. Каково-же было ея удивленіе, когда, подъѣзжая къ дому, она ясно разслышала чей-то жалобный и глухой голосъ, который безъ конца повторялъ: «дай...дай»... — Дѣвочка не вѣрила своимъ ушамъ. — «Неужели это моя сорока? Нѣтъ, это невозможно! Вѣдь я, не смотря на всѣ совѣты, не рѣшилась подрѣзать ей языкъ! Это вѣрно кухарка застилаетъ постель въ моей комнатѣ и принесла съ собой своего маленькаго

вать то того, то другаго. Не успѣли забыть этой пропажи, какъ не досчитались двухъ серебряныхъ чайныхъ ложечекъ. Тутъ уже непріятности пошли безъ конца. Старуха няня отправилась объискивать дочку скотницы, которая въ этотъ день заходила по дѣлу въ кухню. У дѣвушки ничего не нашли, но она долго горько плакала, что ее заподозрили въ воровствѣ, такъ безцеремонно объискали при всѣхъ и такимъ образомъ осрамили на всю деревню. Между тѣмъ виновница всего этого горя и суматохи преспокойно расхаживала по комнатѣ и безъ умолку кричала: «дай... дай». Воровство, вѣроятно, продолжалось-бы и впредь, и еще многихъ-бы пришлось оговорить и обидѣть, если бы не одинъ случай. Однажды Ольга ѣла ягоды съ молокомъ въ своей комнатѣ. Не видя сороки подлѣ себя, она открыла окно и стала её звать: «Иди сюда, милая птичка.... хочешь ягодъ? Подай голосъ»... «Дай... дай»,—раздалось ей въ отвѣтъ, и сорока въ ту-же минуту явилась на подоконникѣ. Ольга закрыла окно и на ложкѣ стала подавать ей ягоды съ молокомъ. Но тутъ дѣвочку позвали къ матери. Когда она возвратилась, на окнѣ не было уже ни ложки, ни сороки.— «Гдѣ ты, птичка, подай голосъ»? Сорока выскочила изъ-подъ кровати, и у Ольги въ ту-же минуту мелькнула мысль, что ея птичка снесла туда и

чайную ложку. Она подбѣжала къ постели, отодвинула ее, увидала въ углу набросанныя тряпочки и бумажки, смахнула весь этотъ мусоръ и тотчасъ замѣтила тутъ небольшую дыру, просунула въ нее свою руку, но ничего не могла достать, такъ какъ тамъ было пустое пространство. Тогда она побѣжала къ нянѣ и высказала ей свое подозрѣніе. Въ комнату вбѣжало нѣсколько человѣкъ: одни, чтобъ поднять половицу, другіе посмотрѣть, что будетъ. Какъ только люди стали входить въ комнату, сорока незамѣтно исчезла въ отворенную дверь, точно ей совѣстно стало, что вотъ-вотъ сейчасъ откроютъ складъ украденныхъ ею вещей. И дѣйствительно: подняли половицу и нашли все, что пропало за это время: браслетъ и три серебряныя ложечки.

Сорока, которая обыкновенно рѣдкій часъ не вбѣгала домой, тутъ не возвращалась до поздняго вечера. Когда-же она пришла, то не приставала къ своей маленькой хозяйкѣ, какъ это она обыкновенно дѣлала, чтобъ та ее немедленно накормила, а тихонько усѣлась въ свое гнѣздо. Ольга уже стала безпокоиться, не заболѣла-ли ея сорока-воровка, но все-же милая ея сердцу птичка, но та уже на другой день по прежнему уходила изъ дому, безпрестанно возвращалась снова, назойливо требуя дать ей поѣсть.

Разъ въ домѣ узнали воришку, были приняты всевозможныя предосторожности: сколотили полы, припрятали золото, серебро и всѣ блестящія вещи, которыя такъ прельщали собою сороку. Дѣйствительно долго ничего не пропадало, но потомъ пошла прежняя исторія. На этотъ разъ пропали дорогіе часы и, не смотря ни на какіе поиски, ихъ не находили впродолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Однако, когда стали поправлять старый, развалившійся птичникъ, дѣти отрыли ихъ въ ямѣ, подъ кучею сѣна. Тогда мать Ольги уговорила ее совсѣмъ оставить сороку на скотномъ дворѣ. Поплакала дѣвочка, да нечего дѣлать: сама видитъ, что держать въ комнатѣ такую воровку рѣшительно невозможно.

Уже съ недѣлю живетъ сорока на скотномъ дворѣ, но и тутъ не унываетъ: свела большую дружбу съ курами, предружелюбно расхаживаетъ съ ними по двору днемъ, а по ночамъ спитъ вмѣстѣ съ ними на курошестѣ. Куры тоже скоро привыкли къ ней, да и быть иначе не можетъ: она не бросается на нихъ въ курятникѣ, никогда не обижаетъ ихъ цыплятъ. «Цыпъ.. цыпъ»... манитъ птичница куръ, кормить ихъ собирается. Куры въ избу бѣгутъ, а посреди ихъ сорока, подняла свой длинный хвостъ и покачиваетъ имъ изъ стороны въ сторону. При поворотѣ за уголъ,

цыпленокъ упалъ въ канаву. Незамѣтно для другихъ отстала и сорока. Всѣ уже ушли: только несчастная жертва да безсовѣстный разбойникъ остались вдвоемъ. Пока цыпленокъ барахтался, сорока напала на него, стала немилосердно клевать и бить его своими крыльями. Все быстрѣе и безжалостнѣе нападаетъ она на свою жертву: скорѣе торопится покончить съ своею добычею, а то куры, пожалуй, возвратятся и увидятъ, что она дѣлаетъ, станутъ ея бояться, прятаться отъ нея. Да и что ей долго возиться: червяка заморила и будетъ, а теперь скорѣе на обѣдъ къ курамъ, — цыпленокъ еще и на завтра пригодится. И вотъ она бросаетъ остатки добычи въ канаву, клювомъ и ногами сгребаетъ на нее попавшійся соръ и бѣжитъ къ курамъ. Но что-же это? Хороши друзья! Мѣста не оставили ей за общимъ столомъ,—такъ онѣ плотно со всѣхъ сторонъ окружили доску, на которой насыпаны были овесъ и остатки картофеля. Проказница сорока сейчасъ смекнула, что обыкновеннымъ способомъ ей ни за что не пробраться къ общей трапезѣ. Вотъ она, равнодушно поглядывая въ разныя стороны, вдругъ подбѣжала сзади къ одной курицѣ и долбъ ее своимъ крѣпкимъ клювомъ. Та обернулась, раскудахталась, и пустилась въ драку съ хитрой сорокой. А ей только этого и хо-

тѣлось. Пока курица, послѣ драки, расправляла въ сторонкѣ свои смятыя перья, сорока скокъ на ея мѣсто, схватила самую большую картофелину, выбѣжала въ сѣни, сунула ее подъ опрокинутую дырявую бочку, а сама опять къ ѣдѣ. Но ея мѣсто уже занято, да она не стѣсняется, благо первая хитрость удалась: опять подбѣжала къ курамъ и снова долбъ одну изъ нихъ въ шею. И съ этой, какъ и съ первой пошла потѣха. И въ этотъ разъ, какъ и въ первый, сорока ссорой заманила курицу въ сторонку, а сама прыгъ на ея мѣсто: схватила кусокъ и опять въ свою кладовую. Куры во дворъ разбрелись, а сорока-воровка къ своему запасу.

Не смотря однако на всѣ проказы сороки-воровки, Ольга любитъ ее до сихъ поръ: она безпрестанно бѣгаетъ на скотный дворъ провѣдать свою любимицу и никогда не приходитъ къ ней съ пустыми руками. Да и сама сорока не забываетъ своей хозяйки: подлетитъ къ окошку, около котораго она сидитъ, долбнетъ клювомъ въ стекло и закричитъ: «дай». Ольга сейчасъ впуститъ ее въ свою комнату, накормитъ, приласкаетъ, поболтаетъ съ ней и опять отнесетъ ее на скотный дворъ, опасаясь ея новыхъ проказъ.

188

НОВЫЙ САРАФАНЪ.

Дѣдушка Макаръ уже много лѣтъ въ городѣ плотничаетъ: доски стругаетъ и перепиливаетъ, полы въ домахъ настилаетъ, двери да окна прилаживаетъ. Придетъ домой поздно—усталый, голодный. Но внучка Машутка не боится его сердитаго лица: сейчасъ прыгъ къ нему на колѣни и ну болтать безъ умолку, точно колокольчикъ звонитъ своимъ тоненькимъ, серебристымъ голоскомъ.—«Вотъ тебѣ-бы кваску испить или чайку, а то, знаешь, пряника сладкаго попробуй. Вчера-то у меня какъ голову ломило, а бабушка пряника дала, и все прошло. Вотъ на, бери.... я тебѣ его нарочно для этого припасла».—«Баловница ты, баловница, а сердчишко то у тебя предоброе! Сегодня былъ недосугъ, а вотъ ужо, какъ нибудь, хорошаго гостинца куплю».... говорилъ старикъ, покачивая внучку на колѣняхъ и, чтобы ея не обидѣть, только для вида откусывая пряникъ.—«Нѣтъ, дѣдушка, не надо мнѣ гостинца», заболтала опять дѣвочка. «Теперь когда у тебя деньги будутъ, вотъ что ты мнѣ купи: новый сарафанъ, рубашку кисейную, бусы на шею и красную, красную ленту въ косу. Какъ я этакъ наряжусь, да

БИБЛИОТЕКА
881

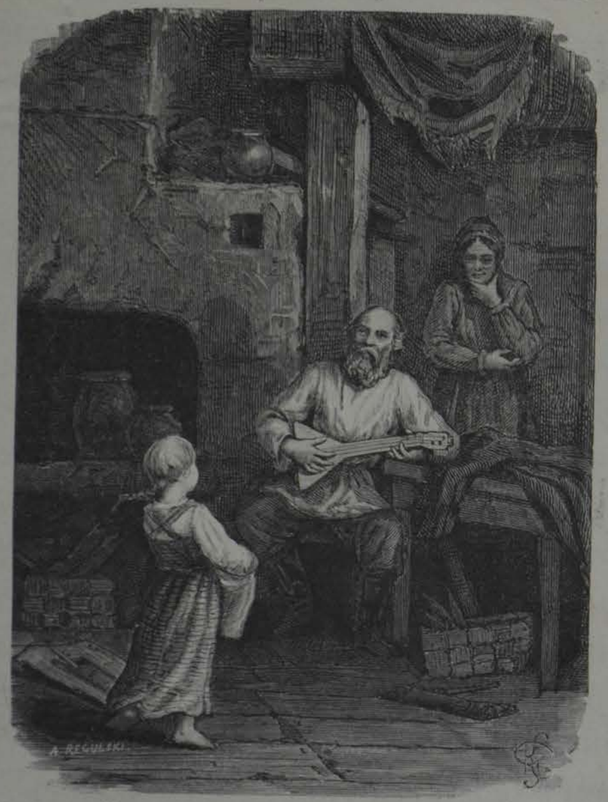
пущусь плясать, такъ ты и забудешь, что отъ работы умаялся, все какъ рукой сниметъ».— «Сарафанъ, такъ сарафанъ, будь по твоему! Ну не баловница-ли ты, не плутовка-ли?» повторяетъ дѣдушка, покачивая головой, а самъ все пуще ласкаетъ внучку.

Бабушка шьетъ новый сарафанъ Машѣ, а сама дѣда журитъ, что онъ на внучку такъ разоряется, всякую ея прихоть исполняетъ. Машута и около нея ластится: то обрѣзокъ для нея съ полу подыметъ, то за ножницами побѣжитъ, то нитку для шитья навощитъ. Старушка встанетъ съ мѣста сарафанъ подкраивать, а дѣвочка въ ту-же минуту вскочитъ, нитку въ иголку вдѣнетъ или полъ подмететъ.— «Гляди-ка, бабушка, какъ я скоро... Во всей избѣ ни соринки»... «Ахъ ты, дѣвчурка, дѣвчурка, ну и какъ на тебя сердиться, какъ тебя не баловать».... и она схватила на руки дѣвочку, поднесла ее къ шкапу, достала съ полки ватрушку, которая припасена была на завтра къ празднику, да старуха не утерпѣла, теперь отдала ее ребенку. Машутка на рукахъ подпрыгиваетъ, бабушку обнимаетъ, сама ѣстъ ватрушку, а куски отъ нея отламываетъ и старухѣ въ ротъ суетъ. Та рукой обороняется—глотать не поспѣваетъ, а дѣвочка звонко хохочетъ-заливается и еще пуще въ ротъ бабушкѣ куски засовываетъ.— «Что ты

проказница, перестань»! сказала она ей вдругъ строго. Дѣвочка не заставила дольше бранить себя. Она бросила ватрушку при первыхъ словахъ бабушки, крѣпко обхватила своими ручонками ея шею и изумленными, испуганными глазенками стала засматривать ей въ лице, приговаривая: «Бабушка, я тебѣ больно сдѣлала? я не нарочно»... «Ну, ну ладно»... говорила старуха, смягчаясь и гладя внучку по головкѣ.— «Забаловали мы тебя, дѣвонька... ухъ, какъ забаловали. Ну, говори, правда?» Но дѣвочка молчала, уткнувшись личикомъ въ плечо старухи.—«Ну, что-же ты молчишь, развѣ я неправду говорю? Выростешь, сама скажешь: ну ихъ, дѣдка да бабка въ конецъ меня своимъ баловствомъ негодною сдѣлали! Ихъ старыхъ за это и жалѣть не стоитъ! Вѣдь правда?»—Вмѣсто отвѣта дѣвочка вдругъ зарыдала и, не смотря на всѣ ласки бабушки, не отвѣчала ей ни слова, не подымала головы отъ ея плеча.—«Ну, будетъ, дитятко, будетъ, перестань.... Скажи: я добрая дѣтка, выросту, такъ васъ на старости успокою». Но дѣвочка по прежнему молчала, и вздрагиванія ея плечъ показывали только, что она все еще не переставала плакать. Старуха не на шутку встревожилась.—«Гляди-ка, гляди», говорила она, гладя ее по головкѣ, «дѣдушка, поди, скоро придетъ и ужъ какъ онъ обрадуется, когда

увидитъ тебя въ обновѣ. Скорѣй студеной водичкой личико хорошенько умой, а я въ это время покончу твой сарафанъ,—вѣдь мнѣ не много осталось».

Маша больше не плачетъ: она умылась, бабушка надѣла ей новый сарафанъ, бѣлую рубашку, разноцвѣтныя бусы на шею и вплела алую ленту въ ея маленькую косу. Но она все еще не

можетъ разойтись и какъ-то серьезно осматриваетъ свой нарядъ. Вдругъ дверь стукнула и во-

шелъ дѣдушка.—«Ахъ, Машутка, вотъ такъ краля! Подойди-ка ближе, покажись.. Нѣтъ стой»... И онъ живо схватилъ балалайку и сталъ наигрывать плясовую. У дѣвочки заблестѣли глазки, она вмигъ все забыла и пустилась въ плясъ. Каждую минуту музыка и пляска становились все удалѣе. Наконецъ Маша зашаталась и бросилась на колѣни къ дѣдушкѣ.—«Да какъ ее не баловать! Такую славную дѣвчонку выростили!..» говорилъ старикъ, весело обнимая дѣвочку. И онъ сказалъ правду: они дѣйствительно выростили хорошую внучку. Черезъ десять лѣтъ ея бабушка совсѣмъ ослѣпла, а дѣдушка такъ одряхлѣлъ, что не могъ уже вставать съ печки. Маша, теперь уже молодая дѣвушка, просто неутомима. Съ ранняго утра, наскоро состряпавъ и все приготовивъ старикамъ, она отправляется на поденную работу, а вечеромъ по дому у нея не меньше работы да заботы: зачинитъ бѣлье, принесетъ воды, простирнетъ кое что, поставитъ самоваръ, а тамъ, глядишь, и побаловать стариковъ надо: дѣдушкѣ сошьетъ для табаку кисетъ изъ обрѣзковъ отъ своего платья, а останется еще время, такъ сядетъ бабушкѣ теплыя рукавички вязать,—и такъ не только всегда ухаживаетъ она за ними, но и сдѣлалась теперь ихъ единственною кормилицею.

№

ПЕТИНО ЖЕЛАНІЕ.

Семейство Вольскихъ состояло изъ отца, матери и одного сына, семилѣтняго мальчика Пети. Его отецъ каждый день утромъ ходилъ въ школу учить дѣтей. Когда онъ, однажды, по обыкновенію, возвратился домой къ обѣду, Петя встрѣтилъ его словами: «Знаешь, папа, я уже давно думалъ, чѣмъ я стану заниматься, когда выросту, и теперь окончательно рѣшилъ сдѣлаться учителемъ. Мнѣ такъ хочется учить дѣтей, объяснять имъ все, что я самъ понимаю.... Только ты, пожалуйста, не думай, что я выбираю это занятіе

только потому, что ты учитель».... «Что-же, это хорошо», отвѣчалъ отецъ улыбаясь. «Только такъ еще много времени впереди! Не рано-ли загадывать?»—«Правда», согласился Петя, которому, какъ видно, это не приходило еще въ голову. «Тогда посовѣтуй, папа, что мнѣ дѣлать теперь. Я знаю, ты сейчасъ скажешь: раскрашивай картинки, вырѣзай, лѣпи изъ глины, поработай на столярномъ станкѣ, переплетай разноцвѣтныя бумажныя полоски... Однимъ словомъ ты навѣрно станешь пересчитывать и вспоминать всѣ мои занятія. Я этимъ занимаюсь и кое что изъ этого даже очень люблю, но мнѣ кромѣ этого хочется найти такое дѣло.... Ахъ, какая досада—не умѣю объяснить! Ну вотъ какъ я тебѣ скажу: мнѣ бы хотѣлось имѣть такое занятіе, о которомъ я долженъ былъ-бы постоянно думать, которое могъ-бы всегда любить. Этого мало: оно должно не только мнѣ самому очень нравиться, но и другимъ приносить пользу». Въ эту минуту Петя замѣтилъ, что отецъ его улыбаясь собирается что-то возразить, тотчасъ перебилъ его и живо, живо заговорилъ умоляющимъ голосомъ: «Не смѣйся, папа, пожалуйста, не смѣйся... Я знаю, что ты хочешь сказать... Я помню даже, что ты разъ какъ-то говорилъ, что только тотъ можетъ приносить пользу, кто самъ многому научился, самъ многое

знаетъ... Но ты, папочка, найди мнѣ такое занятіе, чтобы я теперь уже могъ быть и себѣ, и другимъ полезенъ. Вѣдь есть-же и еще слабѣе, моложе меня и можетъ быть даже менѣе меня знающіе! Если-бы ты зналъ, какъ мнѣ этого хочется, ты бы навѣрно постарался исполнить мою просьбу». —«Не знаю, родимый, понимаю-ли я тебя... Но вотъ ужо, лѣтомъ, въ деревнѣ, буду свободнѣе и постараюсь занять тебя всѣмъ, чѣмъ я самъ такъ любилъ заниматься въ твои лѣта».

Настало лѣто. Семейство Вольскихъ переѣхало въ деревню къ Петиной бабушкѣ. Лишь только старушка поздоровалась со внукомъ, какъ тотчасъ повела его показывать ему его владѣнія. На огородѣ былъ оставленъ для него порядочный кусокъ земли, который онъ могъ разбить и засѣять по своему желанію. Оттуда они отправились во вновь отстроенную небольшую избу. Она состояла изъ сѣней и изъ комнаты, раздѣленной на двѣ части. Эта изба, въ которой еще никто не жилъ, исключительно предназначалась для Пети съ отцемъ. Лишь только мальчикъ вошелъ съ бабушкой въ сѣни, онъ тотчасъ замѣтилъ въ углу плетеную круглую корзину, въ которой лежала кошка съ крошечными котятами, только что появившимися на свѣтъ божій. Петя хотѣлъ нагнуться посмотрѣть котятокъ, но кошка такъ

злобно на него окрысилась, что онъ въ ту же минуту отскочилъ отъ корзины и отворилъ дверь въ комнату. Каково-же было его удивленіе, когда онъ увидалъ въ одномъ углу самодѣльную клѣтку изъ прутьевъ, убранную зеленью и цвѣтами, въ которой рѣзвились два прелестныхъ зайчика, а въ другой такой-же клѣткѣ прыгала бѣлочка, одинаково ловко лазяя и по стѣнкамъ клѣтки, и по суковатому потолку изъ прутьевъ. Петя въ восторгѣ перебѣгалъ отъ одной клѣтки къ другой и не зналъ, на что ему смотрѣть.—«Погоди», говорила ему бабушка, «это еще не все, теперь отправимся на чердакъ».

Когда Петя опять вышелъ въ сѣни, онъ не могъ удержаться, чтобы не подойти снова къ корзинѣ съ котятами. Въ эту минуту, на его счастье, не было кошки, и онъ сталъ на колѣни и началъ разсматривать котятъ. Они были еще слѣпые, мяукали, безпорядочно совались изъ стороны въ сторону, высовывали изъ корзинки свои головки, вытягивали лапки. Они безпокоились такъ потому, что ихъ болѣе не согрѣвала теплая шубка ихъ матери. Ихъ жалобное мяуканье усиливалось

съ каждой минутой и они все болѣе вытягивали то свои мордочки, то лапки; наконецъ стали вываливаться на полъ одинъ за другимъ. Петя нагнулся было, чтобы ихъ подобрать, но въ ту же минуту въ открытую дверь впрыгнула кошка, дико сверкая глазами. Чтобы ея не безпокоить, Петя скорѣе полѣзъ по узкой лѣстницѣ на чердакъ. Тамъ, подъ навѣсомъ крыши, въ томъ мѣстѣ, гдѣ было небольшое окно, онъ замѣтилъ гнѣздо ласточки. Четыре маленькихъ птенчика, покрытыхъ сѣрымъ пушкомъ, высовывали свои головки, разѣвали ротики съ желтыми, толстыми краешками, пищали, ѣсть просили. «Вонъ ваша мама летитъ! Что-то въ носикѣ вамъ несетъ... Погодите, я буду помогать ей выкармливать васъ! Прибью сюда дощечку и буду насыпать ей разныхъ зернышекъ и червячковъ».

Петя съ этого-же дня дѣятельно принялся за свое маленькое хозяйство. Рано утромъ онъ уже бѣжалъ въ огородъ, собиралъ капустные листья, молодую травку, рѣпу и все это приносилъ своимъ зайчикамъ. Затѣмъ онъ отправлялся въ кухню, вынималъ изъ шкапа сухари, подсолнечники, орѣхи, наливалъ въ блюдечко молоко и несъ своей бѣлочкѣ. Безконечно забавлялъ его этотъ звѣрекъ. Болѣе всего любилъ мальчикъ смотрѣть, какъ бѣлка, усѣвшись на перекладинку своей

клѣтки, красиво закидывала вверхъ свой длинный, пушистый хвостъ, и грызла орѣхъ, держа его въ переднихъ лапкахъ и ловко поворачивая во всѣ стороны.

Но Петя далеко не все свое время отдавалъ звѣркамъ и птичкамъ: онъ много возился и съ землею. Хотя клочекъ земли, который назначила ему бабушка, и находился въ огородѣ, но онъ все таки огородилъ его невысокими колышками и затѣмъ лопаткой разбилъ его на грядки; на одной изъ нихъ посадилъ горохъ, на другой бобы, рѣпу, морковь, картофель. Какъ радовался онъ, когда въ концѣ лѣта онъ могъ лакомиться всѣмъ этимъ не только самъ, но и кормить своихъ милыхъ звѣрей. Уже не говоря о зайчикѣ, который ѣлъ рѣшительно все, что было на его грядкахъ, даже бѣлочка, которая, какъ казалось ему прежде, ѣстъ только орѣхи и сухари, теперь не прочь была погрызть морковку и рѣпу.

Но вотъ наступили холодные дни, пошли дожди, листья стали желтѣть и падать съ деревьевъ, дни становились все короче. Отецъ Пети сталъ собираться домой въ городъ. «Ахъ, папа, какъ это ужасно»! говорилъ мальчикъ съ невыразимой тоской. «Какъ я ухаживалъ за моими животными! Какими большими я ихъ уже выростилъ! И теперь я долженъ разстаться со

всѣми ими! Впрочемъ, если бы я даже и въ городъ не уѣзжалъ, одни изъ нихъ и сами теперь уже знать меня не хотятъ, а другіе только и смотрятъ, какъ бы вырваться на волю. Ласточка, которой я каждый день носилъ кормъ и помогалъ выкармливать птенчиковъ, уже давно улетѣла изъ гнѣзда вмѣстѣ съ дѣтьми. Котята выросли, вездѣ гуляютъ одни и, когда встрѣчаютъ даже свою мать, не выказываютъ ей ни малѣйшей радости. А она кормила ихъ своимъ молокомъ, защищала ихъ, заботилась объ нихъ и днемъ, и ночью! Если они о матери такъ мало думаютъ, то еще менѣе, разумѣется, привязаны ко мнѣ! Взять въ городъ ихъ нельзя... Я помню, какъ и прежде наши кошки точили когти о твои книги и много ихъ тебѣ перепортили... Зайчику тоже неудобно будетъ жить въ городской квартирѣ, да и что мнѣ его насильно держать въ неволѣ, когда онъ столько разъ пытался бѣжать! А про огородъ такъ подумать еще тяжелѣе: каждый день одно растеніе за другимъ вянетъ и умираетъ»..... «Да, дружокъ, но растенія твои завяли уже тогда, когда дали тебѣ плодъ! Ты забылъ, съ какимъ аппетитомъ ты лакомился послѣ обѣда своимъ горохомъ, рѣпою и морковкою! А въ какой восторгъ ты приходилъ, когда бабушка подавала всѣмъ намъ жареный картофель съ твоей грядки! Ты жалѣешься, что ласточки улетѣли, что твой зайчикъ порывается бѣжать отъ тебя, что твои кошечки бѣгаютъ на свободѣ и не хотятъ тебя знать; но ты забылъ, сколько удовольствія и пользы доставили они тебѣ въ то время, когда росли. Ты многое замѣтилъ, многому научился за это время. На землѣ, мой другъ, нѣтъ ничего вѣчнаго».— «Видишь-ли», отвѣчалъ Петя какъ-то вдумчиво, «для меня во всемъ этомъ вотъ что ужасно: я ходилъ, заботился, любилъ, и отъ всего этого у меня ничего, ничего не осталось. Я многое замѣтилъ, это правда... Мнѣ, пожалуй, это полезно: но что же отъ этого другимъ?» При этомъ Петя неопредѣленно устремилъ глаза на какой-то предметъ и, положивъ голову на свои рученки, глубоко задумался.

«Папа!» заговорилъ онъ вдругъ оживляясь, и въ ту же минуту въ его глазенкахъ появились искорки. «Я теперь знаю, чего хочу! Это огромное и хорошее, хорошее счастье! Я хочу имѣть маленькаго братишку! Боже, какъ бы мнѣ хотѣлось его имѣть! Какъ бы я любилъ его, какъ бы берегъ! Никто, никогда бы не смѣлъ его обидѣть, и онъ тоже никогда никого не обидѣлъ бы! Я научилъ бы его всему, что знаю самъ, объяснилъ бы ему, что понимаю, и еще болѣе старался бы понять, чтобы только всегда умѣть ему

все объяснить».... И Петя уѣхалъ въ городъ задумчивый и опечаленный.

Съ тѣхъ поръ прошло два года. Правда, Петя не тосковалъ: у него начались уже болѣе серьезныя занятія, а по вечерамъ онъ или самъ уходилъ къ товарищамъ, или они приходили къ нему. Когда нельзя было устроить ни того, ни другого, онъ занимался какою нибудь ручною работою: выпиливалъ по разнымъ рисункамъ изъ дерева дощечки, дѣлалъ изъ нихъ очень красивые ящички, сухарницы, корзиночки, склеивалъ изъ бумаги дома и разныя большія постройки, рисовалъ, читалъ. Но, не смотря на множество самыхъ разнообразныхъ занятій, отъ времени до времени онъ останавливался на прежней мысли.—«Ахъ, если-бы у меня былъ маленькій братишка! Какія бы я только игрушки ему устроивалъ»! скажетъ онъ бывало вдругъ матери, и для него достаточно было это вспомнить, чтобы весь вечеръ быть грустнымъ. Каково-же было его удивленіе и восторгъ, когда однажды, рано утромъ, къ нему вошелъ въ комнату отецъ со словами: «Ну, Петя, у меня есть для тебя новость! Радостная-ли только не знаю! Ты все хотѣлъ имѣть маленькаго брата.... Сегодня ночью у тебя родилась маленькая сестра,—вѣдь ее тоже ты можешь учить, какъ и маленькаго брата, любить, защи-

щать, изобрѣтать для нея игрушки, придумывать игры».—«Конечно.... Это все равно.... Это даже лучше. Гдѣ-же она, папочка, покажи поскорѣе». «Пойдемъ, пойдемъ, только одѣнься раньше».... Но развѣ могъ Петя одѣваться въ такую минуту? Руки у него дрожали и совсѣмъ отказывались завязывать разныя тесемки и застегивать пуговки, которыхъ было не мало въ его костюмѣ; и потому онъ кое-какъ накинулъ куртку и только умоляю-

щимъ голосомъ могъ вскрикнуть: «Не мучь меня, папа, не могу... Веди, веди меня скорѣе». Отецъ самъ такъ хотѣлъ поскорѣе видѣть свиданіе своего сына съ новорожденной дочерью, что не заставилъ Петю повторять просьбу, схватилъ

его за руку и быстро направился въ спальню жены. Мать Пети лежала больная въ постели, а подлѣ нея стояла маленькая кроватка, та самая, въ которой Петя спалъ до трехъ лѣтъ. Теперь въ ней лежала крошечная дѣвочка, вся красная и закутанная въ пеленки и одѣяло.—«Какая она маленькая! Покажи мнѣ ея ножки, ручки! Воображаю, какія онѣ у нея должны быть крошечныя, когда она вся такая маленькая, а пальчики, пожалуй, будутъ короче маленькой булавочки! Но какъ бы мнѣ хотѣлось, чтобы она открыла свои глазки; вѣроятно они у нея какъ звѣздочки горятъ»... безъ умолку и внѣ себя отъ радости и счастья болталъ Петя, разсматривая малютку то съ одной стороны, то съ другой.—«Теперь Варя,—такъ будутъ звать твою новорожденную сестру», сказалъ отецъ, «спитъ и мама еще очень слаба. А вотъ ужо, когда маленькую будутъ купать, я позову тебя. Тогда ты ею еще полюбуешься».

Когда недѣли черезъ двѣ мать Петина выздоровѣла, она каждый разъ звала сына, какъ только просыпалась маленькая Варя. Съ большимъ вниманіемъ смотрѣлъ Петя, какъ его сестренка, распеленатая послѣ продолжительнаго сна, барахталась на подушкѣ, морщила личико, мотала головенкой. Петя скоро убѣдился, что ея глазенки

не только не блестятъ, какъ звѣздочки, какъ онъ думалъ прежде, а даже напротивъ—она ими ничего не видитъ. Дѣвочка безсмысленно мигала, и когда Петя попробовалъ переносить свѣчку съ одного стола на другой, она не обращала на это никакого вниманія. Ея уши тоже не оказывали ей никакой услуги. Петя подходилъ къ ней то съ той, то съ другой стороны, кричалъ, звалъ ее, но она оставалась равнодушной къ его зову, не улыбалась ему, ни единымъ звукомъ или жестомъ не выражала ни малѣйшаго желанія сколько нибудь удержать его при себѣ. Такъ какъ она ничего не слыхала, то и не пугалась совсѣмъ и не только не плакала, но даже и не вздрагивала отъ рѣзкаго звука, стука, говора или смѣха. Ея ножки и ручки также были очень слабы: она не могла не только прыгать или лазить, но не умѣла даже еще ползать и стоять. Когда Петя давалъ ей въ ручку мячикъ или кольцо, она не умѣла ни схватить, ни удержать игрушки въ своихъ рученкахъ. Это было въ полномъ смыслѣ слабое, безпомощное существо, которое нужно было поить, кормить, мыть, одѣвать, носить на рукахъ.

«Такія маленькія дѣти такъ безпомощны, мама», разсуждалъ Петя, «что навѣрно нѣтъ ни одного злодѣя, въ комъ-бы они не возбуждали

жалости».—И, такъ какъ Петя не только не былъ злымъ, а даже чувствовалъ себя безконечно счастливымъ, что судьба послала ему сестренку, то услуживалъ, чѣмъ только могъ: то подастъ губку, когда мама собиралась вытирать ей личико послѣ сна, то принесетъ воду, одѣяльце.

Въ недѣль семь, восемь дѣвочка замѣтно выросла и развилась: она уже не таращила безсмысленно глазенокъ, а внимательно смотрѣла, когда утромъ лучъ солнца врывался въ комнату и начиналъ играть, перебѣгая съ одного блестящаго предмета на другой. Вотъ свѣтъ еще ярче заигралъ на мѣдной ручкѣ двери, потомъ на полированной мебели, и въ глазахъ дѣвочки блеснула радость, на ея розовыхъ губкахъ появилась улыбка. «Гу, гу,» гулитъ она, подаваясь впередъ своимъ маленькимъ тѣльцемъ, точно желая схватить солнечный лучъ.

Когда Петя теперь приносилъ ей то одинъ, то другой разноцвѣтный мячикъ и, держа его на снуркѣ, тихонько раскачивалъ передъ нею, она живо слѣдила глазками за его движеніемъ, подымала вверхъ рученки и старалась поймать и обхватить его. Послѣ этого дѣвочка скоро начала немного и сидѣть, иногда на рукахъ у матери, другой разъ на подушкѣ, сидитъ и поворачиваетъ головку въ ту сторону, откуда слышитъ

какой нибудь шумъ или звукъ. При этомъ Петя ставилъ передъ ней столъ и пускалъ на немъ волчекъ: когда тотъ закружится и зажужжитъ, онъ любуется, какъ это тѣшитъ его маленькую сестренку, какъ она при этомъ произноситъ разные звуки, какъ тянется къ игрушкѣ. И Петя всѣми силами старается разнообразить ея удовольствія: то повозитъ передъ нею на полу телѣжку, то нанижетъ на нитку цвѣтныя бумажки, броситъ ихъ на полъ и бѣгаетъ съ ними передъ нею взадъ и впередъ.

Дѣвочкѣ пошелъ второй годъ: она начинаетъ уже ходить, кричитъ: «папа», «мама» и, не видя Пети, безпрестанно зоветъ его.—«Иду, иду», радостно отзывается онъ и бѣжитъ къ ней со всѣхъ ногъ. Когда ему нужно было учиться, мама отсылала его въ самую дальнюю комнату, чтобы онъ не слыхалъ голоса своей сестры. Она знала, что, заслышавъ его, Петя не можетъ усидѣть на мѣстѣ и все броситъ, чтобъ только бѣжать къ своей любимой сестренкѣ.

Варѣ наступило четыре года и Петя такъ привязался къ ней, что совсѣмъ забывалъ себя: все свое свободное время онъ употреблялъ на то, чтобы дѣлать ей игрушки одну замысловатѣе другой. То онъ устроитъ ей мельницу, которая сама вертится, когда Варя съ нею бѣгаетъ, въ

другой разъ вырѣжетъ ей куклу или какого нибудь звѣрка, иногда вмѣстѣ съ нею начнетъ строить изъ деревянныхъ кубиковъ разныя постройки.

Прошла зима, а для лѣта новыя затѣи! Варю особенно тѣшило, когда братъ показывалъ ей руками и пальцами кроликовъ на стѣнѣ какого нибудь зданія. Устроивалъ онъ это для нея обыкновенно на открытомъ воздухѣ, когда солнце свѣтило прямо противъ стѣны, или въ комнатѣ, когда въ ней горѣла свѣчка или лампа. «Ахъ, Петя, какъ хорошо», кричала въ восторгѣ Варя, хлопая въ ладоши. «Кроликъ точно живой! Ай... ай... ай... вонъ онъ и ушками двигаетъ! Помнишь, ты разъ читалъ: «зайчикъ ушками прядетъ»... Нашъ зайчикъ теперь тоже ушками прядетъ... Еще, еще... вотъ теперь и ножками зашевелилъ».—«Да это еще что», говорилъ Петя, счастливый радостью дѣвочки:—«ты вотъ теперь посмотри, какого я тебѣ змѣя приготовилъ», и Петя бѣжалъ съ Варею въ свою комнату, гдѣ уже былъ приготовленъ раскрашенный змѣй. Послѣ этого они тотчасъ вмѣстѣ отправлялись пускать его на открытую поляну.

«Петя, Петя», кричитъ мама, «посмотри-ка: Варя у насъ, вѣроятно, вспотѣла, ей нужно бы подождать бѣгать, а то она простудится».—

«Правда, Варя», говорилъ ей братъ, взявъ ее за руку, «пойдемъ-ка домой, ты посидишь на

крылечкѣ, отдохнешь, а я пойду почитаю».—«И я съ тобой,—одна сидѣть не буду»... «Да вѣдь мнѣ нужно же заниматься, пожалуйста, посиди,—я къ тебѣ няню пришлю! Тамъ на лужку теперь такъ хорошо! Цыплятокъ покорми,—я только часокъ позаймусь»... Но дѣвочка, вмѣсто отвѣта, еще крѣпче схватила брата за куртку и уже

сморщила свое маленькое личико въ гримаску, чтобы заплакать.—«Ну, хорошо, хорошо... я и сидѣть съ тобой буду, только не плачь»... уже испугался Петя, ласково засматривая ей въ глазки и усаживая ее на крыльцѣ.—«Ну перестань-же, посмотри лучше, какую я тебѣ сдѣлаю лодочку». Онъ бралъ свой перочинный ножъ и, болтая съ ребенкомъ, черезъ часъ, другой выдалбливалъ изъ дерева лодочку. Затѣмъ дѣти отправлялись отыскивать полотняную тряпочку, изъ которой Петя дѣлалъ парусъ. Когда Варя отдохнула, дѣти побѣжали пускать на прудъ свою лодочку.—«Ну, Петя», говорила Варя, возвращаясь домой, «ты столько сегодня придумывалъ разныхъ игрушекъ, что теперь ты уже болѣе ничего не съумѣешь сочинить новенькаго. Такъ пойдемъ хотя змѣя еще разъ пустимъ.»—«Теперь нельзя», отвѣчалъ Петя, «уже поздно... Къ тому-же все такъ стихло, видишь ни одинъ листикъ не шелохнетъ на деревѣ,—ну и нашъ змѣй не полетитъ. Теперь вотъ мы чѣмъ займемся: наберемъ камней, отыщемъ глину и устроимъ печку»... «Какъ печку? настоящую?» спрашивала въ восторгѣ Варя, не вѣря своимъ ушамъ. «И эту печку можно будетъ затопить? Можетъ быть въ ней можно даже что нибудь варить или печь? И мама не будетъ сердиться, что мы сдѣлаемъ и

затопимъ такую печку?»—«Теперь такъ тихо, что мама, конечно, позволитъ намъ все это устроить, и мы въ нашей печкѣ картофель спечемъ и угостимъ маму,—она очень любитъ печеный кортофель».—«Какъ хорошо, какъ хорошо ты всегда все придумаешь! Никогда,

никогда, Петя, не отходи отъ меня! Мнѣ всегда такъ весело съ тобой», болтала Варя, то весело

подпрыгивая, то бросаясь обнимать и цѣловать брата.

Уже сумерки наступили, когда дѣти кончили свою печь и затопили ее щепками, которыя они собрали на дворѣ.—«Ну, Варя, бѣги теперь въ кухню за картофелемъ»... кричалъ ей братъ, но въ эту минуту они услыхали голосъ матери: «Дѣти, дѣти, уже поздно, идите домой»... «Нѣтъ, мамочка, пожалуйста, подожди, если я не угощу тебя сегодня картофелемъ, испеченнымъ въ нашей печкѣ,—я ни за что не засну.—Ты посмотри только что у насъ за печка»... «Ахъ, Варя, Варя, до сихъ поръ Петя съ тобой провозился и ужъ вѣрно не приготовилъ уроковъ къ завтрашнему дню».... «Ничего, мама», сказалъ Петя, «я завтра встану пораньше, пока Варя будетъ спать и успѣю справиться со всѣмъ, что мнѣ задано.»

Варя, постоянно видя изобрѣтательность брата въ игрушкахъ и забавахъ для нея, уже часто, только для того, чтобы помочь ему, сама вникала во все и внимательно слѣдила за всѣмъ, что онъ для нея устроивалъ. Это скоро дало ей возможность самой, если еще не придумывать себѣ новыя игрушки, то по крайней мѣрѣ дѣлать уже къ нимъ разныя приспособленія. Когда Варя еще подросла, она такъ привязалась къ брату, что считала его и самымъ умнымъ, и самымъ свѣду-

щимъ изъ всѣхъ дѣтей, которыхъ она встрѣчала. Кто бы ей что ни сказалъ, она вѣрила только тогда, когда это подтверждалъ Петя. Одно ее сильно огорчало: ея брату теперь годъ отъ году приходилось все меньше быть съ нею, такъ какъ ему нужно было много читать и еще больше тратить времени на уроки. Къ тому-же онъ ходилъ въ гимназію и слѣдовательно все меньше могъ оставаться съ Варею. Но за то, какъ ждала она трехъ часовъ,—когда братъ возвращался домой! При первомъ звонкѣ, она была уже у двери, и Петя сообщалъ ей всѣ свои гимназическія приключенія и нерѣдко передавалъ даже кое-что изъ того, что ему удавалось узнать или прочесть.

Я лично знакома съ семействомъ Вольскихъ, и ихъ дѣти, Петя и Варя,—уже хорошо извѣстныя моимъ читателямъ своею горячею любовью и привязанностію другъ къ другу, всегда производятъ на меня такое же впечатлѣніе, какъ ясное солнышко, когда оно вдругъ выглянетъ въ холодный осенній день и пригрѣетъ землю своими теплыми лучами. Я иногда думала прежде, что Варя, изнѣженная болѣе брата и избалованная имъ съ первыхъ дней дѣтства, будетъ капризной дѣвочкой, много будетъ думать о своихъ прихотяхъ и мало заботиться даже о Петѣ.

Вышло совсѣмъ не то: чѣмъ болѣе выростала Варя, тѣмъ болѣе понимала горячую къ себѣ любовь брата и съ каждымъ днемъ все болѣе сознательно отвѣчала ему тѣмъ же.

Теперь Варѣ десять лѣтъ. Вольскій-отецъ умеръ, а Петя уже студентъ и готовитъ Варю къ младшему классу гимназіи. Ему приходится теперь заботиться не только о сестрѣ, но и о матери, которая сдѣлалась совсѣмъ больной женщиной. Заботы по дому и даже хозяйство почти цѣликомъ лежатъ на немъ одномъ.

Когда я недавно пріѣхала къ Вольскимъ, я застала Варю въ особенно возбужденномъ состояніи. На мой вопросъ о причинѣ этого, она отвѣчала, что только что кончила читать книгу «О нравахъ дикарей», которую ей далъ Петя. Вотъ она ждетъ его не дождется, чтобы сообщить ему разныя диковинки о дикаряхъ, о которыхъ онъ можетъ быть не читалъ или успѣлъ уже забыть. Ей хотѣлось также узнать отъ него поскорѣе, возможно-ли будетъ имъ когда нибудь ѣхать въ страны, гдѣ живутъ такіе люди.—«Это такъ любопытно, тётя», залепетала она, обращаясь ко мнѣ,—«что вы просто и представить себѣ не можете. Особенно было-бы хорошо съѣздить туда это лѣто».... «Ну, мой другъ», перебила я её,—«я тебѣ и безъ Пети скажу, что вамъ туда

не ѣхать: далеко да и денегъ столько у васъ нѣтъ... Ну, а на кого-же вы тогда оставите больную маму?»—«Но если-бы и мама».... какъ-то совсѣмъ растерявшись проговорила Варя и сконфуженно опустила головку.—«Ахъ да, я и забыла сказать тебѣ», продолжала я: «вѣдь я какъ-то на дняхъ встрѣтила Петю. Онъ сообщилъ мнѣ между прочимъ, что на это лѣто вы непремѣнно уѣзжаете въ деревню, къ бабушкѣ, такъ какъ мама больна и сама этого желаетъ. Лѣтомъ, когда онъ не будетъ заваленъ своею собственною работой, онъ надѣется серьезнѣе заняться съ тобой, а въ свободное отъ занятій время—вы будете учить деревенскихъ ребятъ. Говорятъ, ты теперь такъ прекрасно читаешь и пишешь, что уже можешь помогать брату при обученіи грамотѣ крестьянскихъ дѣтей. Неужели ты ничего объ этомъ не слыхала?»—«Нѣтъ, онъ говорилъ», сказала Варя, не поднимая головы и неловко перебирая пальцами складки моего платья.—«Видите-ли, тётя: я какъ кончила книгу, мнѣ такъ и захотѣлось сейчасъ-же видѣть все, что я читала!... Конечно все это для насъ дорого и невозможно. Къ тому-же вотъ вѣдь что еще»... сказала она, вдругъ оживляясь и подымая головку, «я не всегда хочу того, чего желаетъ Петя, но когда я дѣлаю такъ, какъ онъ хочетъ, все выходитъ и лучше, и

веселѣе для меня!... Да, это лѣто непремѣнно, непремѣнно надо ѣхать въ деревню»... живо заговорила Варя, совсѣмъ забывая то, о чемъ она мечтала еще нѣсколько минутъ тому назадъ. «И вы пріѣзжайте, тётя, будемъ вмѣстѣ въ лодкѣ кататься, купаться, бѣгать!... Ахъ, еслибъ вы видѣли, какъ я отлично умѣю лошадью править... Бабушку за десять верстъ въ церковь возила. Если бы вы пріѣхали, у насъ устроилась-бы просто настоящая школа. Бабушка теперь совсѣмъ стала стара, а безъ нея никто не выучитъ читать дѣтей Марины и Ольги, которыя у нея такъ долго служили»... И Варя, все забывъ, стала разсказывать мнѣ о прелестяхъ деревенской жизни и о томъ, какъ они проводили съ Петею прошлое лѣто.

Передъ отъѣздомъ въ деревню Петя и Варя пришли со мною прощаться. Варя, разумѣется, уже успѣла сообщить Петѣ, какъ ей вдругъ захотѣлось ѣхать къ дикарямъ, но добродушныя шутки и остроты брата скоро заставили ее понять всю несообразность этого желанія.

СТРАННАЯ ДРУЖБА.

Однажды Петя-пѣтушекъ свелъ самую закадычную дружбу съ голубемъ. Одинъ безъ другаго просто жить не могутъ. Петя-пѣтушекъ важно разгуливаетъ по двору, навозныя кучи ногами разгребаетъ, а самъ то и дѣло поднимаетъ голову вверхъ, на крышу посматриваетъ, глядитъ, — тутъ-ли пріятель. Вдругъ онъ нашелъ овсяное зернышко и ну куръ и цыплятъ сзывать, но болѣе всего приглашаетъ, кажется, голубя,—еще чаще вверхъ голову поднимаетъ. Голубокъ наконецъ понялъ, спорхнулъ внизъ, зернышко ухватилъ и сталъ около пѣтуха расхаживать. Да ходитъ-то голубокъ какъ-то странно, видно потому, что

ноги у него коротки: шагнетъ и каждый разъ при этомъ головой тряхнетъ, а побѣжитъ, такъ головка его только мелькаетъ,—то и дѣло онъ ею киваетъ,—можетъ потому онъ и ходить-то много не любитъ. Вотъ и теперь, погулялъ около пѣтушка, взвился вверхъ и полетѣлъ, описывая въ воздухѣ легкіе повороты и зигзаги.

Однажды Петя-пѣтушекъ сильно подрался со своимъ собратомъ—другимъ пѣтухомъ, который вздумалъ было пробраться на его дворъ. Схватка съ той и съ другой стороны была такая жестокая, что нашъ пѣтушекъ, хотя и остался побѣдителемъ, но получилъ въ сраженіи рану въ ногу, отъ которой онъ долго прихрамывалъ. Нужно было видѣть тогда голубя: онъ то и дѣло кружился и ворковалъ около пѣтушка, садился на подоконникъ дома или на вѣтку дерева, подъ которымъ разгуливалъ его пріятель; ночи онъ проводилъ въ томъ-же сараѣ, гдѣ и пѣтушекъ, усѣвшись на балкѣ надъ курошестомъ, а то и подлѣ него, если только онъ не сидѣлъ съ курами.

Однажды знакомаго намъ Петю-пѣтушка продали въ сосѣднюю деревню,—и голубь за нимъ. По новому двору расхаживаютъ, по прежнему не разлучаясь другъ съ другомъ ни на минуту. Однако скоро, когда подросли цыплята и на дворѣ

появилось множество молодыхъ пѣтушковъ, хозяйка рѣшилась зарѣзать стараго пѣтушка себѣ на жаркое.—«Того и гляди», жаловалась она, «въ дракѣ на смерть уложитъ одного изъ молодыхъ пѣтушковъ. Такой драчунъ сталъ, только и жди теперь отъ него изъяна; да скоро и старъ станетъ: не годенъ будетъ ни для супа, ни для жаркого».—И старуха, на другой-же день, рано утромъ, поманила къ себѣ пѣтуха въ избу, изъ которой скоро раздался его тревожный крикъ. Голубокъ такъ и вздрогнулъ, вспорхнулъ на выступъ оконца, шейку вытягиваетъ, въ избу засматриваетъ. Вдругъ онъ отскочилъ отъ окна, забѣгалъ по выступу, кружится, воркуетъ такъ, точно стонетъ, даже вчужѣ сердце надрывается... То онъ впередъ наклонится, то опять повертится на одномъ мѣстѣ, то снова начнетъ стонать, бѣгаетъ взадъ и впередъ; наконецъ опять взглянулъ въ окошко, хлопнулъ крыльями, вспорхнулъ и улетѣлъ. Но еще нѣсколько дней сряду прилеталъ онъ во дворъ, гдѣ столько времени провелъ съ своимъ пріятелемъ. При этомъ онъ каждый разъ непремѣнно заглядывалъ въ окно избы, въ которую въ послѣдній разъ вошелъ живой пѣтушекъ, затѣмъ полетитъ въ сарай, на гумно, въ птичникъ, и опять куда-то исчезнетъ. Разъ онъ какъ-то особенно тревожно ворковалъ

и стоналъ, перелеталъ съ одной крыши на другую, посѣтилъ всѣ закоулки, въ которые когда бы то ни было заглядывалъ съ пѣтушкомъ, и, наконецъ, вспорхнулъ и улетѣлъ навсегда.

Съ тѣхъ поръ на дворѣ никто никогда не видалъ этого голубя.

МАСТЕРСКАЯ КУКОЛЪ.

Александра Петровна Кондратьева женщина лѣтъ подъ сорокъ. Она уже болѣе пяти лѣтъ въ губернскомъ городѣ С. держитъ мастерскую, въ которой изъ холста, замши и лайки приготовляетъ торсы для куколъ и потомъ пришиваетъ или приклеиваетъ ихъ уже къ готовымъ головкамъ. Въ этой мастерской шьютъ для куколъ туалеты, начиная отъ простенькой каленкоровой рубашки до бархатной шляпки и роскошной шубки, какія носятъ только настоящія щеголихи.

Кондратьева нанимаетъ теперь большую квартиру, держитъ четырехъ мастерицъ, даетъ много работы бѣлошвейкамъ, столярамъ и парикмахерамъ. Въ ея мастерской бѣдный и богатый, каждый

по своему вкусу и карману, можетъ найти себѣ куклу: съ фарфоровой головкой, изъ папье-маше или восковую. У одной стѣны разставлены куклы съ длиннѣйшими толстыми косами всѣхъ цвѣтовъ

и оттѣнковъ, такъ что ихъ прекрасно можно расчесывать и устроить изъ нихъ какую угодно прическу. У другой стѣны другъ на друга навалены еще неодѣтыя куклы съ короткими волосами, какъ

это обыкновенно бываетъ у дѣтей: тамъ, въ углу, на подставкахъ прелестныя молодыя дѣвушки-куклы, локоны которыхъ свѣшиваются до плечъ; у кучеровъ и русскихъ парней волосы обрѣзаны въ кружекъ и такъ до безконечности. Тутъ можно пріобрѣсти куклу въ одной рубашкѣ, совсѣмъ безъ всякой одежды, съ платьями и бѣльемъ только скроеннымъ, чтобы хозяйка такой куклы сама привыкала все шить и кроить по данному образцу. Вы найдете здѣсь также и очень дорогихъ куколъ со всѣми принадлежностями туалета для каждаго времени года, съ гардеробомъ, кардонками и сундуками, въ которыхъ можно уложить все ихъ разнообразное имущество. Для такой богатой куклы вы здѣсь-же можете пріобрѣсти роскошный туалетъ и превосходную кровать съ матрасомъ, подушками, постельнымъ бѣльемъ и атласными одѣялами различныхъ цвѣтовъ. Кромѣ того въ мастерской Кондратьевой большой выборъ прелестныхъ колыбелекъ не только для куколъ - младенцевъ, но и для дѣйствительно живыхъ, новорожденныхъ дѣтей. Вотъ эти-то колыбельки, кукольные комоды, гардеробы, туалеты даютъ работу не одному столяру; парики, косы, локоны заставляютъ Александру Петровну обращаться иногда сразу въ нѣсколько парикмахерскихъ.

Однако такъ разрослась мастерская Кондратьевой только въ самое послѣднее время.

Еще три года тому назадъ Александра Петровна работала только съ дочерью, да и та помогала ей лишь урывками, когда возвращалась изъ гимназіи и въ тѣ часы, когда она была свободна отъ уроковъ къ завтрашнему дню. Тяжело было Александрѣ Петровнѣ въ это время справляться одной со всѣмъ, но еще тяжелѣе, когда она вовсе не имѣла заработка.

Семь лѣтъ тому назадъ Кондратьева не имѣла нужды и думать даже о какой бы то ни было мастерской, такъ какъ въ это время еще былъ живъ ея мужъ. Она вела большое хозяйство, имѣла хорошія средства къ жизни и сама въ магазинахъ покупала для своихъ дѣтей игрушки и куклы. Мужъ Александры Петровны служилъ, получалъ хорошее жалованье, и это давало возможность его семейству жить, если не роскошно, то совсѣмъ не нуждаясь. Но вдругъ времена перемѣнились. Несчастія этого семейства начинаются съ того времени, когда въ городѣ появилась жестокая холерная эпидемія. Эту ужасную болѣзнь схватили одинъ за другимъ всѣ дѣти Кондратьевыхъ, и пошли въ домѣ горе, несчастіе, недостатки.

«На бѣднаго Макара всѣ шишки валятся», говоритъ русская пословица, и дѣйствительно:

почти всегда за одною бѣдою стучится въ дверь другая бѣда, еще болѣе непоправимое горе. Эта пословица, къ сожалѣнію, вполнѣ оправдалась на семействѣ Александры Петровны. Холера изъ четырехъ ея дѣтей свела въ могилу двоихъ, а старшая ея дочь Ольга, хотя и поправилась послѣ этого страшнаго недуга, но сдѣлалась чрезвычайно малокровна, слаба и требовала постояннаго, самаго тщательнаго ухода и леченія. Не прошло еще и полугода послѣ смерти дѣтей, какъ ихъ отецъ внезапно захворалъ и черезъ пять-шесть дней его уже не стало. Александра Петровна осталась вдовой съ двумя дѣтьми: старшей дочери Ольгѣ было 14 лѣтъ, а младшей только исполнилось три года. На похороны и леченіе дѣтей и мужа было потрачено все, что было сбережено про черный день. Все потрачено, а черные дни не уходили, а все прибывали; между тѣмъ главнаго работника и кормильца семьи уже не было. Чтобы жить и платить за дорого стоющее леченье старшей дочери, Александрѣ Петровнѣ уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ пришлось распродавать нѣкоторыя вещи, которыя прежде она считала необходимыми, теперь-же онѣ казались ей излишнею роскошью. И пошла распродажа! Сегодня уносятъ изъ гостинной мягкую мебель, завтра продаютъ ковры, а затѣмъ остается при-

няться и за платья.—«Да и зачѣмъ мнѣ теперь всѣ эти туалеты: синія, лиловыя, коричневыя,— кромѣ чернаго платья ничего никогда не буду носить!... Горе и трауръ въ прошломъ, тоже въ настоящемъ, а въ будущемъ, кажется, такъ и никогда не будетъ никакого просвѣта! Но вѣдь вещамъ скоро будетъ конецъ! Что-же мнѣ дѣлать тогда съ дѣтьми? за какой заработокъ взяться? Да и когда еще найдется какая нибудь работа, а деньги нужны сейчасъ, сію минуту»!—

Чтобы сократить расходъ, Александра Петровна бросила и ту маленькую квартиру, которую наняла послѣ смерти мужа, и взяла отъ хозяйки двѣ небольшихъ комнаты. Но вѣдь и за такую квартиру нужно платить! Она рѣшилась взяться за уроки и просила всѣхъ своихъ знакомыхъ рекомендовать ее.

Долго не было никакихъ занятій, но наконецъ ей предложили уроки въ одномъ домѣ, отъ которыхъ она сама отказалась чрезъ полтора мѣсяца. За двадцать рублей въ мѣсяцъ ей приходилось каждый день ходить на другой конецъ города и заниматься съ чужими дѣтьми почти цѣлый день, въ то время, какъ свои оставались дома совершенно одни. Между тѣмъ старшая ея дочь постоянно хворала, а младшая Надя была слишкомъ мала, чтобъ оставаться одной. На двадцать

Публичная библиотека № Одесса

рублей въ мѣсяцъ въ настоящее время трудно прожить и одному человѣку, существовать-же всему семейству рѣшительно невозможно. Къ тому-же, отлучаясь изъ дому на цѣлый день, Александра Петровна должна была нанимать за себя человѣка, который присмотрѣлъ бы за ея больною дочерью, маленькимъ ребенкомъ и приглядѣлъ-бы за хозяйствомъ. Нѣтъ, ей необходимо найти работу, которая не разлучала-бы ее съ дѣтьми!—«Но гдѣ-же ее взять?» думала она про себя. «Давать уроки у себя на дому? Конечно, это было-бы прекрасно, но обыкновенно родители, которые посылаютъ своихъ дѣтей учиться, отправляютъ ихъ въ школу. Брать шитье на домъ? но она не настоящая портниха, а самоучка! Дамы, заказывающія платья, за фасонъ которыхъ дорого платятъ, отправляются къ настоящимъ модисткамъ, а небогатыя могутъ заплатить за работу немного, такъ немного, что на такой заработокъ и одну себя черствымъ хлѣбомъ едва прокормишь. Боже, Боже, что-же дѣлать? Вѣдь черезъ мѣсяцъ,—другой, чтобы купить Олѣ лекарство, придется закладывать съ себя шубу! И она въ ужасѣ закрыла лице руками. Самыя тяжелыя воспоминанія, самыя мрачныя картины, одна ужаснѣе другой, рисовались въ ея воображеніи. То вспоминала она послѣднія минуты своего мужа,

то ласки своего умирающаго малютки, его мольбы и слезы, когда онъ вдругъ почувствовалъ облегченіе передъ вѣчной разлукой съ нею, сталъ умолять ее спустить его съ кровати побѣгать и посмотрѣть, все-ли по прежнему стоитъ въ комнатахъ на своемъ мѣстѣ. Его слабѣющій голосъ съ ужасною отчетливостью и теперь отдавался еще въ ея ушахъ и леденилъ ея сердце. И вдругъ тоже самое ждетъ и ея старшую дочь!—Да, она умретъ, непремѣнно умретъ уже потому, что скоро не на что будетъ купить ей лекарства». И ей уже чудится, что она лежитъ въ гробу, окруженная горящими восковыми свѣчами, и на ея ихсудаломъ личикѣ она читаетъ глубокую скорбь, что ея мать и маленькая сестра остаются еще здѣсь.—«Нѣтъ, нѣтъ!» очнулась несчастная женщина... «Она будетъ жить! О, если бы я могла перелить въ ея жилы всю мою кровь до послѣдней капли! Господи! если бы какая нибудь работа, хотя самая тяжелая, я бы отдала ей всю мою жизнь, лишь бы спасти моихъ дѣтей!» Въ эту минуту она услыхала сухой, рѣзкій кашель дочери, быстро вытерла заплаканные глаза, вымыла лице и вошла въ ея комнату дать послѣднюю пилюлю, которая оставалась въ коробочкѣ.—«Нужно нести сейчасъ-же продать мое второе платье, мнѣ будетъ и одного». И она подошла къ своему, все

болѣе пустѣющему, шкапу. Вдругъ она вспомнила, что уже давно не выдвигала въ немъ нижняго ящика. Онъ не нуженъ ей былъ до сихъ поръ, такъ какъ въ него она складывала всѣ уцѣлѣвшія куклы старшей дочери, которыя она припрятывала для младшихъ дѣтей. Она отыскала ключъ и выдвинула этотъ ящикъ: онъ былъ сплошь заложенъ игрушками; тутъ были и дорогія восковыя куклы, и болѣе простыя, которыя она сама шила Ольгѣ, когда еще та была маленькой дѣвочкой. Въ картонкѣ она нашла большой запасъ для нихъ платья и бѣлья и даже двѣ головки, которыя еще не были въ употребленіи. Александра Петровна внимательно разсматривала и развертывала всѣ лоскутки и остатки отъ прежнихъ дорогихъ платьевъ, и ей пришло въ голову, что хорошо было-бы и теперь заняться приготовленіемъ куколъ? Сравнивая тѣ изъ нихъ, которыя она сама шила, съ купленными, она находила, что куклы ея работы были не хуже. Къ тому-же у ней былъ природный вкусъ и умѣнье смастерить красивый нарядъ изъ самыхъ ничтожныхъ обрѣзковъ.—«О, если-бы теперь онѣ дали возможность поддержать существованіе моихъ дѣтей! Я, кажется, вложила бы въ нихъ всю душу, полюбила бы ихъ, какъ можно любить только живыхъ, разумныхъ существъ, которыя понимаютъ, могутъ сочувствовать горю

несчастнаго, бездольнаго человѣка!» Она спрятала куколъ, задвинула ящикъ и стала въ раздумьи шагать по своей комнатѣ. «Кому-же предложить свои услуги? Спросить въ игрушечныхъ магазинахъ? Безъ сомнѣнія они откажутъ: побоятся, что сама открою мастерскую, отобью у нихъ покупателей».—И она рѣшила прежде всего отправиться къ Ивану Васильевичу Михайлову, племянницамъ котораго она еще недавно давала уроки.

Иванъ Васильевичъ—старый холостякъ. Онъ уже былъ человѣкомъ преклонныхъ лѣтъ, когда его родная сестра умерла, оставивъ на его рукахъ двухъ маленькихъ сиротъ-племянницъ. Онъ немедленно взялъ ихъ къ себѣ, сталъ заботиться о нихъ, какъ о родныхъ дочеряхъ, и началъ искать имъ образованную женщину, которая могла бы учить ихъ и большую часть дня проводить съ ними. Вотъ тогда-то Кондратьевой и предложили занятія въ его домѣ. Самъ онъ былъ человѣкъ весьма недостаточный, и даже такая плата, какую онъ назначилъ Александрѣ Петровнѣ за ея трудъ, сильно его обременяла. Когда Кондратьева чрезъ полтора мѣсяца заявила, что не можетъ давать у него уроковъ, и откровенно объяснила причину этого, онъ понялъ ее вполнѣ и разстался съ нею самымъ дружескимъ образомъ, умоляя заходить къ нему время отъ времени и дѣлать ему указанія

относительно воспитанія его племянницъ. Онъ тутъ-же рѣшилъ, по ея совѣту, не искать другой учительницы, а отдать дѣвочекъ въ дѣтскую школу.

Въ данномъ случаѣ, Александра Петровна не такъ разсчитывала на совѣтъ Михайлова въ дѣлѣ, котораго онъ, какъ мущина, совсѣмъ не понималъ, но она знала, что у него въ городѣ много знакомыхъ, и хотѣла его просить указать на тѣхъ, кто бы могъ сдѣлать ей какой нибудь заказъ въ этомъ родѣ.

Дѣло было въ августѣ, за полтора мѣсяца до того дня, въ который въ рѣдкомъ домѣ не бываетъ именинницы.—«Вы представить себѣ не можете, Александра Петровна, какъ вы кстати пришли», сказалъ Михайловъ.—«Я еще вчера ходилъ къ Старицкой,—она вѣдь крестной приходится моимъ цыплятамъ (такъ называлъ онъ своихъ племянницъ). Она всегда по моему порученію покупаетъ имъ одежду и я просилъ ее, чтобы она къ 17 сентябрю, въ день именинъ Вѣрочки и Любочки, купила имъ по большой куклѣ со всѣмъ приданымъ, а для маленькой Любы кромѣ того еще и куклу поменьше, одѣтую новорожденнымъ ребенкомъ и непремѣнно съ колыбелькой. Съ мѣсяцъ тому назадъ Любочка была въ гостяхъ у своей крестной, да какъ уви-

дала тамъ новорожденнаго ребенка, котораго мать купала, пеленала, убаюкивала и укладывала спать, такъ съ тѣхъ поръ только и бредитъ имѣть такую куколку. Каждый день возьметъ свой теплый платокъ, обернетъ его какой нибудь бѣлой тряпкой, закрутитъ веревкой, носится и убаюкиваетъ этотъ свертокъ, какъ настоящаго ребенка. И знаете-ли,—мнѣ хочется пріобрѣсти имъ не роскошныхъ куколъ, но непремѣнно хорошо сдѣланныхъ, чтобы дѣвочки могли ихъ одѣвать и раздѣвать. Старшая могла бы уже привыкать и сама шить на нихъ, держать въ порядкѣ ихъ вещи. Что же до Любочки, такъ я вамъ откровенно признаюсь...я отлично знаю, въ какой восторгъ она придетъ, когда увидитъ куколку въ колыбелькѣ, такъ повѣрите-ли, самъ жду не дождусь этого дня! Такъ и думаю: ахъ, да когда же это 17 сентября...Господи, какъ еще долго! Слово взялъ со Старицкой, какъ она этихъ куколъ купитъ, чтобъ сейчасъ прислала за мной, показать мнѣ, но только, чтобы она ужъ ни за что не отдавала ихъ мнѣ до самыхъ именинъ, какъ бы я ни упрашивалъ ее объ этомъ. А то вѣдь мнѣ не утерпѣть: непремѣнно отдамъ Любочкѣ раньше, будь это даже наканунѣ ея именинъ. Знаете, просто самому смѣшно... Старъ совсѣмъ становлюсь»!

«Нѣтъ, Иванъ Васильевичъ»! сказала Кондратьева, горячо пожавъ ему руку,—«не отъ старости это, а отъ вашей безконечной доброты! Дайте мнѣ, добрый вы, хорошій человѣкъ, приготовить куколку Любочкѣ, и я положу въ нее всю душу, все умѣнье, чтобы она только понравилась дѣвочкѣ. Не бойтесь, что она выйдетъ хуже, чѣмъ изъ дорогаго магазина. Я сейчасъ же обойду всѣ лучшія игрушечныя лавки и осмотрю все, что есть въ этомъ родѣ. Если моя работа вамъ не понравится,—вы ея не возьмете, въ противномъ случаѣ рекомендуйте вашимъ знакомымъ; вѣдь это можетъ дать кусокъ хлѣба мнѣ и моимъ дѣтямъ».

«Я же вамъ это и хотѣлъ предложить! Да и не только моимъ, уже сразу приготовляйте и тремъ дочерямъ Старицкой,—напередъ отвѣчаю и за нее. Кромѣ того, я увѣренъ, что и ея кузина, когда это узнаетъ, тоже закажетъ вамъ и для своихъ дочерей. Онѣ вмѣстѣ вчера уговаривались ѣхать за недѣлю до 17 сентября покупать дѣтямъ куклы и игрушки: вѣдь у обѣихъ дамъ всѣ дочери именинницы въ этотъ день. Но ужъ вы простите старика: рекомендовать васъ своимъ знакомымъ я осмѣлюсь только тогда, когда вы заимообразно возьмете у меня на матеріалъ хотя пятьдесятъ рублей. Иначе, подумайте сами, что

у васъ хорошаго выйдетъ, если вы нашьете своимъ кукламъ только ситцевыя платья. Я знаю, что эти дамы собирались покупать хорошихъ куколъ. Какъ только выручите деньги, такъ мнѣ ихъ и отдадите. Но теперь скорѣе въ дорогу! Намъ слѣдуетъ вмѣстѣ отправиться къ Старицкой, чтобы предупредить ее и узнать, какого сорта куклы ей нужны».

Если бы Александра Петровна стала говорить въ эту минуту, она непремѣнно зарыдала бы отъ радости и самой глубокой благодарности къ этому доброму человѣку, который принялъ въ ней такое живое участіе, и потому только еще разъ крѣпко пожала ему руку.

Старицкая хотя и не была знакома домами съ Александрой Петровной, но еще раньше встрѣчалась съ нею у своихъ знакомыхъ, приняла ее чрезвычайно радушно и много разспрашивала о ея дѣтяхъ. Она сейчасъ же хотѣла ѣхать ко всѣмъ своимъ знакомымъ, чтобы узнать, кто изъ нихъ собирается покупать куколъ и просить заказать ихъ Кондратьевой.—«Нѣтъ, не дѣлайте этого. Я сама еще не увѣрена въ себѣ, сама еще не знаю, какъ оправдаю ваше довѣріе ко мнѣ. Я прежде приготовлю куклы для вашихъ дочерей и для племянницъ Ивана Васильевича, и когда онѣ будутъ готовы, я дамъ вамъ знать. Вотъ тогда я

буду просить васъ пріѣхать ко мнѣ взглянуть на мою работу съ двумя, тремя вашими знакомыми».

Старицкая согласилась чрезвычайно охотно, и Александра Петровна, не слыша отъ радости ногъ подъ собою, прибѣжала домой.—«Ольга, Ольга! Гдѣ ты? Какое счастье»!—«Мама, милая... говори же скорѣе! Что такое? Вѣрно что нибудь хорошее? У тебя лице такое счастливое, я давно такого не видала».—«Да, дитя мое, плоховато приходилось мнѣ это время! Я не хотѣла тебя огорчать преждевременно! Каково было бы тебѣ при твоей слабости узнать, что мы доживаемъ послѣднія средства и что скоро у насъ не будетъ даже куска черстваго хлѣба. Но теперь все измѣнилось»... И она подробно разсказала ей все, что съ нею произошло съ той самой минуты, когда она выдвинула ящикъ и нашла ея старыя куклы.—«А ты думала, что я ничего не видала, ни о чемъ не догадывалась»? говорила дѣвушка, и крупныя слезы катились по ея исхудалымъ, блѣднымъ щекамъ.—«Я все знала и все это вмѣстѣ съ твоими страданіями, которыя я каждую минуту читала на твоемъ лицѣ, въ конецъ разстроивали меня! Но теперь, вѣрь мнѣ, меня воскреситъ надежда имѣть работу! Я скоро теперь выздоровлю! Скорѣй же за дѣло! Давай вынимать всѣ

наши старыя куклы! Будемъ вмѣстѣ придумывать! О, какъ это будетъ весело»!—«Оленька, ты еще такъ слаба, это тебя утомитъ. Конечно будемъ вмѣстѣ, но потомъ! Къ тому-же, дитя мое, ты знаешь»... И лице ея вмигъ отуманилось.—«Если даже мы съ тобой и добудемъ кусокъ хлѣба и поставимъ на ноги Надю, меня всетаки въ конецъ измучитъ мысль, что ты останешься безъ образованія».—«Мамочка, милая, ты знаешь, что я пропустила въ гимназіи только полъ года и что въ четвертомъ классѣ я была самой младшей. Вѣрь мнѣ, если у тебя найдутся средства и я въ эту зиму, ко второму полугодію, поступлю опять въ четвертый классъ, то еще не буду изъ самыхъ старшихъ и начну проходить какъ разъ то, на чемъ остановилась. А до тѣхъ поръ мы успѣемъ поставить на ноги нашу мастерскую. Впрочемъ, теперь объ этомъ нечего говорить,—намъ нужно думать только о «выставкѣ»! Право, вѣдь это будетъ у насъ настоящая выставка! Давай-же готовить куклу для Любы»!

«Куклу-ребенка для Любы», сказала Александра Петровна, «непремѣнно нужно сдѣлать такую, чтобы она могла ее купать. Вѣдь дѣтей всего болѣе занимаетъ въ куклѣ то, что онѣ могутъ продѣлывать съ нею все, что и съ живымъ человѣкомъ. Для этого прежде всего нужно ку-

шить большую гуттаперчевую куклу-ребенка и по ея росту заказать такое-же корыто».—«Ахъ, мама, вѣдь мы тогда не покажемъ нашего искусства: все покупное, причемъ-же мы то тутъ будемъ».—«Успокойся, и при этомъ можно будетъ сдѣлать многое... Къ тому же намъ будетъ принадлежать честь изобрѣтенія! Но прежде всего мы тутъ должны думать даже и не о томъ, чтобы себя показать, а какъ больше доставить удовольствія ребенку. Да впрочемъ, не бойся, Любина кукла, не смотря на то, что будетъ куплена, дастъ большую работу нашей изобрѣтательности и находчивости, если только онѣ у насъ окажутся. При этомъ ты забываешь, что мы, кромѣ этой куклы, должны сдѣлать еще другую для нея, для ея сестры и для дѣтей Старицкой».

Александра Петровна сейчасъ же отправилась въ игрушечный магазинъ, купила тамъ гуттаперчевую куклу-ребенка, чуть-чуть поменьше ростомъ обыкновеннаго новорожденнаго, и заказала для него надлежащей величины деревянное корыто.

На другой день мать съ дочерью прежде всего стали устроивать кроватку. Для этого Александра Петровна взяла плетеную изъ прутьевъ корзину, посреди ея сверху дугообразно прикрѣпила камышевку, то и другое плотно обтянула глянцевитымъ розовымъ каленкоромъ, а сверху еще бѣлымъ тюлемъ. Внутри корзина тоже была обтянута заранѣе проваченною и простеганною бѣлою матеріею. На дно корзины, сообразно съ ея величиной, былъ положенъ матрасикъ, розовая подушечка въ бѣлой наволочкѣ, застланы были двѣ бѣлыхъ простыньки и все это сверху покрыто стеганнымъ, розовымъ, атласнымъ одѣяльцемъ. Послѣ этого Александра Петровна взяла простую бѣлую деревянную табуретку, сшила и надѣла на нее до самаго низу розовый чехолъ. На эту табуретку она поставила уже приготовленную кроватку и все это, отъ верха камышевки до самаго пола, покрыла бѣлой, кисейной занавѣской, подхваченной съ боковъ розовыми, шелковыми бантиками.

«Какъ это прелестно!» вскричала Ольга, когда кроватка была готова и послѣдній бантикъ приколотъ. «Ты тысячу разъ была права, когда говорила, что хотя кукла будетъ купленная, ты съумѣешь показать свое искуство! Вѣдь она сама по себѣ можетъ служить моделью самой прелестной и очень недорогой кроватки для настоящаго ребенка! И какъ она удобна! Эту простую корзину, которая представляетъ теперь такую изящную колыбельку, можно снимать съ табу-

ретки, переносить и ставить куда угодно».—«Такая кроватка, Оля, но немного побольше, была у тебя, когда ты только родилась. И эта кроватка удалась теперь такъ потому, что я устроиваю ее и теперь съ такою же любовью, какъ и тогда для тебя. Но, Боже мой!» прибавила она съ ужасомъ,—«смотри, скоро уже 12 ч. ночи! Сама не знаю, какъ я могла такъ увлечься, что забыла даже послать тебя раньше спать, тѣмъ болѣе, что ты, кромѣ небольшой прогулки утромъ, проработала почти цѣлый день.

На другой день Ольга встала раньше обыкновеннаго и, не смотря на это, выглядывала гораздо бодрѣе и оживленнѣе прежняго. Она съ ранняго утра опять принялась за работу съ матерью. Александра Петровна кроила для куклы рубашечки, простыньки, одѣяльца, нѣсколько длинныхъ блузочекъ, какія обыкновенно носятъ маленькія дѣти, два, три чепчика съ узенькими кружевами и ленточками. Все это было скроено по мѣркѣ, необыкновенно тщательно и аккуратно сметано и примѣрено, и только тогда, когда мать и дочь нашли ихъ вполнѣ удовлетворительными, Ольга приступила къ шитью.

«Да что мы съ тобой напрасно теряемъ день», сказала Александра Петровна,—«вѣдь всѣ эти мелочи, разъ онѣ прилажены, можно шить и

вечеркомъ. А теперь для нашего новорожденнаго необходимо устроить комодъ, чтобы прятать въ него всѣ его вещи».—«Да какъ же, мама, мы это устроимъ, вѣдь для этого нужно быть столяромъ».—«Попробуемъ, можетъ быть у насъ что нибудь и выйдетъ. Ты прежде чрезвычайно тонко и изящно выпиливала дощечки. Когда ты занималась этимъ, я всегда припрятывала для тебя всѣ ящики отъ сигаръ, такъ что у меня набралось ихъ довольно много. Вотъ ты выбери одинъ изъ наиболѣе красивыхъ узоровъ и начинай выпиливать».

Черезъ два дня приданое для Любиной куколки было готово и проглажено, а Ольга уже выпилила нѣсколько досокъ для комода. Склеить ихъ ей удалось, но когда чрезъ нѣсколько часовъ комодъ высохъ, а она стала выдвигать изъ него ящикъ, онъ такъ разбухъ, что его невозможно было вытащить; она дернула покрѣпче,—весь комодъ развалился и почти всѣ доски лопнули.

«О, мама, это ужасно! Два дня самой усидчивой работы потрачены даромъ»! — «Если бы только всѣ наши неудачи покончились этимъ, мы могли бы сказать, что особенно счастливы. Но запасись терпѣніемъ, Оля. Впереди навѣрно насъ ждутъ еще большія непріятности. Однако, сегодня тебѣ довольно работать: такое долгое

сидѣнье на одномъ мѣстѣ, суетливыя хлопоты о каждой мелочи—совсѣмъ подорвутъ твое здоровье».... Но Ольга не дала матери кончить: «Какая я гадкая, нетерпѣливая! Пусть изломается еще хоть двадцать досокъ, но я не дамъ тебѣ одной работать! Нѣтъ, я чувствую, какъ съ того самаго дня, когда я начала это дѣло, силы мои прибываютъ. Не работа меня погубитъ, а твое горе!»—И Ольга снова принялась выпиливать дощечки. Когда онѣ были готовы, Александра Петровна не рѣшилась сама ихъ скленвать, а на этотъ разъ отдала уже столяру съ условіемъ, чтобы въ первый праздникъ онъ поучилъ ее это дѣлать.

Любина кукла-ребенокъ и все ея имущество готовы.

Тогда Ольга раздвинула обѣденный столъ, покрыла его чистой скатертью и стала устанавливать на немъ уже приготовленныя для выставки вещи. Прежде всего, посреди была поставлена прелестная колыбелька: въ ней лежала на подушкѣ куколка въ хорошенькомъ чепчикѣ, покрытая атласнымъ одѣяльцемъ. Подлѣ стояло бѣлое корыто съ бѣлоснѣжнымъ купальнымъ тюфячкомъ, а съ другой стороны ажурный комодъ, сверху котораго, въ стоячемъ положеніи, была

прикрѣплена ажурная дощечка. Эта дощечка на комодѣ стояла, какъ иногда ставятъ зеркало, только на немъ съ одной стороны висѣло маленькое полотенце, концы котораго были вышиты красной бумагой, а съ другой на снуркѣ маленькая губка, которою слѣдовало вытирать во время купанія куколку-ребенка.—«Воображаю, мама», говорила Ольга, поправляя на столѣ то одно, то другое.—«въ какомъ восторгѣ будетъ Любочка, когда увидитъ свою куклу. Вѣдь съ ней она можетъ продѣлывать рѣшительно все, что съ настоящимъ ребенкомъ!»

Вдругъ въ эту минуту въ комнату вбѣжала младшая дочь Кондратьевой, четырехлѣтняя Надя.—«Куколка, какая хорошенькая!»—вскричала она, бросаясь къ матери, которая тотчасъ подняла ее на руки, чтобъ показать ей все, что было на столѣ. Дѣвочка вообразила, что все это приготовлено для нея и бросилась обнимать и цѣловать мать.—«Дай-же мнѣ въ ручки... дай»... и она стала порывисто тянуться къ игрушкамъ.—«Это чужая куколка.... нельзя!» говорила мать, отстраняя ее.—«Ну, мама, что-же она съ нею сдѣлаетъ, что подержитъ въ рукахъ?» возразила Ольга, подавая сестрѣ куклу, которую та тотчасъ схватила и крѣпко прижала къ своей груди, точно боясь, что ее отнимутъ.—«Моя, моя...

не отдамъ».... кричала она.—«Ахъ, Ольга, что ты сдѣлала. Ее съ перваго же раза слѣдуетъ пріучать къ тому, что это чужія вещи. Подумай, если у насъ будутъ восковыя куклы, она легко можетъ ихъ испортить. Сколько бѣды она тогда намъ надѣлаетъ! Если даже изомнетъ только ихъ костюмъ, и то дурно! Могутъ сказать, что мы продаемъ ея старыя игрушки. Ты теперь посмотрѣла куколку».—сказала Александра Петровна, обращаясь къ ребенку,—«ну и довольно; а то испортишь.... это чужая! Отдай-же, Надя! Чужая!. Нельзя, моя дѣвочка, нельзя!» повторяла съ горечью мать, вынимая куклу изъ ея рукъ. «Вотъ тебѣ другая». Но Надя оттолкнула отъ себя другую куклу и громко расплакалась.

«Ахъ, мама, вѣдь это просто пытка!» сказала Ольга, когда мать вынесла ребенка и снова возвратилась къ ней.—«Что-же дѣлать, мой другъ, будемъ теперь-же сразу пріучать ее, чтобы она не только никогда не трогала чужихъ куколъ, но и умѣла-бы отличать свою отъ той, которую мы готовимъ на продажу. Но теперь за работу!» И мать съ дочерью принялись за приготовленіе остальныхъ куколъ.

Торсы куколъ, какъ изъ лайки, такъ и изъ холста, имъ прекрасно удавались: даже ноги и пальцы на рукахъ, которые у куколъ изъ игрушечныхъ магазиновъ сдѣланы такъ грубо и аляповато, вышли у нихъ болѣе натурально. Но за то тѣ изъ нихъ, которыя должны были имѣть длинные волосы, имъ совсѣмъ не удавались, такъ какъ Александра Петровна никогда не видала, какъ дѣлаютъ парики. Поэтому она отнесла къ парикмахеру эту работу и условилась съ нимъ въ цѣнѣ. Онъ также обѣщалъ въ пять, шесть уроковъ выучить ее этому искуству, пригласивъ ее теперь-же взглянуть, какъ у нихъ приготовляютъ парики и косы для живыхъ людей.

За недѣлю до 17-го сентября Кондратьевы успѣли покончить со всѣми заказами и на всякій случай еще приготовить нѣсколько куколъ. Александра Петровна извѣстила объ этомъ Старицкую, Михайлова и просила ихъ на другой день, т. е. 10-го сентября, послѣ двухъ часовъ, пріѣхать со своими знакомыми взглянуть на выставку.

Назначенный день наступилъ, и Ольга встала чуть не съ зарею. Она тотчасъ побѣжала къ знакомому садовнику, который нѣсколько лѣтъ служилъ у ея отца и хорошо зналъ все ихъ семейство. Она разсказала ему, что у нихъ будетъ сегодня «выставка», объяснила, что отъ ея успѣха зависитъ вся ихъ жизнь, и наконецъ

прибавила, что комната очень бы выиграла, если бы ее убрать цвѣтами и растеніями.

«Что-же, съ удовольствіемъ. Моимъ растеніямъ ничего отъ этого не сдѣлается,—вѣдь теперь еще теплое время. Можетъ еще иной барынѣ какое деревцо и понравится, такъ она его купитъ или хоть объ адресѣ хозяина справится. Такъ вотъ, барышня, я возьму сейчасъ своего молодца и перетаскаю къ вамъ все, что у меня есть получше, а вы ужо потомъ работнику дайте что нибудь на чаекъ».

Ольга въ восторгѣ побѣжала домой, а вслѣдъ за нею стали вносить и растенія. Она вынесла «изъ залы выставки», которая, кстати сказать, была самой скромной комнатой въ два окна, всю лишнюю мебель и съ помощью садовника очень эффектно убрала ее цвѣтами. Посреди комнаты были разставлены столы, покрытые бѣлыми скатертями, и на нихъ съ большимъ вкусомъ Ольга размѣстила куколъ: нѣкоторыя изъ нихъ стояли на подставкахъ, другія въ ночныхъ чепчикахъ лежали въ постелькахъ, остальныя сидѣли. Александра Петровна много смѣялась затѣямъ дочери, но въ душѣ ликовала, что она ее такъ любила, что еще такая молоденькая дѣвушка уже могла такъ усидчиво трудиться, понимала свое положеніе и принимала горячее участіе во всемъ этомъ дѣлѣ.

«Да», думала Александра Петровна, «надежда своимъ трудомъ поддержать семью ее просто воскресила! Она ожила, совсѣмъ не ложится въ постель, даже пополнѣла. Но она слишкомъ много работала въ послѣднее время».... Ея размышленія однако были прерваны Ольгой: она пришла посовѣтоваться, не лучше ли будетъ вынести изъ комнаты букетъ, который ей подарилъ садовникъ, но отъ котораго у нея какъ будто кружится голова.—«Но, можетъ быть, мамочка, мнѣ это только такъ кажется.... Я сегодня такъ плохо спала: все думала, какъ это у насъ сойдетъ съ рукъ.... Мнѣ-то кажется все такъ хорошо,—но можетъ быть другіе на это посмотрятъ иначе! Да что я о себѣ! Ты вотъ посовѣтуй на счетъ цвѣтовъ. Если уголъ безъ нихъ имѣетъ мрачный видъ, я ихъ оставлю».... И она стала снимать съ маленькаго столика огромный букетъ, желая показать матери, какое впечатлѣніе тогда будетъ производить этотъ уголъ комнаты, но зашаталась и упала-бы на полъ, если-бы мать не поддержала ее.

«Что съ тобой, Ольга?» невольно вскрикнула Александра Петровна и пришла въ ужасъ, когда взглянула на дочь. За одну только ночь ея лице осунулось, щеки ввалились. Мать догадалась, что страхъ за удачу выставки особенно раз-

строилъ ея нервы.—«Да, нечего себя обманывать».... думала Александра Петровна, сидя у постели дочери, когда та ужъ пришла въ себя. «Въ концѣ концевъ всетаки работа ее надломила! Но что же мнѣ дѣлать? Безъ ея помощи я бы развѣ еще черезъ мѣсяцъ покончила со всѣмъ этимъ, а многое и совсѣмъ не возможно одной! Да и при работѣ вмѣстѣ, съ утра до поздняго вечера въ такой лихорадочной суетнѣ, много-ли мы выработали въ цѣлый мѣсяцъ? Если даже все купятъ по тѣмъ цѣнамъ, которыя я назначила, заработка этого, за уплатою долга Михайлову, намъ едва хватитъ на двѣ недѣли, чтобы скудно прожить и прокормиться, и уже положительно опять не останется ни копѣйки даже на матеріалъ для будущихъ заказовъ».

«Слышишь, мама, голоса?» сказала Ольга, приподымаясь съ постели.—«Пусти-же меня, пусти, у меня все прошло!»—Какъ Александра Петровна ни уговаривала дочь еще полежать, она всетаки вышла вслѣдъ за матерью. Каково-же было ихъ удивленіе, когда онѣ увидали въ своей комнатѣ, которую онѣ въ шутку называли теперь «залою выставки», множество дамъ; нѣкоторыя изъ нихъ были даже съ дѣтьми. Къ сожалѣнію «зала выставки» не могла вмѣстить всѣхъ

желающихъ и большая часть посѣтителей стояла въ прихожей не раздѣваясь. Тогда Александра Петровна пригласила вошедшихъ пройти въ гостинную хозяйки квартиры, а Ольга по порядку стала показывать куклы оставшимся на выставкѣ дамамъ.

Всѣ до одной куклы были раскуплены, и Александра Петровна тутъ-же получила болѣе двухъ дюжинъ новыхъ заказовъ. Кромѣ того многія изъ посѣтительницъ заказали ей сдѣлать, какъ предсказывала Ольга, нѣсколько колыбелекъ, точь въ точь такихъ, какая была сдѣлана для куклы Любы, только нѣсколько побольше, такъ какъ онѣ предназначались для маленькихъ дѣтей.

Между тѣмъ маленькая Надя, входя въ комнату и видя каждый день на столѣ и стульяхъ множество разложенныхъ куколъ, прежде всего бросалась къ нимъ со всѣхъ ногъ. Но ея порывы мать всегда останавливала словами: «Не тронь, Надя, чужія куклы». Болѣе недѣли ребенокъ каждый разъ при этомъ начиналъ плакать и требовать «чужихъ куколъ». Однако мало по малу она стала привыкать къ мысли, что не должна ни подъ какимъ видомъ трогать ничего того, что мать и сестра называютъ чужимъ, и уже скоро, прежде чѣмъ войти въ мастерскую,

она становилась на цыпочки, чуть чуть пріотворяла дверь, высовывала свою головку и, грозя пальчикомъ и улыбаясь, произносила: «не трогать, Надя, чужія!» Каждый разъ при этомъ мать и Ольга смѣялись, звали дѣвочку придти поскорѣе посмотрѣть новую куклу. Дѣвочка осторожно приближалась къ столу, у котораго сидѣла мать, но та ей снова повторяла:—«смотри только тихонько, не помни платьица.—вѣдь это чужая кукла!» Дѣвочка въ ту-же минуту серьезно закладывала свои ручки назадъ за спину, какъ бы для того, чтобы онѣ помимо ея воли не тронули чего нибудь «чужаго», и внимательно осматривала куколку.—«Это чужая», говорила теперь Надя уже совершенно покойно.—«Оля и мнѣ сдѣлаетъ такую-же».—И дѣйствительно 15-го сентября Ольга объявила матери, что теперь остается только два дня до Надиныхъ именинъ; она исключительно посвятитъ ихъ на куклу для нея, такъ какъ намѣрена сдѣлать ей такую-же, какъ у Любы, только, конечно, поменьше и несравненно проще.

17 сентября Кондратьева получила приглашеніе отъ Михайлова пріѣхать къ нему со всѣмъ семействомъ отобѣдать и провести весь день, чтобы дѣти могли досыта наиграться между собой.—«Вы виновница такого счастья моихъ

крошекъ», писалъ онъ ей, «что вамъ грѣшно будетъ не раздѣлить нашей общей радости».

Александра Петровна отправилась къ нему съ обѣими дочерьми, и Надя упросила мать позволить ей идти въ гости съ своей новой куколкою, которую ей сегодня подарила Ольга.

Послѣ первыхъ привѣтствій съ Иваномъ Васильевичемъ и съ Вѣрочкою, его старшей племянницею, въ комнату вбѣжала Любочка съ своей куколкой въ рукахъ.

«Пойдемъ, Надя», сказала она, «въ дѣтскую: я уже приготовила воду.—будемъ вмѣстѣ купать мою куколку Машу».—«Чужая! нельзя!».... торжественно и съ неумолимою строгостію отвѣчала Надя.—«Какъ чужая?» удивилась Любочка. «Моя! Пойдемъ со мной, ты увидишь!»—«Нельзя, нельзя!»— въ ужасѣ говорила Надя, съ азартомъ мотая даже головкой въ знакъ порицанія Любочкѣ.—«Что это у васъ Надя въ такой ужасъ приходитъ при одной мысли купать вмѣстѣ съ Любочкой ея куклу?»—спросилъ Иванъ Васильевичъ. Тогда Александра Петровна разсказала, какъ въ началѣ работы, чтобы сразу пріучить Надю не трогать куколъ, предназначенныхъ для продажи, ей приходилось, указывая на нихъ, говорить ребенку, что это «чужая», и если затѣмъ

она всетаки брала въ руки ту или другую, отнимать ее у нея. Когда она стала говорить о томъ, какъ ей тяжело было смотрѣть въ первый разъ на радость Нади при видѣ Любочкиной куклы, такъ какъ она вообразила, что это готовятъ для нея подарокъ, и затѣмъ, какъ долго она плакала, когда пришлось отнять у нея эту куклу, вдругъ Любочка какъ-то сконфузилась, вся раскраснѣлась, схватила свою куклу и быстро выбѣжала изъ комнаты.—«Люба, Люба, что съ тобой?» спрашивалъ ее дядя. Но она не откликалась ему и не входила въ комнату. Тогда Иванъ Васильевичъ самъ пошелъ къ ней въ дѣтскую и нашелъ ее на постели, въ объятіяхъ куклы, горько рыдающую.—«Что съ тобой, дитя мое?»—«Ахъ, дядя,» наконецъ проговорила она, все еще безутѣшно рыдая,—«я такъ хотѣла-бы подарить эту куколку Надѣ, но я не могу, не могу съ нею разстаться,—она мнѣ такъ нравится!»—Ахъ ты, моя милая дѣвочка», успокоивалъ ее Иванъ Васильевичъ,—«да это и ненужно. Теперь у Нади уже есть кукла... ты развѣ не видала? Она съ нею пріѣхала. Ну, поди, посмотри сама»...

Когда Любу удалось совершенно убѣдить, что она, не терзая себя, можетъ владѣть своею Машею, а Надѣ объяснить, что она тоже можетъ купать Любину куколку, дѣти отлично стали

играть между собою, и время прошло незамѣтно до поздняго вечера. Болѣе всего понравилось имъ купать куклу въ корытѣ, и онѣ принимались за это нѣсколько разъ впродолженіе вечера.

Съ тѣхъ поръ Александра Петровна постоянно занимается приготовленіемъ куколъ и колыбелекъ для новорожденныхъ дѣтей.

Теперь, какъ мы уже знаемъ, она держитъ большую мастерскую, нѣсколькихъ мастерицъ и имѣетъ заказы не только въ своемъ родномъ городѣ С., но даже изъ Петербурга и Москвы. Но такъ поставила дѣло Кондратьева только въ самое послѣднее время. Впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ она лишь скудно могла прокор-

мить свою семью такою работою. Особенно плохо ей пришлось, когда Ольга поступила въ гимназію: не стало дѣятельной помощницы, между тѣмъ за ученье дочери ей приходилось еще платить въ заведеніе. Но все таки зимой работы было много и Кондратьева еще кое-какъ перебивалась; когда же наступило лѣто и большая часть ея закащицъ разъѣхалась по деревнямъ и дачамъ, она совсѣмъ осталась безъ денегъ и работы. Михайловъ и въ этотъ разъ пришелъ ей на помощь. Онъ взялъ въ долгъ, на свое имя, порядочную сумму денегъ для Александры Петровны, съ условіемъ, чтобы она могла выплатить ее только черезъ годъ и то по частямъ. Это дало ей возможность сразу расширить свое дѣло: она наняла отдѣльную квартиру, пригласила нѣсколькихъ помощницъ и, не ожидая заказовъ, сразу заготовила нѣсколько дюжинъ куколъ и колыбелей. Черезъ годъ дѣло пошло на ладъ; положеніе семейства Кондратьевыхъ улучшилось также и потому, что Ольгѣ удалось въ гимназіи поступить на казенный счетъ.

Теперь у Александры Петровны большая мастерская съ вывѣской. Маленькой Надѣ уже восьмой годъ: она давно привыкла не трогать и не просить куколъ, приготовленныхъ на продажу. Когда мать или сестра приказываютъ ей подать

ту или другую куклу, она беретъ ее не только осторожно, но даже съ какою то торжественностью и благоговѣніемъ. Положитъ куклу на столъ и начнетъ ее оглядывать со всѣхъ сторонъ, не помяла-ли она ей гдѣ нибудь платья или банта. Теперь Александра Петровна вполнѣ убѣдилась въ ея благоразуміи въ этомъ отношеніи и каждый разъ, когда она окончательно приготовитъ куклу для продажи, она даетъ Надѣ посмотрѣть ее и подержать. Это случилось и при мнѣ, когда я на дняхъ зашла въ мастерскую. Надя положила куклу во вновь приготовленную колыбельку, осторожно оправила на ней весь ея нарядъ и стала качать ее, напѣвая ей пожеланія, чтобы ея будущая хозяйка была добрая и терпѣливая и, когда на нее разсердится, не вырывала-бы ей рукъ, не расцарапала бы ея розоваго личика, не изорвала бы ея хорошенькаго платьица.

СТРАНА ЦВѢТОВЪ, ТЕПЛА И ПѢСЕНЪ.

Митя много путешествовалъ за границею. Между прочимъ онъ однажды провелъ мартъ и апрѣль мѣсяцъ на югѣ Франціи, гдѣ было въ это время чрезвычайно тепло: огромныя розы, самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ, апельсины,

лимоны, все было въ цвѣту, все было полно чуднымъ ароматомъ. Между тѣмъ, въ это самое время, онъ постоянно получалъ письма отъ товарищей, которые ему жаловались на холода, сырость, пронизывающіе до костей вѣтры и чрезвычайно перемѣнчивую погоду въ Петербургѣ.—«Ахъ, какъ у насъ не хорошо въ Россіи въ такое время года», говорилъ Митя: «изъ двѣнадцати мѣсяцевъ едва выдается три, четыре недѣли настоящаго тепла, а то даже лѣтомъ приходится ходить не иначе, какъ въ тепломъ пальто, постоянно топить печи. То-ли дѣло за границею!»—«Ты все это говоришь о погодѣ въ Петербургѣ», отвѣчалъ ему отецъ. «Положимъ ты иногда проводилъ лѣтнее время и въ нѣкоторыхъ другихъ губерніяхъ, но вѣдь все это было, болѣе или менѣе, на сѣверѣ, а у насъ въ Россіи на югѣ и теперь тепло, и хотя нѣтъ апельсинныхъ и лимонныхъ рощъ, все же не мало привлекательнаго и своеобразнаго».

Черезъ годъ Митѣ удалось побывать въ Малороссіи,—на родинѣ его отца. Какъ онъ былъ пораженъ всѣмъ, что онъ здѣсь встрѣтилъ: жилища, нарядъ женщинъ и мущинъ, обычаи, даже физіономіи людей,—все было здѣсь совсѣмъ другое.

Митя съ отцемъ выѣхали изъ Петербурга въ

апрѣлѣ, когда промерзлая земля была еще покрыта снѣжной пеленою, а озера и рѣки скованы льдомъ. Сильные холода по утрамъ подмораживали все, что оттаивало наканунѣ въ полдень; по временамъ дулъ до того рѣзкій вѣтеръ, что валилъ даже съ ногъ. Но чѣмъ болѣе наши путешественники приближались къ югу, тѣмъ становилось все теплѣе и свѣтлѣе. На третій день своего путешествія по желѣзной дорогѣ они уже были въ Полтавской губерніи, гдѣ ихъ встрѣтила настоящая, чудная весна: широко разлились рѣки, ручьи съ шумомъ бѣжали по оврагамъ, вся земля, на сколько могъ только обхватить взоръ, представилась имъ безконечнымъ зеленымъ ковромъ, по которому разсыпаны были милліоны самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ. Воздухъ былъ пропитанъ ихъ чуднымъ благоуханіемъ и наполненъ свистомъ и пѣніемъ множества птицъ.

Еще далеко не доѣзжая Полтавы, Митѣ и его отцу пришлось совсѣмъ выйти изъ вагона и въ наемной колясочкѣ, на парѣ коней, свернуть въ сторону отъ желѣзной дороги. Это привело въ восторгъ мальчика: пока онъ сидѣлъ въ вагонѣ, онъ ничего не могъ хорошенько разсмотрѣть: люди, хаты, сады, все это быстро мелькало въ его глазахъ, одна картина смѣнялась другою

прежде, чѣмъ онъ могъ хотя сколько нибудь остановиться на одной изъ нихъ.

Не успѣли они сдѣлать на лошадяхъ четырехъ, пяти верстъ, какъ передъ ними длинною вереницею потянулись возы и телѣги, запряженные тучными, сильными волами. Одни изъ нихъ были съ кирпичами, другіе съ досками; только на одной телѣгѣ сидѣла старуха, которая, вѣроятно, шла изъ какой нибудь дальней деревни,

торопилась на желѣзную дорогу, но опоздала и просила извощика подвезти ее къ станціи. Подлѣ каждой телѣги шелъ высокій, худощавый малороссъ съ темнорусыми волосами. Глубоко вдавшіеся глаза заставляли его смотрѣть немного изъ подлобья, а тонкія, сжатыя губы придавали лицу отчасти лукавое, отчасти добродушно насмѣшливое выраженіе. Одни изъ нихъ были босые, у другихъ широкія шаровары запрятаны

въ голенища сапогъ; всѣ въ бѣлыхъ рубахахъ. Разрѣзъ рубахи на груди, воротникъ и рукава, все вышито красною и синею бумагою. Не смотря на жару, которая стояла въ этотъ день, на головѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ была надѣта шапка изъ мерлушекъ, но за то у другихъ соломенныя шляпы съ большими полями. Въ физіономіи малоросса Митѣ прежде всего бросилось въ глаза то, что всѣ они были безъ бородъ, только у немногихъ стариковъ пробивалась сѣдая, щетинистая бородка. У насъ въ Великороссіи вы часто встрѣчаете мущину съ густою до пояса бородою; въ Малороссіи же, кромѣ стариковъ, всѣ мущины брѣютъ бороду, за то какъ старые, такъ и молодые носятъ длинные усы.—«Посмотри, посмотри, папа», вскричалъ Митя, съ удивленіемъ указывая на одного пожилаго малоросса,—«у него усы до того длинны, что онъ замоталъ ихъ даже кругомъ уха».—«Это многіе изъ нихъ дѣлаютъ», объяснилъ ему отецъ, «чтобы усы не мѣшали, особенно во время ѣды».

Митя такъ засмотрѣлся на малороссовъ, что совсѣмъ не замѣтилъ, какъ они стали подыматься на гору, правда не высокую, но довольно крутую. Вдругъ лошади, которыя, не смотря на удары и понуканія извощика, еле тащили ихъ вверхъ, теперь совсѣмъ отказывались хотя на шагъ

подвинуться впередъ. Сидѣть въ экипажѣ въ эту минуту было очень опасно: они стояли посреди горы, на самой крутизнѣ ската, и если-бы лошади какъ нибудь дернули, они прямо могли-бы полетѣть внизъ, въ оврагъ и до смерти расшибиться объ огромные камни, которые тамъ валялись. Митя съ отцемъ тотчасъ выскочили изъ экипажа, извощикъ слѣзъ съ козелъ, взялъ лошадей подъ уздцы и началъ тянуть ихъ, что было мочи. Но онѣ не двигались впередъ. Въ эту минуту къ горѣ подошли обозы, которые они обогнали. Малороссы съ разныхъ сторонъ взялись за экипажъ и лошадей и стали тянуть ихъ вверхъ. Но дѣло не шло на ладъ. Тогда они выпрягли пару своихъ воловъ, впрягли въ экипажъ впереди лошадей и погнали ихъ. Волы втащили на гору экипажъ и заупрямившихся лошадей.

Пока отпрягали воловъ, объѣзжали лошадей, чтобы посмотрѣть, повезутъ-ли онѣ теперь, и пока Митинъ отецъ благодарилъ малороссовъ за оказанную помощь, мальчикъ любовался своеобразнымъ видомъ, разстилавшимся у его ногъ. По скатамъ и кручамъ необыкновенно миловидно выглядывали бѣлыя, какъ снѣгъ, малороссійскія мазанки или хаты. Издали казалось, что это были прехорошенькія, маленькія каменныя

жилища. Но построить каменное жилище было-бы слишко дорого для малоросса, да и изъ дерева сдѣлать его не дешево, такъ какъ на югѣ Россіи очень мало лѣсовъ. Вотъ потому-то малороссъ и строитъ свою хату изъ чрезвычайно дешеваго матеріала: вобьетъ колья, довольно близко одинъ отъ другаго, переплететъ ихъ хворостомъ, съ той и съ другой стороны вымажетъ смѣсью изъ глины и соломы,—вотъ стѣны и готовы. Чтобы на видъ хата была чище и веселѣе, онъ бѣлитъ ее мѣломъ, разведеннымъ въ водѣ. Крыша такой мазанки соломенная и надъ трубой иногда выр-

занъ деревянный пѣтухъ. Подлѣ непремѣнно разбитъ маленькій садикъ съ яблонями, грушами, но чаще всего съ вишнями; при этомъ тутъ-же и какіе нибудь цвѣты, макъ, высокіе подсолнеч-

ники. Около изгородей вьется хмѣль, выглядываютъ стебли конопли, кукурузы. Тамъ и здѣсь хутора людей зажиточныхъ: они построены изъ бревенъ, но ихъ гораздо менѣе, чѣмъ мазанокъ.

Митя такъ залюбовался невиданнымъ для него зрѣлищемъ, что не слышалъ даже голоса отца.—«Ахъ, папа, какъ чудесно выглядываютъ изъ-за зелени эти красивенькія мазанки! Полюбуйся-же этими садиками: въ нихъ столько вишневыхъ деревьевъ и они всѣ такъ роскошно цвѣтутъ, точно весь садикъ подернутъ нѣжной бѣлой дымкой! Какъ-бы мнѣ хотѣлось побывать въ самой хатѣ!»—«Въ два, три года, которые намъ придется прожить съ тобой въ Малороссіи», отвѣчалъ ему отецъ, «ты успѣешь перебывать во многихъ хатахъ, но если тебѣ ужъ такъ не терпится, то мы вотъ что можемъ устроить: по дорогѣ, въ верстахъ трехъ отсюда живетъ семейство крестьянина, которое я зналъ еще въ молодости,—мы заѣдемъ къ нимъ отдохнуть и закусить.»

И внутри малороссійская хата такъ же понравилась Митѣ, какъ и снаружи. Прежде всего она поразила его своею необыкновенною чистотою, опрятностью и какою-то уютностью.—«Какъ у васъ чисто, свѣтло, хорошо»!—вырвалось у него невольно, лишь только онъ переступилъ

порогъ.—«Развѣ хата можетъ быть грязна, гдѣ хозяйка есть»? отвѣчалъ ему старикъ на малороссійскомъ языкѣ, который Митя понималъ болѣе по догадкамъ и то только въ такомъ случаѣ, когда, обращаясь къ нему, приходилось сказать короткую фразу, а въ бѣгломъ разговорѣ онъ почти ничего не понималъ.—«Конечно тутъ дѣло хозяйки! Недаромъ у насъ и пословица такая сложилась: «безъ хозяйки хата плаче», сказала старуха, повязанная платкомъ и въ длинной коцевѣйкѣ безъ рукавовъ.—«Да и у насъ не мало аккуратныхъ хозяекъ,» возразилъ ей Митя, «но внутри хаты—стѣны, потолокъ, печка всегда черны отъ дыма, а потому и все въ ней какъ-то грязно,—а у васъ просто блеститъ бѣлизной!»—«Сегодня у насъ праздникъ», сказала та-же старуха, «а мы передъ каждымъ большимъ праздникомъ бѣлимъ мѣломъ стѣны и потолокъ, а печку, которая скорѣе всего чернѣетъ, такъ и каждую субботу. Полы у насъ хотя и глиняные, да мараются такъ-же скоро, какъ и деревянные, вотъ и ихъ приходится подмазать тоже каждую недѣлю».

Привлекательный и уютный видъ имѣла хата также и потому, что каждая вещь была вытерта и на своемъ мѣстѣ. Около порога, сейчасъ въ углу, огромная печка, а возлѣ нея ухватъ, кочерга

и вѣникъ. Въ противоположномъ углу столъ былъ покрытъ скатертью и на ней лежала добрая коврига хлѣба. За столомъ, вдоль стѣны, скамейки; противъ нихъ, съ другой стороны, на аршинъ отъ земли—деревянныя нары; на нихъ спятъ какъ на кроватяхъ. Днемъ эти нары застланы чистымъ одѣяломъ, на которомъ лежатъ высоко взбитыя подушки. На потолкѣ, по стѣнамъ засохшая зелень и цвѣты. Но болѣе всего позаботилась хозяюшка разукрасить свой «божникъ», такъ называютъ здѣсь полку съ образами. Она рѣдкую ярмарку пропуститъ, чтобы не купить образа, такъ что «божникъ» въ хатѣ все увеличивается. Хозяинъ украшаетъ его рѣзьбою своей работы, а его дочки, уставивъ иконы подрядъ, стараются какъ можно красивѣе убрать ихъ гвоздикою, ноготками, всевозможными цвѣтами и зеленью, а зимою сухими васильками. Кромѣ того иконы украшены еще полотенцами съ вышитыми концами.

Такъ-же уютно и мило и все кругомъ хаты: садики, цвѣтники, сарайчики для домашней скотины, курятники,—всѣ эти постройки аккуратно выбѣлены и всѣ онѣ какія-то маленькія, миніатюрныя, точно прелестныя дѣтскія игрушки.—«Ба, что это?» вдругъ съ изумленіемъ, самъ про себя, проговорилъ улыбаясь

Митя, внимательно во что-то вглядываясь. И дѣйствительно было чему подивиться, было на что залюбоваться! Чернобровая, черноволосая, пухленькая, румяная, прелестная дѣвочка, въ своемъ красивомъ малороссійскомъ нарядѣ, и вдругъ въ огромной, мужской, да еще въ мѣховой шапкѣ! А, вотъ что! Ея старый дѣдъ, навозившись съ починкою телѣги въ сараѣ, вышелъ изъ него, присѣлъ отдохнуть подлѣ, да и задремалъ было на припекѣ. А внучка только этого и ждала: подобралась на цыпочкахъ къ дѣду, стащила съ него барашковую шапку, сорвала съ своей головки вѣнокъ изъ живыхъ цвѣтовъ, надѣла его на голову старика, а на себя барашковую шапку дѣда. Старикъ открылъ глаза, видитъ внучку въ своей шапкѣ, улыбается, пальцемъ грозитъ плутовкѣ, а та звонко заливается, хохочетъ до слезъ, что

дѣдъ не догадывается о томъ,что у него на головѣ ея вѣнокъ.

Жаръ спалъ, скоро вечеръ наступитъ, и не замѣтишь, какъ надвинутся сумерки да совсѣмъ стемнѣетъ,—здѣсь быстро свѣтъ смѣняется темнотою. За то теперь народъ больше сталъ выходить изъ хатъ; отовсюду послышалось пѣніе, музыка. Какъ они задушевно поютъ, съ какимъ жаромъ паробки и дівчата (парни и дѣвушки) пляшутъ подъ звуки скрипки и бубенъ! Особенно хороши въ эту минуту дѣвушки въ своемъ живописномъ, праздничномъ нарядѣ! Голова вся убрана живыми цвѣтами и лентами; ленты висятъ позади, ленты вплетены въ косы. Бѣлоснѣжная рубашка вышита на рукавахъ и на подолѣ, который видѣнъ изъ подъ клѣтчатой плахты. Эту клѣтчатую плахту дѣвушки надѣваютъ сверху рубашки, но прикрѣпляютъ её только отъ пояса, такъ что она виситъ до самаго низа, но вышитый подолъ рубашки непремѣнно выглядываетъ изъ подъ нея. На груди красные кораллы, но еще чаще много, много нитокъ разноцвѣтныхъ бусъ.

Митя перебѣгалъ отъ одной кучки къ другой, все внимательно разсматривалъ, наконецъ побѣжалъ въ хату, гдѣ они остановились, и, схвативъ за руку отца, вскричалъ въ восторгѣ:—«Да что-же ты не смотришь, папа! Вездѣ пляшутъ, поютъ,

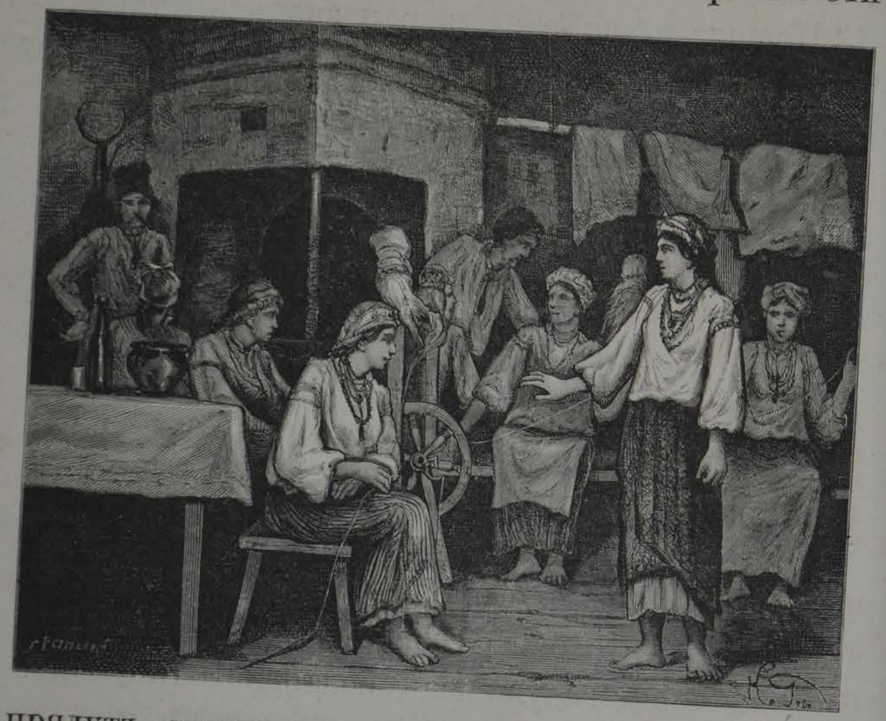
всѣ убраны цвѣтами, вездѣ цвѣты... Отовсюду несется такой чудный ароматъ! Это просто страна цвѣтовъ, тепла и пѣсенъ!»—«Какъ я радъ, голубчикъ, что тебѣ здѣсь все такъ нравится! Вѣдь Малороссія—моя родина! Правда, правда, это дѣйствительно страна цвѣтовъ, тепла и чудныхъ пѣсенъ!»

Прошла весна, а за нею и знойное малороссійское лѣто, особенно утомительное тамъ, гдѣ нѣтъ лѣсовъ; за нимъ наступили теплые, длинные, осенніе вечера, и изъ всѣхъ хатъ понеслись игривыя, но еще чаще грустныя, грустныя пѣсни.

Уже наступили «вечорніци,» сказалъ однажды Митя отцу.—«Сведи меня, пожалуйста, папа, въ какую нибудь хату, хотя на нѣсколько минутъ, посмотрѣть, что это такое?»—И отецъ съ сыномъ въ тотъ же вечеръ отправились на «вечорніци.» Хата, въ которую они вошли, была биткомъ набита дѣвушками и молодыми людьми. Какое оживленное это было собраніе! Какая беззаботная, веселая, задушевная болтовня! Всѣ живо разговаривали между собой, смѣялись или пѣли; дівчата (дѣвушки) пряли, а паробки (юноши) разсказывали имъ анекдоты, сказки, задавали загадки и, при всякомъ удобномъ случаѣ, сыпали остротами, а иногда тотъ или другой изъ нихъ

Библіотека Общества

игралъ на дудкѣ. Нѣкоторыя дѣвушки пряли на обыкновенныхъ прялкахъ, къ которымъ была привязана кудель: онѣ вытягивали изъ нея нитку, закручивали ее, веретено ловко падало на полъ, кружилось, жужжало; другія пряли на точеныхъ нѣмецкихъ прялкахъ, колесо которыхъ онѣ приводили въ движеніе ногою. Прялки эти

прядутъ несравненно скорѣе и устроены такъ, что нитка сама скручивается, сама и наматывается на веретено.

СЛѢПОЙ.

ѣлыхъ два мѣсяца Ваня и Маша невыходили изъ дома. Оба они схватили сильнѣйшій коклюшъ, и хотя онъ у нихъ уже давно прошелъ, но докторъ еще не позволялъ имъ ходить гулять, такъ какъ на дворѣ въ это время стояла страшная распутица: мокрота, сырость, по временамъ рѣзкій, пронизывающій до костей вѣтеръ, какъ это обыкновенно бываетъ у насъ раннею весною, въ мартѣ и въ началѣ апрѣля. Можно-ли было пустить гулять Ваню и Машу въ такую пору,

да еще послѣ тяжкой болѣзни! Но тутъ какъ-то прояснилось, нѣсколько дней стояла прекрасная погода, наконецъ наступилъ теплый, настоящій весенній день. Кажется давно-ли солнышко наконецъ собралось погостить, а ужъ тамъ и здѣсь молодая травка начала пробиваться, почки стали развертываться одна за другой. Всѣхъ дѣтей выпустили гулять!

Ваня и Маша нарадоваться не могутъ, что имъ наконецъ удалось вырваться изъ своей клѣтки; побѣгутъ на рѣчку, наберутъ щепокъ и начнутъ ихъ бросать въ воду, любуясь, какъ ихъ несетъ внизъ по теченію, или бѣгаютъ и рѣзвятся по лугамъ и оврагамъ, отыскивая щавель и фіалки.

«Маша, Маша, смотри», вдругъ закричалъ ей Ваня: «какая хорошенькая бабочка порхнула надъ этимъ кустомъ! Я ее сейчасъ поймаю своей сѣткой,—ты только постереги ее съ той стороны», и онъ, съ сѣткой въ рукахъ, бросился впередъ за бабочкой, а Маша побѣжала за кусты, по другую сторону. Но когда она нагнулась, чтобы посмотрѣть, не опустилась ли бабочка внизъ, она услыхала подлѣ трескъ сухихъ прутьевъ и увидала старика, который спалъ подъ кустами, а теперь, разбуженный веселыми дѣтскими голосами, проснулся и сѣлъ на землю.—«Ахъ, дѣдушка»,

спросила его Маша, «не видалъ ли ты бабочку,—она сюда полетѣла? Знаешь, такая коричневая, съ пунцовыми краешками и бѣлыми крапинками?»—«Нѣтъ, дѣточка, не видалъ и ничего не вижу», отвѣчалъ тотъ,—«взгляни на меня,—я слѣпой»... «Какъ-же, дѣдушка», возразила Маша,

опускаясь подлѣ него на кочку,—«такъ ты ничего, рѣшительно ничего не видишь: ни яснаго солнышка, ни хорошенькихъ птичекъ, ни цвѣточковъ въ травкѣ? Ты, значитъ, не видалъ даже и земляничку, которая начинаетъ цвѣсти тамъ на

косогорѣ?»—«Ничего, дитя мое, ничего».—«Неужели, дѣдушка, ты не видишь и неба? Оно вѣдь такое большое, большое, конца краю кажется ему нѣтъ... И такое сегодня чудное, голубое! Только свѣтлыя, прозрачныя облачка по немъ разгуливаютъ». И дѣвочка подняла глазки къ небу.—«Ахъ, дѣдушка», сказала она, вдругъ что-то вспомнивъ и конфузясь своей разсѣянности,—«такъ ты и этого ничего не видишь?» Тотъ въ отвѣтъ только отрицательно покачалъ головой.—«Но, знаешь... я какъ-то не могу понять, что значитъ совсѣмъ, совсѣмъ ничего не видѣть? Что-же тогда тебѣ представляется?» — «Ночь, темнота», отвѣчалъ старикъ,—«закрой свои глазки, и тогда тебѣ понятнѣе будетъ, что со мной». Маша въ ту-же минуту послушно закрыла свои глазки и въ ужасѣ всплеснула рученками.—«Но вѣдь это ужасно! Какой же ты несчастный, дѣдушка! Какъ же долженъ тебя жалѣть всякій зрячій! Какіе мы всѣ счастливые передъ тобой! Ты и прежде никогда ничего не видѣлъ? Ты, значитъ, и понятія не имѣешь, какія бываютъ деревья, какъ выглядятъ онѣ лѣтомъ, какъ зимой! Такъ ты и представить себѣ не можешь никакого звѣрька, птички, даже, можетъ быть, не знаешь, какой видъ имѣетъ человѣкъ?»—«На мое горе я все это знаю, все помню. Кажется лучше было бы родиться слѣпымъ, чѣмъ сдѣлаться такимъ, когда уже войдешь въ разумъ и все понимать станешь. Тогда нечего было-бы и жалѣть о томъ, чего не знаешь. Я ослѣпъ по девятнадцатому году, а уже за пять лѣтъ передъ тѣмъ былъ опредѣленъ на ткацкой фабрикѣ, на своихъ ногахъ стоялъ, самъ себя кормилъ, одѣвалъ, да еще въ деревню посылалъ, помогалъ отцу съ матерью».

—«Да отчего же, дѣдушка», разспрашивала Маша, заинтересованная разсказомъ, «ты въ такіе годы и именно на ткацкой фабрикѣ зрѣнія лишился? Что же тамъ такое работаютъ?»—«На ткацкихъ станкахъ у насъ коленкоръ ткали. На счетъ же моихъ глазъ я вотъ тебѣ, что скажу: они у меня всегда плохи были; да разумѣется, если-бы ихъ поберечь, въ чистотѣ да въ холѣ держать, не утруждать долгой работой, такъ можетъ я и по сію пору былъ бы зрячимъ; да видно намъ на роду другое написано. Мать съ отцомъ никогда въ достаткахъ не жили, а тутъ еще въ нашу деревню занесло сибирскую язву,—страшная такая болѣзнь на скотину пошла. Намѣтитъ она корову или лошадь, та сейчасъ отъ ѣды отобьется, а потомъ пухнуть начнетъ; промается этакъ три—четыре дня, а ужъ затѣмъ ты лучше ее изъ села уводи, чтобы сосѣди потомъ клясть тебя не стали, что она другихъ

заразила. Вотъ мы тогда потеряли лошаденку,— а это для нашего брата - крестьянина конецъ хозяйству. Вѣдь лошадь первая кормилица и помощница въ нашемъ быту, главное наше богатство. Какъ стряслось это горе надъ нами, мать и говоритъ мнѣ: «Иди-ка, Петруня, въ городъ на ткацкую фабрику: тамъ кто-нибудь изъ нашихъ земляковъ надъ тобою сжалится, мѣстечко тебѣ выхлопочетъ, а до той поры у кума поживешь,—мы съ нимъ потомъ сосчитаемся. Что по землепашеству,—твой старшій братъ все тутъ справитъ, а ты по фабричному поди, можетъ ты и подтянешь какъ нибудь наше хозяйство».—Вотъ я по четырнадцатому-то году и отправился на фабрику. Извѣстно, намъ къ работѣ не привыкать стать: съ малолѣтства къ этому пріучены, да въ деревнѣ все-же хоть на чистомъ воздухѣ лѣтомъ работаешь, а тутъ круглый годъ, какъ одинъ день. Помѣстятъ-ли тебя помогать, гдѣ тюки съ хлопкомъ разбираютъ, тамъ ли гдѣ его очищаютъ,—всегда и вездѣ отъ него грязь да пыль такая несется, что къ вечеру просто свѣту Божьяго не взвидишь. У кого глаза-то были здоровы, такъ они поболятъ, поболятъ, да и перестанутъ, а у меня все хуже да хуже. Сначала они слезились, да вѣки пухли, а потомъ, какъ стала къ нимъ кровь

приливать, такъ такая боль, что руки и ноги трясутся. Въ городъ пошелъ къ доктору. «У тебя», говоритъ, «сильное воспаленіе; брось фабрику, а то ослѣпнешь». А какъ тутъ ее бросишь, какъ у матери, кромѣ меня, четверо ребятъ малъмала-меньше,—ну и ослѣпъ. Да вотъ такъ ужъ послѣ того четвертый десятокъ по свѣту Божьему и мыкаюсь. Не то обидно», добавилъ онъ, гладя по головкѣ дѣвочку, «что землянику не вижу, какую ты тамъ на косогорѣ примѣтила, а что съ сумой хожу, побираюсь. Ахъ, дитятко, дитятко, это и тяжко, и зазорно».—«Что ты, что ты, дѣдушка, чѣмъ же ты то виноватъ? Всякій зрячій за то, что онъ счастливѣе тебя, долженъ за тебя поработать, жалѣть тебя»...

«Маша, Маша», закричалъ въ эту минуту Ваня.—«Я здѣсь», откликнулась дѣвочка вставая. —«Да гдѣ ты была? Я вездѣ тебя искалъ, звалъ, ты не отвѣчала. Побѣжалъ на деревню, спрашивалъ—никто не видалъ!»—«Я съ дѣдушкой сидѣла... Посмотри, Ваня, онъ ничего, ничего не видитъ, совсѣмъ слѣпой. Ты изъ какой же деревни, дѣдушка? Какъ сюда добрелъ?»—«Да отсюда не далеко, первая деревня; иду все впередъ, да костылемъ о землю постукиваю,—сейчасъ узнаю, когда съ дороги сверну, по стуку разберу, когда на кочку набреду или къ дереву близко под-

хожу,—ну и поверну, а то и добрый человѣкъ поможетъ».—«Пойдемъ, дѣдушка, съ нами: я тебя къ мамѣ сведу,—наша мама такая добрая». И дѣвочка хотѣла помочь старику подняться съ земли. «Ахъ ты, душенька ангельская! Ну, куда тебѣ со старикомъ, да еще со слѣпымъ,—вѣдь я тихонько самъ доплетусь, а тебѣ чай побѣгать хочется».—«Да, конечно, Маша, съ нимъ такъ долго, а вечеромъ мама и совсѣмъ, пожалуй, не пуститъ гулять, потому что сегодня насъ выпустили только въ первый разъ».—«Ну такъ что-же, что не пуститъ. Мы пойдемъ завтра, послѣ-завтра, еще нагуляемся, все увидимъ... А вотъ онъ!»... и она нагнулась къ уху брата,—«и тебѣ не жалко? Ну, иди одинъ, а я его поведу»... И дѣвочка взяла старика за руку и потихоньку отправилась съ нимъ домой. Ваня, на минуту пристыженный, пошелъ было съ ними, но увидалъ скоро опять бабочку и пустился ее догонять.

Когда слѣпой старикъ пообѣдалъ въ домѣ Машиной матери, она позволила дочери отвести его назадъ въ избу, гдѣ онъ жилъ. Съ тѣхъ поръ Маша часто стала посѣщать старика и при этомъ каждый разъ непремѣнно оставалась поболтать съ нимъ, сообщая ему все, что дѣлалось вокругъ. Когда она нѣсколько дней сряду не видѣла его, она съ особеннымъ нетерпѣніемъ бѣжала сообщить ему все, что случилось за это время.—«А знаешь-ли, дѣдушка», говорила она: «ужъ шиповникъ за нашимъ домомъ зацвѣлъ. И какія славныя, душистыя распустились на немъ розы! Яблони нынѣшній годъ всѣ сплошь въ цвѣту! Да, много, много будетъ нынче яблоковъ Я и тебѣ, дѣдушка, всегда буду ихъ припрятывать! Ахъ, совсѣмъ было забыла тебѣ сказать, какъ за эти дни подросъ нашъ жеребенокъ! Такой сталъ статный, живой! Ужъ сегодня его матку въ шарабанъ запрягали, и онъ отъ нея ни на шагъ не отставалъ!»

Разскажетъ Маша старику всѣ новости и начнетъ иной разъ читать ему какую нибудь дѣтскую книжку. Онъ со вниманіемъ ее слушаетъ, разспрашиваетъ, а какъ самъ начнетъ ей разсказывать, такъ Маша даже въ ужасъ придетъ, когда ее домой чай пить позовутъ, а она не успѣетъ дослушать. Побѣжитъ къ матери и отпросится у нея опять къ нему пойти, конецъ сказки узнать. И дѣйствительно, мастеръ онъ былъ сказки сказывать. Но еще любопытнѣе было слушать былъ,—вѣдь онъ много на свѣтѣ пожилъ, больше дѣвочки слышалъ, видѣлъ, зналъ и гораздо болѣе многихъ зрячихъ думалъ.

Прошли красные деньки, наступила осень, а за ней и зима съ ея холодами и морозами: опять

дѣтямъ пришлось больше сидѣть дома. Придетъ слѣпой въ домъ къ Машиной матери, его накормятъ, напоятъ, но онъ не уходитъ, проситъ повидать Машу: крѣпко полюбилась ему добрая дѣвочка. Увидитъ Маша старика,—бросится къ нему, за рукавъ его въ свою комнату тащитъ, перебираетъ свои игрушки одну за другой, разсказываетъ ему, какія онѣ съ виду, что съ каждой изъ нихъ сдѣлать можно. Старикъ все внимательно слушаетъ, что не поймётъ—растолковать себѣ проситъ. «Умная ты, дитятко», говоритъ онъ покачивая головой и лаская дѣвочку, «такая умная, что дай Богъ всякому; да умныхъ то людей на бѣломъ свѣтѣ не мало, а что сердечко твое, такъ въ пору только однимъ ангеламъ небеснымъ».

Такъ прошло нѣсколько лѣтъ и накопецъ пришло время поступать Машѣ въ гимназію. Ей приходилось разстаться со всѣмъ, къ чему она такъ привыкла въ своей родной деревнѣ и переѣхать въ городъ, гдѣ она еще никогда не жила. Будутъ новыя подруги, начнется новая жизнь, но ее болѣе всего заботитъ слѣпой старикъ.

—«О, мама, я не могу безъ ужаса подумать, какъ онъ останется безъ насъ? Какой онъ несчастный: слѣпой, безъ близкихъ, которые могли бы о немъ позаботиться! Кто подумаетъ о немъ теперь, когда онъ заболѣетъ? Знаешь, мамочка: мнѣ кажется,

такъ жестоко допускать его просить милостыню! Развѣ онъ изъ за лѣни не работаетъ? Вѣдь такое несчастіе можетъ случиться съ каждымъ изъ насъ! Господи, всѣ эти мысли меня совсѣмъ измучаютъ, не дадутъ кажется хорошенько учиться, если только намъ не удастся устроить нашего слѣпаго. Мнѣ все будетъ представляться, что онъ, собирая свои черствыя корки, забрелъ куда нибудь далеко и гдѣ нибудь замерзъ у забора»... И дѣвочка въ ужасѣ закрыла лицо руками. «Ну, полно, голубка», возразила мать,—«этого старика вся деревня знаетъ и жалѣетъ; но это правда, что его давно пора пристроить въ богадѣльню въ городѣ О., куда мы всѣ переѣзжаемъ. Нужно поговорить объ этомъ съ твоимъ дядею: онъ если самъ не можетъ его опредѣлить, то покрайней мѣрѣ укажетъ намъ, куда обратиться».—«Какъ-бы это было хорошо для него!» сказала Маша, просіявъ въ ту же минуту. «Вѣдь его будутъ тамъ кормить и одѣвать? Да и мы тамъ будемъ, такъ онъ не пропадетъ! Господи, наконецъ-то онъ съ сумой перестанетъ ходить».

Мать Маши обѣщала дочери черезъ нѣсколько дней съѣздить съ нею похлопотать о старикѣ къ дядѣ, который жилъ отъ нихъ въ 15-ти верстахъ. Но дѣвочкѣ не въ терпежъ такъ долго ждать. Когда ея нянѣ, по какому-то дѣлу, нужно было

ѣхать въ ту деревню, гдѣ жилъ дядя, она упросила мать отпустить ее съ нею.

Маша не успѣла поздороваться съ дядей, какъ уже стала разсказывать дѣло, за которымъ пріѣхала.—«Хороша племянница, цѣлый мѣсяцъ не видала дядю, завернула на минутку и тутъ же, на порогѣ, какъ настоящая просительница, дѣло излагаетъ».—«Право, дядя, я рѣшительно не могу быть покойна, пока не устроится это дѣло; помогите, голубчикъ дядя, дорогой, если-бы вы знали»... «Знаю, знаю, какой онъ несчастный, скажешь; я уже слыхалъ это отъ тебя», перебилъ дядя улыбаясь. «Ахъ ты моя сердобольная! Ну, что съ тобой подѣлаешь: иди въ кабинетъ, письмо напишу пріятелю, и ты съ твоей няней теперь и отправитесь къ нему. Онъ сейчасъ все это дѣло уладитъ».

Черезъ полтора мѣсяца слѣпой былъ опредѣленъ въ богадѣльню.

«Куды ты? Куды ты?» говорила сидѣлка знакомому намъ слѣпому старику, который вдругъ, къ чему-то прислушавшись вскочилъ и скоро, скоро заторопился къ двери.

«Моя Машенька пришла, Машу встрѣтить!».. бормоталъ онъ, подвигаясь впередъ все скорѣе и скорѣе.—«Никого здѣсь нѣтъ! Да въ «докторскую» комнату вамъ и ходить не дозволено».—«Маша,

Маша», повторялъ старикъ, не слушая сидѣлки и протягивая впередъ руки... Въ ту-же минуту на порогѣ дѣйствительно показалась Маша.—«Ну поди-жъ ты», говорила сидѣлка, «вы, барышня, такъ вошли, что зрячіе не видали, а слѣпаго-то, видно, обмануть труднѣе».—«Меня самою это всегда удивляетъ», отвѣчала Маша. «Какъ-бы я тихо ни шла, онъ всегда узнаетъ мою походку еще издали... Ну, какъ-же, дѣдушка, ты поживаешь! Хорошо тебѣ здѣсь? Чего не дадутъ, а тебѣ понадобится, только скажи,—я сейчасъ принесу».—«Болѣзная ты моя, сердечная, сама подумай,—ну что нужно старику, который всю свою жизнь проскитался съ сумой, зачастую въ дождь и непогоду спалъ подъ открытымъ небомъ, недѣлями ѣлъ только сухія корки! Вѣдь жизнь-то моя только съ тѣхъ самыхъ поръ и перемѣнилась, какъ ты, ангельская душка, негожаго старика призрѣла. Нѣтъ, Машенька, хорошо мнѣ здѣсь,—нечего Бога гнѣвить. Смотри, и постелька чистая, и комната теплая, и кушанье горячее получаю. А ты замѣтила-ли: и халатъ дали такой просторный, настоящій стариковскій,—и все по твоей милости».—«Что-ты, дѣдушка, развѣ я могла-бы сама тебя пристроить?»—«Нѣтъ, дитя», продолжалъ онъ, не слушая ее, «мнѣ остается только каждую минуту молить Бога, чтобы онъ сохранилъ тебя на счастіе

и радость людямъ. Жалкіе, бездольные, увидѣвъ тебя, будутъ думать, что они еще не совсѣмъ забыты Богомъ».—«Полно, дѣдушка, это даже скучно», перебила его Маша, «я такъ не люблю когда ты начнешь... какъ это сказать? ну, причитать... Ты лучше послушай, что я тебѣ про нашу гимназію разскажу»... И дѣвочка стала передавать всѣ новости, которыхъ у нея на первыхъ порахъ было очень много.

Маша терпѣть не могла, когда старикъ начиналъ ее хвалить, между тѣмъ говорить о ней для старика сдѣлалось настоящею потребностью. Его сосѣди—такіе-же старики, какъ и онъ, только и слышали отъ него, что о Машѣ. «Матушка, Александра Федоровна», говорилъ онъ сидѣлкѣ, «скажи ты мнѣ, какъ она изъ себя-то выглядитъ? Вѣришь-ли, кажется, теперь и видѣть только бы хотѣлъ, чтобы взглянуть на моего ангела».—«Ахъ ты Господи!» обыкновенно отвѣчала ему сидѣлка, «ну, по скольку разъ въ день ты меня объ этомъ спрашиваешь?»

Маша до сихъ поръ часто забѣгаетъ къ старику въ богадѣльню: сядетъ подлѣ него на табуретку и начнетъ разсказывать ему все, что съ ней случилось за тѣ дни, когда они не видѣлись. Не вяжется разговоръ, Маша прямо говоритъ, вставая: «Ну, дѣдушка, сегодня не о чемъ болѣе

толковать... Побольше накопится новостей, такъ подольше посижу»... И она уходитъ, каждый разъ провожаемая самыми задушевными пожеланіями и благословеніями слѣпаго старика.

БЕЗЗАБОТНАЯ КУКУШКА И ЗЛОПОЛУЧНАЯ ЖИЗНЬ ОДНОЙ МАЛИНОВКИ.

Въ одинъ прекрасный весенній день, когда почки на деревьяхъ стали развертываться, а тамъ и здѣсь на лугахъ начала пробиваться молоденькая зеленая травка, шли подъ вечеръ, мимо небольшой рощи, двѣ дѣвочки. «Куку...куку»,

вдругъ раздалось на встрѣчу имъ привѣтствіе кукушки, которая громко оповѣщала всю окрестность о томъ, что и она, наконецъ, прилетѣла изъ далекихъ странъ и принесла съ собой теплые деньки, яркое солнышко, а вмѣстѣ съ тѣмъ и чудное благоуханіе полей, ароматъ всевозможныхъ цвѣтовъ и травъ и звонкія пѣсни голосистыхъ птичекъ. — «Скажи, кукушка», сказала одна изъ дѣвочекъ: — «сколько лѣтъ мнѣ жить»? — «Куку... куку», начала кукушка безъ устали повторять свое имя, и этотъ крикъ съ каждою минутою раздавался все бѣшенѣе, все нетерпѣливѣе, точно она сама хотѣла кончить, но не могла. — «Слышишь, Маша», говорила дѣвочка своей подругѣ, «она точно злится, что ей приходится мнѣ пророчить такую долгую жизнь; даже охрипла». — «Я не вѣрю больше ея пророчествамъ. Разъ она обѣщала мнѣ жить болѣе ста лѣтъ, такъ что подъ конецъ мнѣ уже надоѣло за ней считать; затѣмъ на тотъ же вопросъ, на другой день, она прокуковала только одинъ разъ. Между тѣмъ съ тѣхъ поръ прошло уже болѣе года».

Да можетъ-ли правду предвѣщать кукушка, когда своимъ «куку» она выражаетъ всѣ свои чувства: хочетъ-ли она пригласить къ себѣ пріятеля, сердится-ли на кого, приходитъ-ли въ

бѣшенство при появленіи незваннаго гостя, радуется-ли находкѣ, — во всѣхъ случаяхъ жизни она прежде всего летитъ на самую высокую вѣтку дерева и благимъ матомъ, на всю окрестность, вопитъ свое «куку». Это кукованье иногда раздается то медленно, то очень быстро, то порывисто нетерпѣливо и оканчивается нерѣдко какимъ-то страннымъ, непріятнымъ смѣхомъ и хихиканьемъ. Будетъ-ли кукушка думать о человѣкѣ, когда она любитъ только себя и заботится лишь о томъ, какъ бы побольше набить свое брюшко. Вотъ она сидитъ на вѣткѣ, а сама зорко глядитъ во всѣ стороны: нѣтъ ли чего поѣсть. Увидала на землѣ, на кучѣ хвороста, волосатую гусеницу, опускается внизъ, какъ стрѣла, хватаетъ добычу на лету, проглатываетъ её и снова на дерево, чтобы черезъ минуту за тѣмъ же слетѣть внизъ. «Какъ-бы что схватить да поѣсть» — не выходитъ у нея изъ головы, а остальное не ея ума дѣло. Даже по дѣтямъ не болитъ ея сердечко, даже объ нихъ нѣтъ у нея заботы, — это въ полномъ смыслѣ беззаботная головушка! Для своихъ птенчиковъ она не вьетъ гнѣзда, яичекъ своихъ не высиживаетъ, не ухаживаетъ за маленькими, не добываетъ для нихъ пищи, не боится, не страдаетъ за нихъ, когда котъ Васька протягиваетъ къ ихъ гнѣзду свою пушистую,

мягкую лапку, выпускаетъ свои острые когти. О! это совѣмъ безсердечное созданіе! Представьте, ее не тянетъ даже взглянуть на своихъ крошекъ въ ту минуту, когда онѣ, только что вылупившись изъ яичекъ, такъ привлекательно беззащитны и слабы. Кукушка безжалостно подкидываетъ свои яйца другимъ, часто даже очень маленькимъ птичкамъ. Трудно представить, сколько горя и труда приноситъ она этимъ бѣдняжкамъ! По этому поводу я вамъ разскажу одну исторію.

Въ одномъ городѣ жила небогатая дѣвушка: она только что потеряла своихъ родителей, должна была нанять для себя въ дальней части города комнату и жить трудами своихъ рукъ. Чтобы одѣваться, ѣсть и платить за свое небольшое помѣщеніе, ей приходилось шить съ утра до вечера. Друзей и знакомыхъ у нея было очень мало, да и посѣщать то ихъ ей не было времени; вотъ и задумала она завести себѣ пѣвчую птичку, которая бы хотя нѣсколько развлекала ее въ одиночествѣ. Купить соловья или канарейку ей было не по средствамъ, и потому она сама рѣшилась поймать себѣ птичку. Однажды весною пошла она прогуляться за городъ. Проходя мимо кустарниковъ малины и бузины, она услыхала веселое щебетанье малиновокъ,

раздвинула кусты и замѣтила внизу, гдѣ корни наиболѣе перепутывались между собою и переплетены были разными растеніями, гнѣздо малиновки, въ которомъ сидѣло нѣсколько уже совершенно оперившихся птичекъ. При ея появленіи

нѣкоторыя изъ нихъ тотчасъ выпорхнули и улетѣли, а двое испугались, заметались изъ стороны въ сторону такъ, что запутались въ травкѣ.

Пока онѣ выпутывались, дѣвушка накинула на

гнѣздо носовой платокъ, высвободила ихъ и бережно унесла домой.

Прежде чѣмъ устроить имъ гнѣздышко, она долго любовалась своей находкой. И дѣйствительно, даже по виду, это были прелестныя, темносѣрыя птички; на груди у нихъ была точно желтенькая жилетка, на шеѣ узенькій ошейникъ такого же цвѣта и крошечное пятнышко на лбу. Особенно хороши у нихъ глазки: коричневые и такіе умные, живые, какъ будто даже шаловливые.

— «Однако, нужно вамъ скорѣе поѣсть приготовить», сказала дѣвушка, пустила птичекъ на столъ и сама вышла изъ комнаты. Малиновки встрепенулись, поскакали по полу, а затѣмъ тотчасъ забились подъ какую-то мебель. Ищетъ своихъ птичекъ молодая дѣвушка, никакъ найти не можетъ; наконецъ отодвинула комодъ. Въ ту же минуту оттуда вылетѣла одна изъ нихъ, а другая... да что это съ ней? На боку лежитъ со сломаной ножкой! «Бѣдная, бѣдная», проговорила дѣвушка и схватила ее на руки. «Я вѣрно какъ нибудь нечаянно тебя придавила!» — Она усадила птичку въ вату, дала ей изо рта попить воды, обернула больную ногу мокрой тряпкой и побѣжала въ шкапъ за хлѣбомъ. Больная стала жалобно чирикать. Тогда здоровая птичка вскочила на столъ, схватила хлѣбную крошку, подлетѣла къ больной и всунула кормъ въ ея ротъ; потомъ она полетѣла туда же за другой крошкой и опять сдѣлала то-же самое. Накормивъ больную, она долго прыгала около нея, чирикала, поправляла носикомъ перышки то у того, то у другаго ея крылышка.

Молодая дѣвушка такъ и не посадила своихъ малиновокъ въ клѣтку: больная еще долго сидѣла въ углу корзины, въ ватѣ, а здоровая свободно летала и прыгала по комнатѣ. Когда дѣвушка насыпала ей на полъ зернышки и крошки, она сейчасъ начинала клевать ихъ и затѣмъ летѣла кормить свою больную подругу; послѣ того она иногда долго просиживала на ея корзинѣ.

Однажды, въ жаркій, душный день, дѣвушка отворила окно, около котораго работала, отошла отъ него на минуту взять нитки въ комодѣ, а здоровая птичка порхъ и улетѣла. Боже, какъ тревожно зачирикала тогда больная! Не слыша отвѣта на свой жалобный призывъ, ковыляя и прихрамывая, она выскочила изъ корзины и, спотыкаясь на каждомъ шагу, забѣгала по полу, заглядывала во всѣ углы. Но подруги нигдѣ не было, и больная, начинавшая уже было поправляться, опять стала тосковать и хирѣть. Но за то молодая дѣвушка сильно привязалась къ бѣд-

нѣжкѣ и всѣми силами старалась ей угодить: приносила ей червячковъ, мушекъ, творогъ, крошки, поила водой, молокомъ. Наконецъ, мало по малу малиновка стала выздоравливать, все болѣе привыкала къ своей хозяйкѣ, брала уже кормъ изъ ея рукъ, радостно чирикала при ея приходѣ и къ концу лѣта стала свободно летать по всей комнатѣ. Такъ прожила малиновка цѣлый годъ, до слѣдующей весны.

Когда наступилъ первый теплый день, дѣвушка открыла окно и посадила на подоконникъ свою птичку. Та тотчасъ начала прыгать, останавливаясь на минуту и посматривая то на свою хозяйку, то на свѣтлое небо; затѣмъ она затянула длинную, чудную пѣсенку. Но вотъ она замолчала, взглянула на яркое солнышко и вдругъ взвилась высоко, высоко, къ прозрачнымъ облакамъ.—«Прощай, моя дорогая! Неужели и ты меня забудешь»?... печально проговорила дѣвушка. Но птичка не забыла ее и къ вечеру влетѣла въ открытое окно.

Впродолженіе нѣсколькихъ дней малиновка возвращалась на ночь къ своей хозяйкѣ, но затѣмъ она перестала появляться, и дѣвушка долго не видала своей любимицы.

Однажды, когда портниха по обыкновенію работала у своего окна, на подоконникъ прилетѣла ея птичка, въ сопровожденіи другой малиновки. Дѣвушка страшно обрадовалась и бросилась открывать окно, но обѣ птички спорхнули и улетѣли и молодая дѣвушка уже никогда болѣе не видала своей воспитанницы.

Да и могла ли малиновка думать теперь о своей хозяйкѣ, когда она обзавелась собственнымъ домкомъ?

Въ небольшомъ пролѣскѣ валялся старый, гнилой и обросшій мохомъ пень. Вмѣстѣ съ мужемъ, съ которымъ малиновка въ послѣдній разъ и прилетала къ своей хозяйкѣ, они устроили себѣ гнѣздышко въ выгнившемъ углубленіи этого пня и стали класть яички. Въ гнѣздышкѣ уже лежало четыре крошечныхъ, свѣтло-желтыхъ яичка, покрытыхъ темными и желтыми крапинками, какъ вдругъ той и другой птичкѣ пришлось куда-то отлучиться. А кукушка только этого и ждала. Она давно уже посматривала на гнѣздо малиновокъ, да никогда не находила его пустымъ. Поэтому теперь она, какъ стрѣла, бросилась въ ихъ гнѣздо, выбросила изъ него одно изъ ихъ яичекъ, а вмѣсто него положила свое и, какъ ни въ чемъ не бывало, тотчасъ оттуда вылетѣла. Малиновка ничего не замѣтила, еще положила яичко, и затѣмъ, вмѣстѣ съ мужемъ, они начали поперемѣнно сидѣть на яйцахъ, изъ которыхъ

черезъ двѣ недѣли стали показываться крошечныя птички. Каково же было удивленіе родителей, когда, среди своихъ маленькихъ, нѣжныхъ птенчиковъ, они увидѣли безобразнаго кукушенка! Онъ былъ гораздо больше ихъ дѣтей, съ огромной, неуклюжей головой и большими выдающимися глазами, такъ что скорѣе напоминалъ собою противную жабу, чѣмъ хорошенькую птичку. Но малиновки одинаково любили всѣхъ птенчиковъ.

Скоро кукушенокъ сталъ рости, что называется, не по днямъ, а по часамъ, занимая все болѣе мѣста въ гнѣздѣ. При этомъ онъ почти безпрерывно просилъ ѣсть, и его огромная голова, съ открытою пастью, всегда торчала надъ гнѣздомъ.

Малиновки возвращаются домой съ работы и каждый разъ несутъ червячковъ и мошекъ своимъ дѣтямъ. «Піу... піу», пищатъ они, ѣсть просятъ, а кукушенокъ смѣлѣе и сильнѣе всѣхъ, шею вытянулъ дальше другихъ и подставилъ свою открытую пасть подъ червячка, который свѣсился съ клюва его пріемной матери. Одинъ-два глотка и у кукушенка ничего нѣтъ: онъ уже все съѣлъ и опять ѣсть проситъ, между тѣмъ, его сосѣдъ только что успѣлъ получить мушку. «Какъ удобно торчитъ у него ея крылышко!»

думаетъ про себя кукушенокъ, и тащитъ муху изо рта своего пріемнаго брата.

Маленькій обжора и за себя, и за другихъ уже много разъ плотно закусилъ, но за то остальнымъ птенчикамъ еще ничего не попало. Да какая ему объ этомъ забота? Онъ по прежнему шею вытягиваетъ, пищитъ, ѣсть настойчиво требуетъ.

Мы уже знаемъ, сколько выстрадала знакомая намъ малиновка въ своей юности. Прежде всего она до смерти была перепугана появленіемъ молодой дѣвушки, которая вынула ее изъ гнѣзда, потеряла родителей, сломавъ ногу, перенесла серьезную болѣзнь, вынесла и еще болѣе тяжелое горе—разлуку съ единственной милой подругой, родной сестрой; но все это было ничто передъ теперешними страданіями. Съ утра до вечера она безъ устали работала со своимъ мужемъ, добывая

кормъ птенчикамъ, но все это въ ихъ глазахъ пожиралъ кукушенокъ, постоянно обижая остальныхъ дѣтей. Мало того, имъ пришлось изъ за него испытать и тяжкое горе.

Однажды, когда малиновки полетѣли за кормомъ, кукушенокъ началъ возиться и распоряжаться въ гнѣздѣ какъ-то особенно безцеремонно, толкая то одного, то другаго птенчика. По всему было видно, что на этотъ разъ онъ рѣшился, во чтобы то ни стало, сейчасъ же и навсегда устроиться, какъ можно удобнѣе. Для этого онъ усѣлся въ глубину гнѣзда, такъ что остальные очутились по бокамъ его и безпрестанно сваливались на него. Лишь только одинъ изъ нихъ вскарабкивался къ нему на спину, онъ тотчасъ выбрасывалъ его за край гнѣзда и такимъ образомъ повыкинулъ всѣхъ маленькихъ малиновокъ. Бѣдныя малютки, продрогнувъ до костей, въ ту же минуту расползлись въ разныя стороны и погибли всѣ до одного: кто въ яму попалъ и не могъ оттуда выкарабкаться, одинъ погибъ отъ холода, другой отъ голода и смертельнаго испуга. А виновникъ этого преступленія и думать забылъ о несчастныхъ малюткахъ и съ великимъ торжествомъ одинъ занялъ все гнѣздо.

Трудно описать, въ какой ужасъ пришли малиновки, когда не нашли въ гнѣздѣ своихъ дѣтей. Онѣ метались въ разныя стороны, прыгали по землѣ, засматривали подъ всѣ кусты, а кукушенокъ и тутъ не имѣетъ жалости: злится, до хрипоты пищитъ, выкрикивая свое «цисъ—цизысъ», которое такъ и говоритъ: «подавайте мнѣ сейчасъ ѣсть, а тамъ горюйте сколько угодно».

Сильно тосковала несчастная малиновка, долго убивалась она по дѣтямъ, и только ненасытная алчность кукушенка заставляла ее по временамъ забывать свое горе и по прежнему трудиться даже и теперь для единственнаго пріемнаго сына столько же, сколько и прежде, когда у нея было большое семейство.

Кукушенокъ не принесъ родителямъ особеннаго утѣшенія и впослѣдствіи. Но относительно своей наружности онъ скоро измѣнился къ лучшему. Выростая, онъ мало по малу выравнивался и въ концѣ концовъ превратился въ красивую, молодую кукушку, которая все чаще стала вылетать изъ гнѣзда и скоро могла уже сама добывать себѣ пищу.

Когда молодая кукушка почувствовала свою самостоятельность, она не только стала выказывать своимъ пріемнымъ родителямъ полное равнодушіе, но однажды, черезъ недѣлю послѣ того, какъ она совсѣмъ вылетѣла изъ гнѣзда, злобно бросилась выгонять своихъ воспитателей

изъ лѣсу и преслѣдовала ихъ до тѣхъ поръ, пока они совсѣмъ не скрылись.

КАКЪ ПЕТЯ И ЛЕЛЯ БАБУШКУ РАЗВЛЕКАЛИ.

Леля и Петя ждутъ не дождутся пріѣзда своей бабушки. Они уже болѣе двухъ лѣтъ не видали ея, но никогда не забудутъ лѣта, проведеннаго у нея въ деревнѣ: тамъ имъ было такъ весело и хорошо, какъ никогда и нигдѣ. Вотъ они теперь только и думаютъ, какъ бы развлечь свою милую, добрую бабушку, чтобы она подольше погостила у нихъ въ городѣ и не соскучилась по своей деревнѣ, въ которой она живетъ безвыѣздно уже много, много лѣтъ.

«Смотри, смотри, Петя», говоритъ Леля своему брату, «уже безъ пяти минутъ четыре; бабушка подъѣзжаетъ теперь къ вокзалу. Не будь мороза, и мы тоже поѣхали бы ее встрѣчать, а теперь придется ждать почти цѣлый часъ... Господи, какая скука!»—«Ахъ, Леля, ты начнешь ныть и на меня тоску нагонишь. Подумаемъ лучше вмѣстѣ, что намъ сегодня на первый разъ показать бабушкѣ. Мы съ тобой много толковали

о томъ, какъ будемъ развлекать ее, но съ чего начнемъ—и не уговорились».—«Да, это правда», сказала дѣвочка оживляясь. «Я буду стараться показывать все, чего бабушка не можетъ видѣть въ деревнѣ. На сегодняшній вечеръ возьму ящикъ съ фокусами, который папа мнѣ подарилъ къ именинамъ. Я съумѣю все такъ ловко показать, что бабушка и не заподозритъ даже, что это сдѣланный фокусъ, а подумаетъ, что я сама его изобрѣла или переняла у какого нибудь знаменитаго фокусника. Конечно, я все это ей потомъ объясню, но какъ весело будетъ, когда она начнетъ удивляться».—«Пожалуйста, Леля, только не улыбайся при этомъ и не выболтай всего раньше. А то ты, пожалуй, все разскажешь, чуть бабушка на порогъ ступитъ! Вѣдь ты у насъ такая болтушка! Отъ твоего умѣнья будетъ зависѣть и мой фокусъ, но я его самъ придумалъ и сообщу его тебѣ въ самую, самую послѣднюю минуту... А то, боюсь, тебѣ не утерпѣть, непремѣнно проговоришься!»—«Ну, Петя, голубчикъ, скажи, пожалуйста, право не пророню ни единаго словечка. И какой ты счастливый: самъ можешь придумать. А я ничего не могу сама!»—«Да говорю же тебѣ, что хотя я самъ придумалъ этотъ фокусъ, но его успѣхъ больше всего будетъ зависѣть отъ тебя, и ты въ немъ будешь играть

главную роль».—«Такъ не мучь-же меня, умоляю тебя скажи», приставала къ нему сестра. Но въ эту минуту двери съ шумомъ распахнулись и въ комнату стали вносить чемоданы, а за ними появилась старушка, которую дѣти бросились горячо обнимать.

«Ахъ, бабушка, что мы тебѣ покажемъ!»—кричала Леля, еще не успѣвши высвободиться изъ ея объятій.—«Вотъ-то болтушка!» проговорилъ съ сердцемъ Петя, сзади толкая сестру. «Хорошо еще, что я ничего не успѣлъ сказать!»—«Нѣтъ ужъ, пожалуйста, дѣти», сказалъ отецъ, помогая своей матери снять шубу, «не тормошите вы бабушку,—дайте ей съ дороги опомниться и спокойно пообѣдать». — «Правда, бабушка», заговорили дѣти, хватая ее за руки съ той и съ другой стороны, «пойдемъ, пойдемъ въ столовую, только ужо, потомъ, ты вѣдь сейчасъ пойдешь съ нами въ дѣтскую?—Ахъ, бабушка, что мы только тебѣ покажемъ!» вдругъ опять воскликнула Леля. — «Противная болтушка!» вскричалъ Петя чуть не плача.—«Бабушка, вѣдь я тебѣ еще ничего не сказала»? опять защебетала Леля, но уже теперь съ оттѣнкомъ обиды въ голосѣ. «Петя меня все болтушкой называетъ. Вѣдь ты не поняла, что именно я тебѣ хочу показать».—«Да милые мои, болтайте, болтайте

побольше; день и ночь только и думала, приведетъ ли Богъ еще увидѣть и услышать васъ».—«Но все таки, мамочка», возразила Марья Александровна, мать Пети и Лели, «вамъ слѣдуетъ отдохнуть послѣ обѣда: они положительно васъ утомятъ».—«Нѣтъ, душа моя, оставь, пожалуйста, ихъ на меня: это для меня не утомленіе, а самый пріятный отдыхъ. Ведите, мои дорогіе, ведите меня къ себѣ... Что-же вы хотѣли мнѣ показать?» говорила старушка внучатамъ, вставая изъ за стола.—«Вотъ, бабушка», начала Леля, когда они пришли въ дѣтскую, видишь деревянное яичко. Теперь я тебѣ его открою, а ты хорошенько посмотри, что въ немъ лежитъ»,—и дѣвочка подала бабушкѣ открытое желтое яичко.—«Ничего, милочка, ничего въ немъ не лежитъ».—«Смотри же хорошенько, теперь я его закрою, а ты зорко гляди за мной, что бы я чего нибудь тихонько въ него не положила... Ничего не было въ рукахъ? Видѣла? Еще посмотри». И Леля открыла во второй разъ яйцо, въ которомъ теперь уже лежало другое маленькое яичко.—«Да откуда-же оно взялось?» удивлялась бабушка, со всѣхъ сторонъ разглядывая яичко.—«Да это еще что! Ты посмотри вотъ это»,—и Леля открыла пустой четырехугольный ящикъ, потомъ закрыла и, когда вновь открыла его, въ немъ

лежали карты. Затѣмъ она стала показывать разные фокусы съ картами.—«Да какая-же ты у меня вострушка», ласкала бабушка внучку, а дѣвочка приходила все въ большій и большій азартъ.—«Ахъ, бабушка, да вѣдь это все сдѣлать очень просто! Это пустяки: я тебя всему этому научу. Ну, съ меня будетъ, пусть показываетъ теперь Петя».—И дѣти вдругъ выбѣжали изъ комнаты, толкнувъ предварительно другъ друга.—«Гдѣ-же вы, дѣточки? Куда убѣжали?» звала бабушка внучатъ. Но они шептались между собой въ другой комнатѣ. Наконецъ, вся раскраснѣвшись, вбѣжала Леля и, лукаво улыбаясь, объявила, что Петя не умѣетъ дѣлать фокусовъ, но желаетъ показать бабушкѣ ея, Лелинъ, портретъ, который онъ нарисовалъ масляными красками.—«Папа писалъ мнѣ, что Петя хорошо рисуетъ, но неужели онъ можетъ уже писать масляными красками? Да вѣдь это прелюбопытно! Неси, Петя, скорѣе свою картину, а я кстати возьму свою лорнетку: своими-то глазами совсѣмъ плохо вижу»,—и бабушка вышла изъ комнаты. Петя тотчасъ-же вбѣжалъ въ дѣтскую съ пустою рамою въ рукахъ и поставилъ ее на табуретъ. Леля стала сзади рамы и ея головка заняла къ ней все пустое пространство.

«Ну, бабушка, иди скорѣе смотрѣть, удачно-

ли я написалъ Лелинъ портретъ», закричалъ Петя, и старушка, ничего не подозрѣвая, вошла въ ком-

нату, сѣла въ кресло и начала было съ изумленіемъ разсматривать дѣйствительно прелестный, живой портретъ своей милой внучки. Но плутовка не долго выдержала: вдругъ захохотала, захлопала въ ладоши, и бабушка въ восторгѣ отъ этой милой проказы своихъ внучатъ бросилась ихъ цѣловать и обнимать.

СЕРДЦЕМЪ И СОЛОМИНКИ НЕ ПЕРЕЛОМИШЬ.

а дворѣ стоитъ жаркій іюльскій день, и хотя онъ уже склоняется къ вечеру, но жара еще не спала, солнце такъ и печетъ. Въ деревнѣ Овсянкахъ, какъ въ избахъ, такъ и на дворѣ, не видно ни души, не слышно ни единаго человѣческаго голоса. Но не огненное, раскалившееся солнышко испугало жителей этой маленькой деревеньки: они всѣ ушли на работы въ поле, за три

версты отъ своихъ ветхихъ домишекъ, которые, точно убогіе солдатики, долго пробывшіе въ отпуску и забывшіе военную выправку, стоятъ въ рядъ, одни совсѣмъ покосившись на сторону, другіе неуклюже наклонившись впередъ. Но гдѣ-же дѣтишки? Ихъ не видать даже на зеленой лужайкѣ, гдѣ они обыкновенно играютъ въ кости и на которой парни съ дѣвушками въ праздничный день подъ вечеръ пляшутъ и бѣгаютъ въ горѣлки. Ушли матери, и дѣтей съ собой забрали. Если ребенокъ не умѣетъ еще бѣгать,—онъ будетъ лежать въ полѣ, прикрытый отъ солнца тряпкой, пока мать не удосужится его накормить, а если онъ на ногахъ, то во многомъ можетъ уже помочь въ такое спѣшное, рабочее время: отведетъ на выгонъ распряженную лошадь, отправится съ возомъ сноповъ, сбѣгаетъ домой за шлеей, прогонитъ къ озеру залетѣвшихъ гусей, понянчитъ маленькаго братишку. Вотъ почему въ Овсянкахъ въ эту минуту царствовала полная тишина.

Вдругъ на краю деревни въ двухъэтажномъ помѣщичьемъ домѣ, который передъ всѣми избами выдѣлялся и величиной, и красотой, хотя самъ по себѣ былъ очень скромнымъ деревяннымъ домикомъ, хлопнула дверь, а вслѣдъ за тѣмъ раздались громкія рыданія и стукъ падавшихъ на полъ вещей. Чу! что это? Ужъ не горе-ли, не

несчастіе-ли какое случилось въ домѣ, который въ сравненіи со всѣми казался и богаче, и счастливѣе? О, нѣтъ! Прислушайтесь-ка къ этимъ рыданіямъ, и вы сейчасъ поймете, что онѣ не горемъ вызваны. И правда. По небольшой чистенькой горенкѣ домика то ходила, то бѣгала взадъ и впередъ пухленькая, краснощекая, черноволосая десятилѣтняя дѣвочка. «Господи, какая я несчастная»! говорила она сама съ собой, то раздражительно всхлипывая и даже ломая руки въ отчаяніи, то съ невыразимой досадой толкая и швыряя вещи, которыя ей попадались подъ руки. «Не съ кѣмъ играть! Да что ужъ объ игрѣ! не съ кѣмъ словомъ перекинуться! Сохрани Богъ другой разъ ѣхать въ эту противную деревню! Да и что тутъ хорошаго? Всѣ говорятъ: поле, лѣсъ, рѣка! Все и вездѣ мерзость, скука»!

Въ ту же минуту, какъ бы въ подтвержденіе сказанному, сверчокъ затянулъ за печкой свою унылую пѣсенку. Вскорѣ нашелся второй, третій, и множество другихъ его собратій подняли свою однообразную музыку. Этотъ грустный концертъ окончательно вывелъ дѣвочку изъ терпѣнія. «Господи, да что-же это?» гнѣвно вскричала она, топая ножкой и останавливаясь передъ печкой. «Рѣшительно все и всѣ меня

здѣсь преслѣдуютъ! Молчите! Противные... сію минуту молчать! Ай, даже страшно! Петя, Петя, иди, иди сюда!» въ ужасѣ завопила она, метаясь изъ одного угла въ другой, продолжая отчаянно кричать, звать брата на помощь, ломать и швырять все, что ей попадалось на дорогѣ.—«Ай да музыка»! вбѣгая въ комнату вскричалъ пятнадцатилѣтній веселый юноша. «Съ другого края деревни услыхалъ! Не дурно»! говорилъ онъ, добродушно подсмѣиваясь надъ сестрой и живо снимая съ плечъ зеленую сумку съ разными насѣкомыми, вынимая изъ кармановъ то одно, то другое растеніе и бережно раскладывая все на столѣ.—«Ну, чего ты этотъ гамъ подняла? Вѣдь это просто срамъ: посмотри на что похожа комната»! уже серьезно говорилъ онъ, поднимая стулья и разбросанныя сестрою книги и вещи.—«И ты меня бранишь! И ты? Даже не зная въ чемъ дѣло!» только укоризненно простонала дѣвочка; теперь она уже горько зарыдала и бросилась въ подушки на диванъ.—«Ну, перестань, Маша! Скажи-же скорѣй, что случилось?» уже гораздо мягче спрашивалъ Петя, подходя къ сестрѣ.—«Мнѣ такъ все здѣсь опротивѣло... такая тоска!» вмѣсто отвѣта заговорила она, приподымаясь и все еще всхлипывая.—«Петя, голубчикъ, уговаривай тетю отвезти насъ въ

городъ... тамъ гораздо веселѣе!»—«А, значитъ прежняя исторія!» махнувъ рукой, сказалъ Петя. «А я вѣдь началъ было думать, что есть что нибудь новенькое. Вѣдь и въ городѣ съ тобой то же самое: какъ только ты осталась одна, чуть пришлось нѣсколько минутъ занять себя самою, и ты отъ досады и нетерпѣнія готова все перепортить, начинаешь безконечные капризы. А давно-бы пора этого стыдиться.»—«Хорошо тебѣ такъ разсуждать! Что-же дѣлать, когда мнѣ всегда одной скучно?»—«Скучно»! перебилъ ее братъ,—«пошла-бы хотя въ поле да посмотрѣла, какъ тамъ дѣти въ твои лѣта работаютъ: имъ некогда скучать! И вмѣсто того, чтобы отъ скуки бѣситься, тамъ-бы оглядѣлась хорошенько, да хотя чѣмъ кому нибудь помогла, услугу-бы какую бѣдной женщинѣ оказала!»—«Я не умѣю жать, какую-же услугу я могу оказать?»—«Никто тебя жать и не посылаетъ. А вотъ, хотя-бы воронъ да галокъ отгоняла отъ ребятъ, что въ полѣ безъ призору валяются, иной разъ пить сводила-бы къ колодцу мальчугана, который безъ чужой помощи упасть въ него можетъ. Да мало-ли чѣмъ тамъ ты могла-бы помочь, если-бы только захотѣла, да имѣла терпѣніе часъ, другой посмотрѣть, что тамъ дѣлается. А какъ-бы работницы-то были тебѣ за это благодарны! Во сколько разъ тебѣ самой это

было-бы веселѣй, чѣмъ кричать на всю деревню. Вѣдь должна-же ты давно себя понять: не можешь, не умѣешь и не хочешь ты одна посидѣть, одна чѣмъ нибудь заняться. Ты воображаешь, что какъ ты на себя за это разозлишься, такъ отъ этого будетъ тебѣ сейчасъ веселѣй? Напрасно! Знаешь пословицу: «сердцемъ и соломинки не переломишь».—«Надоѣлъ ты мнѣ съ этой пословицей!»—«Такъ вотъ тебѣ другая: «чѣмъ больше кошку гладишь, тѣмъ больше она горбъ подымаетъ». Ты можетъ оттого и нюни распускаешь, что я тебя постоянно выслушиваю, совѣты разные даю, какъ тебѣ выучиться себя занимать... Теперь отлично вижу, что ты и въ двадцать лѣтъ будешь такъ-же плакать и рыдать, когда останешься одна»... и мальчикъ хотѣлъ уже хлопнуть дверью и уйти, какъ Маша вдругъ бросилась къ нему и, отчаянно хватая его за платье, начала умолять, чтобы онъ не оставлялъ ее одну. «Клянусь тебѣ, если только ты выслушаешь меня до конца, ты увидишь, что я ни въ чемъ не виновата и что именно сегодня я исполнила всѣ твои совѣты. Была въ лѣсу, сидѣла, смотрѣла... все, все, какъ ты сказалъ... и если-бы ты зналъ, сколько изъ этого вышло мерзостей! Теперь ты говоришь: иди въ поле. Пойду завтра-же, только напередъ знаю, что и тамъ случится со мною какая нибудь непріят-

ность! Ужъ такая я несчастная! Право, несчастнѣе меня нѣтъ на свѣтѣ.»—«Какія такія мерзости могли съ тобой случиться? И несчастная ты развѣ только, что можешь, сколько вздумается, пить, ѣсть, бѣгать и играть въ лѣсу и въ полѣ».—«Вмѣсто того, чтобы читать нотаціи, выслушай раньше, только не перебивай. Какъ только ты ушелъ изъ дому, я и думаю: ну, хорошо, пойду въ лѣсъ, какъ Петя сказалъ. Буду, какъ онъ, разсматривать всѣхъ букашекъ-таракашекъ, птичекъ, собирать цвѣты, траву. Собралась. Только что я хотѣла выйти,— смотрю тетя на порогѣ. Куда, говоритъ, бѣжишь: скушай сначала землянику со сливками. Нѣтъ, говорю, тетя, лучше я ее въ лѣсу съѣмъ, а то Петя попрекать будетъ, что я тамъ только побѣгала, а ничего не примѣтила, ничего не видала. Ты видишь, какъ я твердо рѣшилась цѣлый день въ лѣсу просидѣть и всѣ твои совѣты въ точности выполнить. Хорошо: пришла, сѣла подъ дерево съ тарелкой и начала было ѣсть, да вспомнила, что обѣщала тебѣ ни минуты не терять напрасно, все разсматривать... Видишь, даже во время ѣды твои наставленія помнила. Вотъ подняла вверхъ голову... вдругъ вижу, совсѣмъ надо мной огромный, противный паучище по паутинѣ ко мнѣ на голову спускается. Какъ я это

увидала, отъ страха даже колѣнки затряслись... хотѣла уже бѣжать, да опять въ голову пришли твои попреки: «нетерпѣливая, да нетерпѣливая»... хорошо, думаю, еще попробую, а то вѣдь я всегда во всемъ у тебя виновата». вдругъ неожиданно прибавила Маша, обращаясь къ брату, и, не давая ему возразить, залепетала снова. «Нѣтъ, ты слушай, слушай: иду къ другому дереву, сажусь... не успѣла еще и ложки до рта донести—трахъ... и сосновая шишка въ сливки упала. Что, виновата я, виновата? Ну, тутъ я, конечно, не выдержала... Я бы хотѣла видѣть, что бы ты самъ сдѣлалъ въ такомъ случаѣ: вѣдь ягоды со сливками были совсѣмъ испорчены. Тутъ уже я съ отчаянія тарелку о землю такъ хватила, что только черепки полетѣли»... Вдругъ, что-то вспомнивъ при этомъ, дѣвочка вся вспыхнула, на минуту замолчала, какъ-то сконфуженно опустивъ глазки, и, нѣсколько боязливо, изъ подлобья посматривая на Петю, тихонько проговорила: «А вѣдь вмѣстѣ съ тарелкой я въ лѣсу-то и серебряную ложку бросила. Тетя, пожалуй, будетъ сердиться, но я-то тутъ чѣмъ виновата? Впрочемъ я потомъ пойду ее поискать: въ такое время тамъ никто не ходитъ»... и тотчасъ успокоившись она бодро тряхнула курчавыми волосенками и, какъ-бы отгоняя непріятныя мысли, стала

быстро продолжать. «На чемъ-же я остановилась? Да, помню, помню... Когда шишка испортила мнѣ ягоды, я уже не рѣшалась болѣе садиться подъ дерево, но все таки не ушла изъ лѣсу, какъ ты вѣрно сейчасъ же вообразилъ, а замѣтила маленькій холмикъ, подумала, что это сѣно—мягко сидѣть, да и не совсѣмъ подъ деревомъ... Только это я сѣла, какъ полѣзли на меня муравьи, какъ полѣзли: въ рукава, на шею, подъ рубашку, по лицу.... защипали, защекотали. Оказалось, видишь-ли, муравьиная куча... Боже мой, что со мной только было! Бѣгу домой—ногъ подъ собой не слышу: плачу, кричу, а можетъ быть и молчу,—ужъ сама ничего не помню»..... «Кричала, кричала, а не молчала», громко расхохотавшись перебилъ ее братъ».—«Кричала... кричала»... съ запальчивостью передразнивала его сестра. «Ты лучше меня не раздражай, а слушай. Перемѣнила я платье, бѣлье... Кажется, довольно всѣхъ мерзостей испытала, ну думаю теперь дома, хотя и душно, покрайней мѣрѣ ничего такого не будетъ, и уже стала было успокоиваться. Вдругъ сверчки подняли свою музыку,—я уже тутъ чуть съ ума не сошла».—«Воображаю», едва проговорилъ Петя отъ душившаго его смѣха. «Послѣ этого ты и подняла зъ домѣ содомъ?»—«Петька, противный!» отчаянно завопила на него сестра.

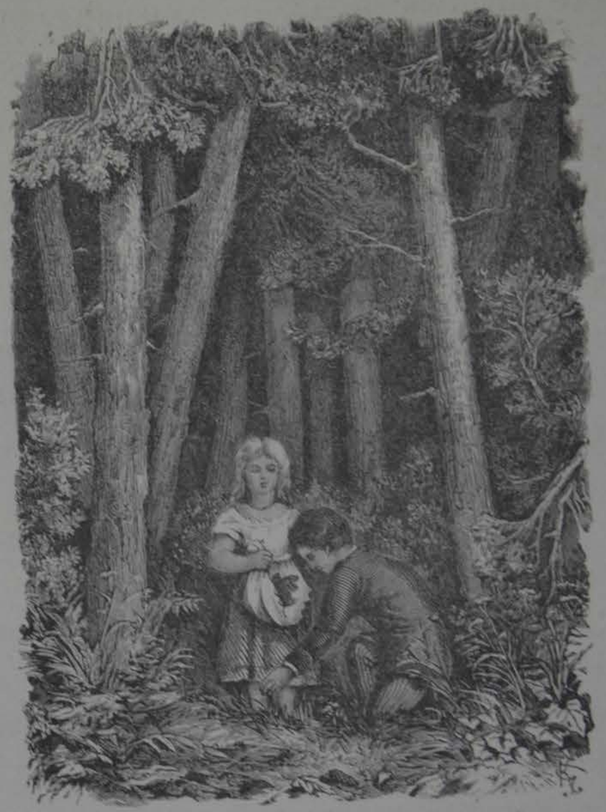
«Что-же ты хотѣлъ, чтобы меня совсѣмъ муравьи заѣли? Да, ты этого хотѣлъ?»—«Вотъ, если бы ты раньше кой къ чему присмотрѣлась, ты-бы давно знала, что крестьяне въ этомъ лѣсу никогда съ сѣномъ не ѣздятъ, а копны бываютъ побольше муравьиныхъ кучъ. Тогда-бы ты и не сѣла на нее, а устроилась бы гдѣ нибудь недалеко, да и смотрѣла, что кругомъ дѣлается. Къ одному да къ другому присмотрѣлась-бы, и нашла-бы для себя много занимательнаго».—«Скажи, скажи, какое такое дѣло, какое удовольствіе можетъ быть отъ пауковъ, шишки, а тѣмъ болѣе отъ муравьевъ, которые меня всю искусали?»—«Рѣшительно вездѣ и во всемъ можно найти удовольствіе и полезное занятіе».—«Чѣмъ все это говорить, лучше докажи. Мнѣ очень-бы хотѣлось знать, какъ ты это сдѣлаешь, что муравьи не будутъ тебя кусать за твое терпѣніе, шишки не будутъ портить молока».—«Я не говорю», возразилъ Петя, «что меня никогда не укуситъ ни одно насѣкомое. Конечно, и со мной могутъ случиться всѣ эти маленькія непріятности, но гораздо рѣже, чѣмъ съ тобой, потому что я знаю, какъ ихъ избѣгать. А если что и случится въ этомъ родѣ,—большая важность! Тутъ столько увидишь и узнаешь любопытнаго, что всѣ эти мелочи вовсе и не будутъ раздражать».—«Нѣтъ, ты докажи», возразила Маша.—

«какое удовольствіе, какое занятіе, да еще полезное могутъ доставить ну хотя шишки? Ужъ это ты просто прихвастнулъ!»—«Хорошо, еще разъ докажу тебѣ, что всѣ твои великія несчастія, о которыхъ ты оповѣщала на всю деревню, происходятъ отъ нетерпѣнія да отъ лѣни пошевелить мозгами. Но если ты и послѣ этого не опомнишься, даю тебѣ честное слово, что чѣмъ больше ты будешь кричать и бѣситься, тѣмъ меньше можешь разсчитывать на меня. Я совсѣмъ не буду обращать на тебя вниманія».—«Я это знаю», обидчиво проговорила Маша, каждую минуту готовая снова удариться въ слезы. «Пусть бы тебя послушала тетя,—она вѣдь все восторгается твоею добротою».—«Да полно тебѣ... Скорѣй-же побѣжимъ въ лѣсъ шишки собирать», хватая сестру за руку, сказалъ Петя, и Маша въ ту-же минуту забыла всѣ свои несчастія и побѣжала съ братомъ.

—«Только ты не набирай поломанныхъ или очень маленькихъ шишекъ», говорилъ Петя сестрѣ, когда они пришли въ лѣсъ. «Теперь будетъ,—ихъ и то слишкомъ много. Кстати, я уже придумалъ, что изъ нихъ можно устроить. Подъ чешуйки шишекъ мы набьемъ земли, а тамъ, гдѣ она есть, можно что нибудь посѣять».

Весело болтая, дѣти возвратились въ свою

комнату, и Маша высыпала изъ передника на столъ собранныя шишки. Послѣ этого они отправились на огородъ, принесли съ грядокъ тарелку земли, набросали въ нее маленькихъ горчичныхъ сѣмянъ, кресъ-салата и эту землю съ сѣменами тщательно набили подъ чешуйки собранныхъ ими шишекъ. Въ нѣкоторыя изъ нихъ имъ удалось даже забить зерна ржи и овса.

ЧЕРНУСИНСКАЯ ОБЩЕОБР. БИБЛІОТ. №

«Теперь, Маша, поди отыскивать цвѣтной

горшокъ покрасивѣе,—мы стоймя поставимъ въ него шишки.» Но горшокъ оказался слишкомъ глубокъ.—«А вотъ я и сама придумала, что сдѣлать, чтобы шишки видны были!» радостно вскричала Маша, въ восторгѣ хлопая въ ладоши. «Нужно на дно горшка насыпать песку».—«Ай да молодецъ, Маша, правда, правда,—давай-же песочницу изъ угла, тамъ чистый песокъ, его туда только успѣли насыпать», и Петя болѣе чѣмъ на половину горшка, насыпалъ его пескомъ, затѣмъ вмѣстѣ съ сестрою сталъ размѣщать въ немъ стоймя шишки, въ средину побольше, а кругомъ, въ строгомъ порядкѣ, все меньше и меньше.

Въ эту минуту со всѣхъ сторонъ раздались голоса, во всѣхъ избахъ захлопали дверями, ребята взадъ и впередъ бѣгали по единственной улицѣ Овсянокъ, кричали, играли въ бабки на зеленой лужайкѣ.

—«Слышишь, Петя, съ работы уже пришли,—вотъ какъ время-то незамѣтно пролетѣло!» При этихъ словахъ Маша немного замялась. «Конечно, ты очень хорошо придумалъ съ шишками, но неужели каждая вещь, которую мы въ комнатѣ видимъ или встрѣчаемъ на дорогѣ, можетъ быть такъ же занимательна? Къ тому-же муравьи такіе противные: я какъ вспомню ихъ, такъ

меня даже морозъ по кожѣ деретъ».—«Муравьямъ да паукамъ очередь завтра, а сегодня ужъ некогда. Поди лучше съ дѣтьми на улицѣ побѣгай».

На другой день поутру, какъ только Маша встала съ постели, она тотчасъ подбѣжала къ своему горшку съ шишками.—«Какъ красивы онѣ даже теперь, когда еще зелень не показалась.... Что-же будетъ потомъ? Ахъ, да.... Петя просилъ ихъ полить»,—и Маша бросилась въ другую комнату за лейкой и уже подняла ее, чтобы поскорѣе исполнить просьбу брата, какъ вдругъ ей пришло въ голову, что, поливая такъ, она пожалуй безъ толку обольетъ весь горшокъ, а въ землю-то и на сѣмена вода и не попадетъ. «Знаю, знаю»,—сообразила тотчасъ дѣвочка, «нужно только вспрыснуть, а для этого лучше всего взять Петину спринцовку, которую онъ недавно устроилъ тетѣ, чтобы поливать ея букеты. Ахъ, какой онъ право счастливый! Все-то онъ самъ придумаетъ! И вѣдь до всего самъ дошелъ».... И Маша въ раздумьѣ остановилась среди комнаты.—«Если онъ самъ до всего дошелъ, отчего я не могу сдѣлать того-же?» вслухъ произнесла она и вдругъ вся вспыхнула, выбѣжала изъ комнаты, чтобы не думать болѣе о

томъ, что помимо ея воли такъ и приходило ей въ голову.

Маша опять не замѣтила, какъ прошло нѣсколько часовъ сряду: она тщательно спрыскивала посѣянныя сѣмена, приводила въ порядокъ и поправляла тѣ шишки, которыя покосились на сторону или опустились слишкомъ низко, переставляла горшокъ то на одно, то на другое окно, уходила къ стѣнѣ и смотрѣла, какой видъ приняла комната отъ такого перемѣщенія.—«Необходимо устроить такую-же зелень для каждаго окна», разсуждала она. «Впрочемъ, пожалуй, это будетъ однообразно. Вотъ если-бы что нибудь другое въ этомъ родѣ! Что-бы такое придумать?» И Маша внимательно осматривала свою комнату. «Ба! навѣрно съ ней можно сдѣлать то-же самое!» радостно закричала она, подбѣгая къ своему умывальнику и хватая съ него губку.—«Петя... Петя! голубчикъ, скорѣе иди сюда! Чтобы украсить остальныя окна, я вотъ что придумала: намочу немного губку, набросаю на нее разныхъ сѣмянъ и положу въ стаканъ. Скажи, вѣдь и изъ нея такъ-же покажется зеленая травка?»—«Конечно, Машута, вотъ ты и устрой это сама, а когда кончишь, пойдемъ въ лѣсъ».

Весело у Маши сегодня на сердцѣ: бѣжитъ съ братомъ по лѣсу, а сама ногъ подъ собой не

слышитъ, радуется, что и ей наконецъ удалось хотя что нибудь самой придумать и устроить. Куда ни взглянетъ, такъ и подмываетъ еще и еще сочинить что нибудь новенькое. — «Ахъ, Петичка, какъ хорошо сегодня въ лѣсу! Право, еще никогда такъ не было! Знаешь, мнѣ кажется, что всѣ эти высокія деревья какъ-то особенно ласково меня сегодня встрѣчаютъ! Верхушки у нихъ покачиваются, листики шелестятъ, а мнѣ чудится, что это онѣ со мной привѣтливо раскланиваются, «добро пожаловать» шепчутъ.»

Тукъ-тукъ, раздалось по лѣсу надъ головой Маши.—«Это что за шумъ?» спросила она, «я его такъ часто слышу въ лѣсу».

«Красноголовый дятелъ носомъ о дерево долбитъ», отвѣчаетъ ей братъ. «Вѣдь у него крѣпкій, прекрѣпкій клювъ! Онъ этакъ разъ, другой здорово стукнетъ по корѣ, глядишь, а изъ ея-то щелей и ну выползать жучки да мошки.—вотъ ему и завтракъ готовъ».

«Гляди, гляди, Маша твой врагъ прямо къ тебѣ на встрѣчу идетъ»,—закричалъ Петя, немного помолчавъ, нагибаясь

къ землѣ и разсматривая муравья, который тащилъ кусочекъ дерева гораздо тяжелѣе самого себя.—«А все таки онъ противный!» сказала Маша, вздрогнула съ отвращеніемъ и отскочила подальше.—«Пусть будетъ противный, а все таки любопытно узнать, куда это онъ отправляется».... И дѣти пошли за муравьемъ, который торопливо подвигался впередъ, отъ времени до времени совсѣмъ исчезая въ густой травѣ и снова появляясь на какомъ нибудь прутикѣ или сухомъ листикѣ. Встрѣтилась по дорогѣ маленькая кочка,—вѣдь это настоящая гора для него, но онъ храбро началъ на нее взбираться. Скоро однако онъ взялъ въ сторону: другую дорогу замѣтилъ; сталъ спускаться, потомъ обошелъ кочку и уже снова безъ отдыха спѣшитъ впередъ.—«Посмотримъ», закричала Маша, уже вполнѣ заинтересованная путешествіемъ муравья. «какъ-то онъ взберется на тотъ холмикъ! Вѣдь онъ несравненно выше кочки, да и обойти его нѣтъ возможности: съ одной стороны полная воды канава, съ другой—глубокая яма».—Муравей однако не остановился передъ этимъ препятствіемъ и смѣло взбирался все выше и выше. Онъ былъ уже на камнѣ, который лежалъ на верхушкѣ, какъ вдругъ упалъ навзничь. Да что-же это съ нимъ? Онъ запутался въ мусорѣ, выронилъ свою драгоцѣнную ношу, которая тотчасъ полетѣла внизъ, и, желая ее поднять, не разсчиталъ своихъ силъ и самъ упалъ очень неловко. Долго барахтался онъ и наконецъ слава Богу опять на ногахъ.—«Вотъ терпѣніе-то!» закричала Маша, когда увидала, какъ муравей снова спустился внизъ, отыскалъ кусочекъ дерева, который онъ уронилъ, ощупалъ его усиками, поднялъ и вмѣстѣ съ нимъ снова потащился вверхъ.

Дѣти не отставали отъ муравья и онъ привелъ ихъ наконецъ къ какой-то странной кучѣ. Чего только тутъ не было? Щепки и опилки разной величины, маленькіе прутики, опавшіе хвои, песчинки, листики, камешки, комочки земли и смолы. Вотъ онъ и тащилъ этотъ кусочекъ къ своему муравейнику: вѣрно поправку или новую постройку ему понадобилось сдѣлать.

Ты не смотри, что муравейникъ снаружи выглядитъ такой безобразной кучей, за то внутри его—просто цѣлый городъ со всевозможными по-

стройками въ нѣсколько этажей. Въ каждомъ этажѣ множество комнатъ съ корридорами и проходами. Въ тѣхъ комнатахъ, что глубоко подъ землею, конечно, гораздо теплѣе, и потому въ нихъ устроены дѣтскія. Дѣти муравьевъ проводятъ здѣсь всю ночь, а днемъ онѣ остаются въ нихъ только тогда, когда очень холодно. Но лишь солнышко пригрѣетъ землю, малютокъ тотчасъ выносятъ въ комнаты верхнихъ этажей. Впрочемъ все это ты узнаешь сама... Теперь развѣ показать тебѣ, какъ они разговариваютъ между собою? Жаль безпокоить ихъ,— да нечего дѣлать...

Трудно описать, какое дикое смятеніе произвелъ Петя, пошевеливъ чуть-чуть прутикомъ въ муравейникѣ. Въ ту-же минуту муравьи стали выскакивать съ разныхъ сторонъ, подбѣгали другъ къ другу, дотрогивались усиками и тотчасъ бѣжали куда нибудь вмѣстѣ или расходились въ разныя стороны. Въ одной кучкѣ сбилось нѣсколько муравьевъ: они долго двигали и трогали другъ друга усиками, щипали одинъ другому ноги, но видимо не понимали другъ друга и только все живѣе перебѣгали съ мѣста на мѣсто. Наконецъ двое изъ нихъ отбѣжали нѣсколько въ сторону, вдругъ остановились одинъ противъ другаго, схватили другъ друга за головы, поднялись на заднія ноги и такъ стояли они сцѣпившись и толкая другъ друга то взадъ, то впередъ, точно боролись между собою. Наконецъ одинъ пересилилъ другаго: побѣдитель схватилъ побѣжденнаго и понесъ его на противоположную сторону муравейника. Тамъ, не причинивъ ему ни малѣйшаго вреда, онъ тотчасъ выпустилъ его; они опять стали другъ противъ друга, живо объясняясь усиками, и, наконецъ, сразу бросились къ сухому брусничному листику и стали двигать его въ одну сторону.—«Наконецъ-то они поняли другъ друга!» сказала Маша. «И какъ ясно: этому муравью нужно было сдвинуть листикъ, который былъ прижатъ къ землѣ корешкомъ... У него самого не хватало силы сдѣлать это, онъ и призывалъ на помощь товарища, а тотъ его не понималъ, пока онъ не принесъ его на самое мѣсто.—«А вотъ сюда, сюда посмотри, Петя!» кричала Маша, подбѣгая то къ одной, то къ другой сторонѣ муравейника.

«На сегодня будетъ», сказалъ Петя, «а въ другой разъ, Маша, ты побольше раскопай муравейникъ. Только никогда не дѣлай этого нарочно для потѣхи: зачѣмъ портить домикъ, который они устроили съ такимъ трудомъ. Но если тебѣ ужъ очень захочется посмотрѣть, что дѣлается у нихъ поглубже, тогда будь внимательна ко

всему. Особенно любопытно, какъ они, забывъ тогда о себѣ, бросаются къ бѣлымъ продолговатымъ тѣламъ, т. е. къ куколкамъ, которыя потомъ превращаются въ маленькихъ муравьевъ. При первой тревогѣ, какая бы ни грозила опасность имъ самимъ, они прежде всего бросаются переносить эти куколки въ безопасныя мѣста. Да мало-ли, что можно замѣтить! Я тебѣ даже вотъ что скажу: если ты впродолженіе всего лѣта ежедневно въ хорошую погоду будешь приходить сюда, то ты каждый разъ замѣтишь что нибудь новенькое. А теперь домой, чай тетя давно ждетъ насъ обѣдать».

Послѣ обѣда Петя взялъ банку изъ подъ варенья, чисто ее вымылъ и вышелъ съ сестрою изъ дому. Онъ зашелъ съ нею въ старую, полуразвалившуюся баню и сейчасъ-же замѣтилъ паука, который раскинулъ свои тенета въ углу оконной рамы.—«Вотъ тебѣ бумага, Маша,—мы покроемъ ею банку, въ которую посадимъ паука,—такъ ты проколи на ней какъ можно больше дырочекъ: иначе въ банкѣ будетъ мало воздуху, пауку нечѣмъ будетъ дышать и онъ задохнется». Пока Маша продыравливала бумагу, Петя поймалъ паука, посадилъ его въ банку, которую онъ тотчасъ покрылъ насквозь проколотой бумагой, и крѣпко завязалъ ее снуркомъ.—«Чѣмъ намъ

съ тобой сидѣть въ этой душной банѣ, ты поставь банку къ себѣ на столъ, да и смотри, что въ ней будетъ дѣлать паукъ. Мнѣ къ тому-же сегодня и некогда долго съ тобой оставаться: я обѣщалъ засвѣтло придти въ сосѣднюю деревню, чтобы вмѣстѣ съ охотниками отправиться на охоту. Да и знаешь-ли, Машута: я вѣдь начинаю думать, что у тебя теперь пойдетъ дѣло на ладъ».—«Все-таки, Петя, побудь со мной, сколько можешь! Пойдемъ вмѣстѣ вонъ хотя въ то открытое со всѣхъ сторонъ зданіе, откуда раздаются голоса».—«Завтра — согласенъ, но сегодня не могу», отвѣчалъ онъ, рѣшительно взглянувъ на часы. «Я уже нѣсколько опоздалъ, и мнѣ нужно торопиться».

Разставшись съ братомъ, Маша одна отправилась къ зданію, гдѣ, какъ оказалось, мяли глину, чтобы приготовлять изъ нея кирпичи. Работа эта ей показалась слишкомъ однообразной и скучной, и она хотѣла уже уйти, какъ вдругъ увидала шестилѣтняго Митю, сына пастушки, котораго она давно знала. Прижавшись къ одному изъ столбовъ, поддерживавшихъ навѣсъ, Митя прилежно лѣпилъ изъ глины пѣтушка. Но у него выходилъ не такой пѣтухъ-свистулька, какихъ обыкновенно покупаютъ въ деревняхъ на базарахъ для малыхъ ребятъ, а настоя-

щій, точно живой пѣтухъ, съ гребешкомъ на головѣ, съ бородкой подъ клювомъ.

Маша подошла къ мальчику и долго, внимательно смотрѣла на его работу, но онъ не обращалъ на дѣвочку никакого вниманія, ничего не замѣчалъ, не видѣлъ и не слышалъ, что дѣлается кругомъ, только пальчики его быстро перебѣгали

отъ хвостика, загнутаго дугой, къ клюву или къ крылышкамъ, которыя онъ безпрестанно поправлялъ, то дѣлая ихъ болѣе выпуклыми, то опять нѣсколько вдавливая.—

—«Митя, Митя», не выдержала, наконецъ, Маша, «какого ты славнаго пѣтушка сдѣлалъ! Вѣдь онъ у тебя совсѣмъ живой! Кто тебя научилъ? Милый, пожалуйста, поучи и меня такъ лѣпить!»—«Развѣ этому учатъ? Возьми глину, помни, помни, и у самой тоже выйдетъ».—«Не учившись, мнѣ этого не сдѣлать! Такъ ты до этого самъ дошелъ? И я попробую, но ты все таки дай мнѣ своего пѣтушка, а самъ приходи ко мнѣ вечеркомъ. У меня тоже найдется кое-что тебѣ показать».—Митя охотно согласился придти, а Маша, схвативъ пѣтушка и кусокъ глины, побѣжала домой. У нея не выходилъ изъ головы Митя, и она лишь только успѣла положить принесенныя вещи и усѣсться за столъ, какъ погрузилась въ самыя грустныя размышленія. Все чаще и чаще на глазахъ ея навертывались слезы, но это уже не были, какъ прежде, слезы отъ капризовъ и нетерпѣнія. Личико ея принимало все болѣе грустное выраженіе, она думала невеселую думу.—«Каждый самъ всего добивается: Петя и даже Митя, котораго уже и совсѣмъ никто ничему не училъ... только я ничего порядочнаго не могу сдѣлать сама? Какъ еще меня Петя и тетя могутъ любить? Что это? я опять начинаю

злиться, вмѣсто того, чтобы самой попробовать?» И Маша начала съ жаромъ мѣсить, мять, раскатывать глину и дѣлать разныя вещи. Нѣсколько часовъ сряду, не вставая съ мѣста, она просидѣла надъ работой: у нея выходили неправильной формы шарики, вальки, да еще, съ грѣхомъ пополамъ, кренделькн. Но когда она принялась за кошку, у нея не выходило даже и подобія животнаго. Тогда она поставила передъ собой Митинаго пѣтушка и снова принялась за дѣло, но также совсѣмъ безъ успѣха. И вдругъ, забывши все: и Митю, и его пѣтушка, и горячее желаніе вылѣпить звѣрька или птичку, она стала скатывать оторванные куски глины вмѣстѣ, помяла ее еще немножко и незамѣтно для себя сдѣлала большую гладкую горку, положила ее на тарелку и натыкала на ней пальцемъ, въ ровномъ разстояніи другъ отъ друга, множество маленькихъ ямочекъ. —«Теперь знаю: изъ этого можетъ выйти у меня тоже самое, что изъ шишекъ и изъ губки»,—и она принесла земли, накидала въ нее сѣмянъ, которыя были подъ руками, и начала этою землею съ сѣменами наполнять ямки на глиняной горкѣ.

Не успѣла она кончить этой работы, какъ къ ней вошелъ Митя.—«Зачѣмъ-же это ты въ банку паука посадила?» спросилъ онъ у нея со смѣхомъ.—«Да вотъ хочется посмотрѣть, что онъ

тамъ дѣлать будетъ».... «Давай-же муху ему ловить», предложилъ мальчикъ, «вѣдь онъ безъ пищи у тебя пропадетъ»... И дѣти тотчасъ бросились къ окну ловить муху. Когда они стали впускать ее къ пауку, они замѣтили, что тотъ уже началъ въ банкѣ раскидывать свои тенета. Муха въ ту-же минуту запуталась въ паутинѣ и начала обрывать въ ней нитку за ниткой. Вотъ она сейчасъ выпутается и сядетъ на дно. Не тутъ то было: паукъ бросился на нее, и муха скоро перестала биться, тогда какъ онъ жадно сталъ высасывать ея соки. Дѣти долго еще смотрѣли, какъ паукъ поправлялъ порванную паутину, и затѣмъ уже принялись лѣпить изъ глины. Но Маша скоро выронила изъ рукъ свою работу и все съ болѣе возраставшимъ любопытствомъ и изумленіемъ слѣдила за Митею, который, какъ взялся за глину, такъ сейчасъ-же опять весь погрузился въ это занятіе. Онъ безпрестанно ставилъ на столъ, то оконченную маленькую птичку, то зайчика или собачку. Но вотъ онъ оторвалъ кусокъ глины побольше, помялъ ее въ рукахъ, задумался, вдругъ громко расхохотался и живо, живо зашевелилъ пальцами, отъ времени до времени схватывая со стола и пуская въ дѣло то карандашъ, то деревянный ножичекъ.—«Боже мой! да вѣдь это бабушка Аксинья въ ту минуту, когда она раз-

свирѣщетъ на мальчишекъ, которые бросаютъ каменьями въ ея птицъ!»—«Догадалась,—она и есть. Вотъ я и тебя слѣплю, какъ ты намедни злющая, презлющая по горницѣ бѣгала», сказалъ Митя улыбаясь. Маша до ушей покраснѣла при этихъ словахъ, но не разсердилась, а стала умолять Митю почаще приходить къ ней по вечерамъ.

—«Маша, Маша, кто это сдѣлалъ?» закричалъ Петя сестрѣ, входя къ ней въ комнату на другой день и разсматривая Митину работу. «Да знаешь ли, что у него по всей вѣроятности большой талантъ,—его работы нужно показать въ городѣ знающимъ людямъ», сказалъ Петя, когда Маша разсказала ему все, что она дѣлала безъ него вечеромъ.—«Неужели, Петя», спросила его сестра, «я и этому могу сама научиться? Неужели я могу добиться, что сама буду дѣлать, какъ и Митя, изъ глины звѣрей и птицъ?»—«Звѣрей лѣпить ты можетъ быть и научишься, особенно, если будешь часто смотрѣть, какъ Митя работаетъ, но такъ дѣлать, какъ онъ, едва-ли. Мнѣ кажется у него большой талантъ! Я тебѣ говорилъ, что если ты захочешь, ты съумѣешь занять себя, можешь сама многому научиться, но я никогда не обѣщалъ за нѣсколько часовъ терпѣнья одарить тебя всевозможными талантами. Ты и

безъ того уже достаточно награждена, хотя бы тѣмъ, что свела такое хорошее знакомство, перестала скучать. Да и въ этомъ ты не отчаявайся:—если тебѣ, при всемъ твоемъ стараніи, не удастся достигнуть того-же, что можетъ сдѣлать Митя, ты старайся поучиться отъ него, чему можно, и сама его поучи, что знаешь».

Маша съ тѣхъ поръ никогда не скучаетъ: черезъ нѣсколько дней она сильно была обрадована тѣмъ, что ея шишки, губка и горка сплошь покрылись зеленью. Это такъ понравилось ея тетѣ, что она упросила племянницу тоже самое сдѣлать и для нея. Но у Маши теперь не только эта работа, вся ея комната заставлена банками и склянками: здѣсь она держитъ рыбокъ, которымъ нужно кормъ класть и мѣнять чаще воду, тамъ у нея нѣсколько головастиковъ, которыхъ она наловила въ пруду и зорко слѣдитъ, какъ они съ каждымъ днемъ все болѣе измѣняются; на ея столикахъ множество разной величины бумажныхъ коробокъ, въ которыхъ лежатъ личинки и куколки бабочекъ. Каждой изъ нихъ нужно подходящій кормъ принести, чистоту наблюдать. О, тутъ дѣла и не перечтешь!

—«Господи, какъ день-то летитъ!» говоритъ она теперь, когда узнаетъ, что до вечера осталось только два, три часа. А вѣдь ей такъ хочется

погулять, побѣгать! Къ тому-же разныхъ листиковъ и зелени нужно собрать личинкамъ,—онѣ иногда такъ много ѣдятъ. Да имъ и нельзя бросить, что попало: каждой непремѣнно принеси такую зелень, на которой ее нашелъ... Ахъ я совсѣмъ и забыла: нужно какой нибудь разсказъ прочесть, чтобы сегодня пересказать Митѣ, вѣдь ему бѣдному самому некогда!»—

А вечеръ проходитъ у Маши и еще скорѣе: она лѣпитъ съ Митею изъ глины и воска, читаетъ ему въ то время, когда онъ дѣлаетъ ей какого нибудь звѣрька, разсказываетъ, что читала безъ него, учитъ его читать, писать. Очень часто въ этомъ вечернемъ времяпрепровожденіи принимаетъ участіе и Петя,—о, тогда еще живѣе, еще скорѣе летитъ время!

КАКЪ ЖИВУТЪ ДИКАРИ.

На бѣломъ свѣтѣ не мало такихъ дикарей, которые не болѣе хищныхъ звѣрей нуждаются въ удобствахъ жизни и во многомъ даже грубѣе ихъ; они не строятъ себѣ никакихъ жилищъ, пи-

таются сырыми грибами, насѣкомыми, слизняками изъ раковинъ, постоянно сражаются со своими сосѣдями, и тотъ изъ нихъ, кто остается побѣдителемъ, бросается на побѣжденнаго, убиваетъ и пожираетъ его. Впрочемъ такихъ, которые ѣдятъ даже себѣ подобныхъ, становится съ каждымъ годомъ все меньше. Я хочу разсказать вамъ о бушменахъ—объ одномъ изъ самыхъ дикихъ племенъ въ Африкѣ.

Вы, конечно, не разъ слыхали, что больные уѣзжаютъ на зиму за границу, большею частію на югъ Франціи и Италіи, такъ какъ тамъ есть мѣста, гдѣ совсѣмъ не бываетъ зимы съ нашими снѣгами, холодами и морозами: онѣ лежатъ у береговъ Средиземнаго моря. Если переѣхать это море, то вступишь въ большую страну, называемую Африкою. Но отсюда до бушменовъ еще очень далеко. Чтобы до нихъ добраться нужно объѣхать моремъ всю Африку, такъ какъ они живутъ на другомъ, противоположномъ концѣ ея.

Здѣсь все совсѣмъ не то, что у насъ: растенія, животныя, даже времена года. Тутъ не существуетъ ни нашего лѣта, ни нашей зимы, а только дождливое и сухое время. Съ апрѣля до ноября вы страдаете отъ чрезмѣрной жары, а съ ноября наступаютъ дожди и идутъ почти каждый день, только изрѣдка переставая на недѣлю, другую.

Но самое тяжелое время года, когда при страшной жарѣ, часто впродолженіе шести—семи мѣсяцевъ не выпадаетъ ни капли дождя и при этомъ постоянно дуютъ сухіе вѣтры, которые губятъ много животныхъ, растеній и высушиваютъ кожу человѣка до такой степени, что она сильно трескается. Вотъ почему отчасти кожа на лицѣ бушмена вся въ глубокихъ морщинахъ, все равно старый онъ или молодой.

Тяжело не только человѣку, но и звѣрю бродить во время дневнаго африканскаго зноя, но не легче и ночью. Безчисленные рои крошечныхъ, но несказанно кровожадныхъ насѣкомыхъ—москитовъ скрываются днемъ въ травѣ и тростникахъ и вылетаютъ только послѣ захожденія солнца. Эти крошечныя насѣкомыя опаснѣе львовъ, которыхъ встрѣчается здѣсь такъ много, слоновъ, гіенъ и другихъ большихъ звѣрей, въ борьбѣ съ которыми бушменъ проводитъ всю свою жизнь и которыхъ онъ такъ искусно умѣетъ побѣждать. Но противъ ужасныхъ москитовъ нѣтъ никакой защиты: ротъ, носъ, борода, уши, глаза—въ нѣсколько минутъ все бываетъ наполнено и забито этими кровожадными насѣкомыми, хотя онѣ такъ малы, что отдѣльно каждаго изъ нихъ едва можно разсмотрѣть. Впрочемъ разсматривать напрасно, потому что они всегда

летаютъ темными тучами. Туземцы, то есть постоянные жители страны, уже привыкли къ нимъ съ дѣтства и страдаютъ отъ нихъ гораздо менѣе; отъ ихъ жестокихъ уколовъ они защищены тѣмъ, что вымазываютъ лицо и все тѣло саломъ. Но европейцамъ, которые пріѣхали сюда, чтобы познакомиться со страною или по своимъ дѣламъ, бѣда какъ отъ нихъ достается. Особенно плохо приходится путешественникамъ, когда необходимость заставляетъ ихъ переночевать гдѣ нибудь на берегу рѣки или озера. О снѣ при этомъ не можетъ быть и помину: москиты не дадутъ закрыть даже глазъ. Обыкновенно, лишь только успѣютъ расположиться несчастные путешественники, какъ они вскакиваютъ, точно сумашедшіе, и начинаютъ бѣгать взадъ и впередъ съ неистовыми криками. Побился человѣкъ съ москитами часъ, другой, и у него глядишь уже показывается кровь на бѣльѣ, вспухаетъ все тѣло, лицо раздуваетъ, какъ отъ флюса, на губахъ появляется даже пѣна. Тутъ не рѣдки случаи, когда у человѣка, подвергнувшагося нападенію москитовъ, тотчасъ являлась сильная лихорадка, которая прекращалась только смертью несчастнаго. Познакомимся однако съ людьми, живущими въ этихъ мѣстахъ.

Бушмены съ виду въ высшей степени безоб-

разны и скорѣе напоминаютъ обезьяну, чѣмъ человѣка. Они чрезвычайно малы ростомъ и бросаются въ глаза особенно тѣмъ, что желтовато-коричневая кожа на ихъ лицахъ, какъ мы уже

говорили, вся въ глубокихъ морщинахъ. При этомъ у нихъ крошечные, глубоко вдавшіеся глаза, выдающіяся челюсти, плоскій носъ, губы чрезвычайно толстыя и огромныя уши, какъ грязныя тряпки, болтаются по бокамъ головы.

Вся фигура бушмена еще болѣе ужасна: это какой-то четырехъугольный человѣчекъ съ большимъ, отвислымъ животомъ. Послѣднее прежде всего происходитъ оттого, что онъ никогда не ѣстъ въ мѣру, сколько слѣдуетъ: часто по нѣсколько недѣль сряду онъ добываетъ себѣ чрезвычайно мало пищи, тогда ему приходится сильно голодать. Иногда вы встрѣчаете его очень тощимъ

и исхудалымъ, черезъ три-четыре недѣли чрезвычайно толстымъ: онъ быстро худѣетъ во время голода и еще скорѣе толстѣетъ и отъѣдается въ болѣе счастливое для него время.

Бушмены ходятъ почти что голыми, потому что едва ли можно считать одеждой маленькій кусочекъ мѣха, привязанный прямо на голое тѣло сзади у таліи, который такимъ образомъ и виситъ точно хвостъ. Впрочемъ въ сильную бурю и непогоду они накидываютъ, вмѣсто плаща, звѣриную шкуру. Часто ея одной не достаточно, и тогда бушменъ сшиваетъ нѣсколько такихъ шкуръ вмѣстѣ. Но какимъ образомъ шьетъ онъ безъ иголки и нитокъ? Вмѣсто иголки онъ употребляетъ шило изъ костей рыбъ, вмѣсто нитокъ жилы животныхъ. Такой плащъ онъ накидываетъ мѣхомъ вверхъ.

Бушменки прикрываютъ свое тѣло нѣсколько болѣе: ихъ мѣховые передники шире и больше мужскихъ, и почти каждая изъ нихъ любитъ украшать свои ноги и руки мѣдными и желѣзными браслетами. Тѣ, которыя не могутъ имѣть ни мѣдныхъ, ни желѣзныхъ браслетъ и колецъ, дѣлаютъ ихъ изъ кожи разныхъ звѣрей и изъ ихъ высушенныхъ кишекъ, которыми онѣ также украшаютъ свою голову и шею. Такія украшенія особенно удобны: въ голодное время

бушменки съ большимъ аппетитомъ поѣдаютъ ихъ.

Народъ этотъ никогда не моетъ своего тѣла ни въ баняхъ, ни въ озерахъ и рѣкахъ, не умываютъ даже ни лица, ни рукъ. Вмѣсто мытья и купанья они натираютъ свое тѣло саломъ. Можете себѣ представить, каковы они на видъ. Во время жаровъ пыль, песокъ, грязь легко пристаютъ къ салу, и потому бушмены всегда, точно корою, покрыты толстымъ слоемъ грязи. При этомъ сало быстро портится отъ жары и они, при своей безобразной наружности, издаютъ еще издали отвратительный запахъ.

Охота—главное занятіе бушмена. Онъ отлично знаетъ характеръ каждаго звѣря, знакомъ со всевозможными уловками и хитростями, чтобы его заманить, поймать и убить. Для этого прежде всего ему приходится постоянно вслушиваться и всматриваться. Всякій, самый отдаленный звукъ, котораго совсѣмъ не могъ-бы разслышать европеецъ, одаренный самымъ чуткимъ слухомъ, не только доступенъ дикому бушмену, но онъ различаетъ даже, какой звѣрь его издаетъ. На такомъ-же далекомъ разстояніи онъ можетъ въ подробности разсмотрѣть предметъ, когда онъ намъ не представляется и точкой. Такимъ образомъ зрѣніе и слухъ развиты у бушменовъ, какъ и у другихъ дикарей, несравненно лучше, чѣмъ у европейцевъ. Постоянная перемѣна мѣста и вѣчное преслѣдованіе самыхъ хищныхъ звѣрей закаляютъ тѣло бушмена противъ всѣхъ невзгодъ. Онъ не думаетъ ничѣмъ прикрывать себя, когда дождь, какъ изъ ушата, обливаетъ его съ головы до ногъ. Только ночью, когда разражается настоящая буря, онъ завертывается въ звѣриную шкуру и, если еще неподалеку найдется яма подъ развѣсистыми вѣтвями какого нибудь дерева, бросается въ нее вполнѣ довольный и счастливый и въ туже минуту, какъ бы не ревѣла буря, засыпаетъ богатырскимъ сномъ.

Постоянная охота и борьба съ дикими звѣрями поддерживаютъ его суровые, дикіе нравы, его отчаянную, доходящую до безумія отвагу. Безъ охоты на звѣрей жизнь для этихъ дикарей—немыслима: они никогда не обработываютъ землю, слѣдовательно не могутъ, какъ мы, питаться ни хлѣбомъ, ни картофелемъ, ни нашими огородными овощами и зеленью. Правда, многіе изъ нихъ имѣютъ большія стада домашняго скота, но они не ѣдятъ мяса домашнихъ животныхъ. Дикихъ быковъ и собакъ они приручаютъ, чтобы перевозить на нихъ разныя тяжести.

Болѣе всего бушменъ любитъ охоту за самыми большими звѣрями: за львами, слонами, пантe-

рами, леопардами, гіенами, съ необыкновенною ловкостью употребляя противъ нихъ копья и отравленныя стрѣлы. Его стрѣлъ одинаково боятся и люди, и звѣри. Во время сраженія съ сосѣдями и на охотѣ изъ за спины бушмена всегда торчитъ до сотни отравленныхъ стрѣлъ: онъ легко можетъ ихъ вонзить болѣе десятка въ грудь самому искусному стрѣлку, пока тотъ только поспѣетъ зарядить свое ружье. Каждый бушменъ приготовляетъ про запасъ много такихъ стрѣлъ, но невозможно и представить себѣ, какъ ему трудно ихъ приготовлять! Вѣдь у него не существуетъ ни кузницы, ни кузнечныхъ инструментовъ, и онъ только съ помощью одного камня, даже безъ огня, дѣлаетъ желѣзный наконечникъ для своихъ стрѣлъ. Но, не смотря на первобытный способъ приготовленія, его стрѣла ужасна и положительно смертельна: лишь только она вонзилась въ тѣло, она тотчасъ ломается, особенно если несчастный вздумаетъ вынуть ее изъ раны. Къ тому-же ядъ ея быстро распространяется по тѣлу, и жертва умираетъ отъ отравы.

Своими стрѣлами бушмены легко убиваютъ большихъ звѣрей, но за львомъ они охотятся нѣсколько иначе. На охоту за этимъ звѣремъ бушменъ отправляется обыкновенно съ товарищемъ. Когда они замѣтятъ спящаго льва, тотчасъ оста-

навливаются, и одинъ изъ нихъ набрасываетъ ему на голову свою шкуру, а другой въ ту-же минуту пускаетъ въ него нѣсколько отравленныхъ стрѣлъ. Пораженный звѣрь вскакиваетъ и хочетъ бѣжать, но тотчасъ падаетъ съ безумнымъ ревомъ и, въ предсмертныхъ мукахъ, съ необыкновенной силой начинаетъ рыть землю, точно самъ приготовляетъ себѣ могилу.

Иногда бушмены огромными партіями, человѣкъ въ двѣсти и триста, устроиваютъ облаву на звѣрей. Для этого они ставятъ по двѣ загородки съ той и другой стороны извѣстной мѣстности. Лишь бы удалось загнать звѣря въ такую западню, а оттуда ему не вырваться. Эти загородки, которыя тянутся иногда на цѣлыя версты, все съуживаются и ведутъ прямо въ яму, въ которую непремѣнно попадаютъ всѣ загнанные звѣри. Чтобы при этомъ ихъ поболѣе запугать, охотники поднимаютъ страшный крикъ и бросаются на нихъ съ поднятыми вверхъ копьями. Загнанные звѣри, со всѣхъ сторонъ окруженные людьми, оглушенные ихъ бѣшеными криками, невольно бросаются въ яму или въ пропасть, въ свою оче-

редь оглашая окрестность самымъ неистовымъ ревомъ, и этотъ отчаянно-дикій концертъ разносится далеко, на десятки миль въ окружности.

Но еще болѣе изобрѣтательность и находчивость этого дикаря проявляется на охотѣ за страусомъ. Бушмены очень любятъ мясо птицъ и потому часто охотятся за ними. Но страуса они преслѣдуютъ не изъ за мяса только, но и ради его огромныхъ яицъ, а еще болѣе изъ за его перьевъ. Скорлупа страусоваго яйца замѣняетъ бушмену бутылку и въ ней онъ держитъ воду. А перья? О, вы не можете себѣ вообразить, зачѣмъ ему перья! Грязный бушменъ, который не знаетъ, что такое

значитъ мыться, который находитъ, что грязь для него очень полезна, такъ какъ, по его понятіямъ, она его грѣетъ, этотъ жалкій дикарь питаетъ настоящую страсть къ украшеніямъ и убираетъ свою голову разными перьями, предпочитая страусовыя всѣмъ другимъ. Когда онъ рѣшился обновить свой головной нарядъ, онъ устроиваетъ изъ убитаго страуса чучело, надѣваетъ ее на палку и беретъ ее въ руки, такъ что крылья страуса искусно закрываютъ

верхнюю часть его туловища; ноги-же свои онъ окрашиваетъ подъ стать птицѣ въ сѣрый цвѣтъ. Такимъ образомъ преобразившійся въ страуса, охотникъ идетъ на встрѣчу настоящему страусу, держа сзади свое страшное оружіе. Охотникъ то

нагибается и какъ будто клюетъ на землѣ, то просто разгуливаетъ, мѣшковато переваливаясь, подобно настоящему страусу. Если птица не заподозритъ обмана, она безпечно идетъ впередъ, между тѣмъ охотникъ пускаетъ въ нее свою смертоносную стрѣлу и, отъ радости дико сверкая глазами, подбѣгаетъ къ своей добычѣ, выдергиваетъ изъ нея перья и затѣмъ, часто даже не выпотрошивъ и не зажаривъ, тутъ-же пожираетъ ее сырьемъ.

Трудно представить, какъ много бушменъ можетъ ѣсть заразъ! Правда, онъ ѣстъ про запасъ, такъ какъ не можетъ разсчитывать, что и завтра его охота будетъ такъ же удачна. Вотъ эта-то боязнь и заставляетъ его набрасываться на добычу съ необыкновенною алчностью и ничѣмъ не брезгать. Когда онъ убиваетъ звѣря, онъ разбиваетъ камнемъ даже его кости и высасываетъ изъ нихъ сокъ. Послѣ охоты бушменъ ѣстъ обыкновенно до тѣхъ поръ, пока уже не въ состояніи ни на шагъ сдвинуться съ мѣста; тогда онъ падаетъ на землю, обрызганную кровью, и засыпаетъ глубокимъ сномъ. Проспавъ безъ просыпу иногда болѣе сутокъ, онъ подымается, видитъ кругомъ разбросанные остатки животнаго и начинаетъ снова ѣсть съ такимъ-же обжорствомъ, пока опять не падаетъ безъ движенія и

такъ до тѣхъ поръ, пока не съѣстъ всего, что добылъ на охотѣ.

Такъ какъ бушмены постоянно занимаются охотою, то имъ часто приходится мѣнять одно мѣсто на другое. Такая жизнь даетъ возможность обходиться и безъ постояннаго жилища: они спятъ, какъ мы уже знаемъ, въ ямахъ, въ пещерахъ, въ заброшенномъ логовищѣ какого нибудь звѣря. Когда не оказывается и такого пристанища, а они рѣшили долго охотиться на одномъ мѣстѣ, они устроиваютъ себѣ жилище, которое мало чѣмъ отличается отъ шалаша: вбиваютъ въ землю колья и завѣшиваютъ все пространство, которое они предназначили для своего дома, шкурами разныхъ убитыхъ ими звѣрей. Чтобы защитить свое жилище отъ дикихъ звѣрей и враговъ, они окружаютъ его двойнымъ или тройнымъ рядомъ глубокихъ ямъ, дно которыхъ утыкано острыми кольями, а сверху прикрыто вѣтвями, мусоромъ и листьями. Такою предосторожностью, правда, они защищаютъ себя отъ нападеній, но за то и сами часто попадаютъ въ яму, вырытую для другихъ.

Такъ-же не прихотливы бушмены и на пищу: они ѣдятъ рѣшительно все, что только имъ попадается подъ руки, но никогда не дотрогиваются до человѣческаго мяса. Мясо дикихъ животныхъ

ихъ главная пища: они иногда поджариваютъ его на раскаленныхъ каменьяхъ или въ горячей золѣ, но нерѣдко, какъ мы уже видѣли, ѣдятъ и сырое. Кромѣ того они жуютъ всевозможные коренья, съ большимъ аппетитомъ истребляютъ крысъ, мышей, ящерицъ, лягушекъ, червей; въ громадномъ количествѣ уничтожаютъ кузнечиковъ и собираютъ ихъ еще про запасъ. Но болѣе всего они питаются ящерицами и змѣями, такъ какъ тѣхъ и другихъ чрезвычайно много въ странѣ, гдѣ они живутъ. Змѣя оказываетъ имъ двоякую услугу: служитъ пищей и даетъ ядъ для ихъ ужасныхъ стрѣлъ.

Тѣ бушмены, которые живутъ у береговъ рѣкъ и озеръ, занимаются не только охотою, но и рыбною ловлею. Для этого они вяжутъ сѣти, которыя идутъ у нихъ въ дѣло даже и тогда, когда перервутся въ куски. Изъ кусковъ разорванной сѣти они шьютъ мѣшки, въ которыхъ носятъ свою добычу и свое жалкое имущество. Однако сѣтями безъ плотовъ и лодокъ рыбу можно ловить только по берегамъ, но бушменамъ и въ голову не приходитъ устроить для этого плотъ или лодку.

Имущество бушмена и орудія, которыя онъ употребляетъ,—самыя первобытныя. Короткая палка, сверху которой укрѣпленъ продырявленный камень, служитъ ему лопатою: онъ выкапываетъ

ею ямы, колодцы и растенія. Нашъ топоръ, пилу и ножъ бушменъ замѣняетъ острымъ камнемъ. Когда онъ на охотѣ убьетъ какого нибудь звѣря, онъ острымъ камнемъ отхватываетъ ему хвостъ, который оказываетъ ему потомъ разныя услуги: то онъ отмахивается имъ отъ мухъ, то вытираетъ имъ потъ съ своего жирнаго лица. Черепашья раковина для него —помадная банка: онъ никогда съ ней не разстается, носитъ съ собою всюду, куда бы ни пошелъ, такъ какъ наполняетъ ее жиромъ, которымъ иногда нѣсколько разъ въ день вытираетъ свое лице и руки.

Бушменъ большой любитель музыки: изъ выдолбленной тыквы онъ дѣлаетъ инструментъ о двухъ струнахъ и наигрываетъ на немъ свои пѣсни и плясовыя. Народъ этотъ вообще такъ способенъ къ музыкѣ, что тѣ изъ нихъ, которымъ удавалось слышать, какъ играли настоящіе европейскіе музыканты, съ необыкновенною легкостію подражали имъ. Однажды бушменъ внимательно прислушивался къ игрѣ музыканта, который исполнялъ очень трудную пьесу. Онъ схватилъ скрипку, подаренную ему европейцемъ только за мѣсяцъ передъ этимъ, и отъ начала до конца проигралъ на ней трудную, длинную пьесу, которую онъ слышалъ только въ первый разъ.

Но еще болѣе музыки любятъ бушмены пляску.

Ночью въ шалашѣ, у входа котораго пылаетъ яркій огонь, собираются всѣ любители поплясать, а другіе только посмотрѣть на пляску. Вашимъ глазамъ представляется тогда прелюбопытная картина: одна женщина играетъ на своемъ инструментѣ, а остальная публика акомпанируетъ ей своимъ пѣніемъ, ударяя при этомъ въ тактъ руками. Танцоръ стоитъ посреди шалаша, выдѣлывая разныя движенія подъ тактъ ногами, къ которымъ привѣшаны трещетки, сдѣланныя изъ кожи и наполненныя скорлупой страусовыхъ яицъ. Но онъ не довольствуется ихъ звуками и пѣніемъ публики, а самъ еще припѣваетъ и при этомъ то наклоняется впередъ, то быстро отбрасывается назадъ. Трещетки на ногахъ гремятъ все сильнѣе, публика подпѣваетъ все громче, все оживленнѣе, танцоръ съ каждою минутою усердствуетъ все больше, наконецъ падаетъ отъ усталости на землю и другой въ ту же минуту замѣняетъ его.

Бушменки мало заботятся о своихъ дѣтяхъ: пока малютка не можетъ еще ходить, мать таскаетъ его въ мѣшкѣ за спиною, но, лишь только онъ всталъ на ноги, онъ бѣгаетъ, гдѣ ему вздумается, совершенно голый, безъ всякаго призора. Но этого еще мало: относительно дѣтей вообще у этого народа существуютъ чрезвычайно же-

стокіе, безчеловѣчные обычаи. Когда у матери родится сразу двое дѣтей, одного изъ нихъ живымъ закапываютъ въ землю. Не мало и такихъ родителей, которые такъ поступаютъ съ каждой родившейся дѣвочкой. Вообще они никогда не воспитываютъ болѣе трехъ дѣтей, поступая со всѣми остальными, какъ мы только что сказали, совершенно безжалостно. Но это еще не значитъ, что бушменка совсѣмъ не любитъ своего ребенка. Когда дикій звѣрь бросается на ея малютку, она нерѣдко съ опасностью жизни защищаетъ его. Однажды левъ схватилъ у бушменки ребенка, котораго она только что положила на землю. Тогда она, забывая о смертельной опасности, въ ту-же минуту съ яростью бросается на звѣря и осыпаетъ его градомъ колотушекъ всѣмъ, что у нея было подъ руками; но левъ еще крѣпче сдавилъ зубами свою добычу. Несчастная женщина, заливаясь слезами, изступленно рыдая, хватаетъ изъ костра, который былъ неподалеку, горящую головню, бѣжитъ за звѣремъ, обжигаетъ ему голову и гриву, но когда тотъ бросаетъ ребенка, онъ оказывается уже мертвымъ. Бѣдная мать, съ обожженными руками, въ отчаяніи падаетъ подлѣ трупа своего малютки, но на другой день она его уже совсѣмъ забываетъ и никогда болѣе не вспоминаетъ о немъ.

ДИНА.

обывалъ Митя въ Малороссіи и чрезвычайно полюбилъ путешествія. Съ этихъ поръ онъ только и бредилъ о томъ, какъ бы ему объѣхать весь свѣтъ. Это желаніе съ лѣтами еще усилилось чтеніемъ, такъ какъ онъ всѣмъ книгамъ предпочиталъ такія, въ которыхъ говорилось о томъ, какъ на бѣломъ свѣтѣ живутъ разные народы. Но болѣе всего тянуло его познакомиться съ жизнію дикарей. Съ этою мыслію онъ вставалъ и ложился спать, а потому и во снѣ онъ часто видѣлъ то, о чемъ постоянно думалъ во время дня. Вотъ онъ притаился подъ вѣтвями роскошной пальмы и наблюдаетъ дикарей, которые

развели костры на близьлежащемъ холмѣ, пляшутъ, поютъ пѣсни—празднуютъ побѣду. Пылающій огонь ярко озаряетъ ихъ звѣрскія лица и разноцвѣтныя перья, которыми украшены ихъ головы. И тутъ-же, у подошвы дерева, привязаны несчастныя жертвы: дѣти, старики, женщины. «Не бойтесь», торжественно говоритъ имъ Митя, «я не дамъ васъ потрошить, какъ барановъ». Въ ту же минуту онъ хватаетъ ружье и прицѣливается. Пафъ! раздается выстрѣлъ его ружья, и дикари въ ужасѣ, съ воплями бѣгутъ, падаютъ, опять поднимаются и наконецъ куда-то исчезаютъ, а онъ съ ружьемъ въ рукахъ, съ патронташемъ на боку идетъ освобождать плѣнныхъ. «Какъ, ты еще живъ?» спрашиваетъ Митя у одного изъ дикарей, который, послѣ того какъ онъ отвязалъ его отъ дерева, бросается передъ нимъ на колѣни. «Вѣдь ты Пятница? Тебя уже давно освободилъ Робинзонъ?» Но въ эту минуту мальчикъ раскрываетъ глаза. Его отецъ такъ усердно тормошилъ его, желая разбудить, что къ своему прискорбію онъ не могъ даже дослушать отвѣта Пятницы.

—«Какъ скучно послѣ такого сна долбить греческіе глаголы!» думаетъ про себя Митя,—«но нѣтъ, ихъ нужно знать, чтобы кончить гимнази-

ческій курсъ и имѣть потомъ возможность зарабатывать деньги для путешествій!»

И Митя чрезъ нѣсколько лѣтъ дѣйствительно кончилъ не только гимназическій, но и университетскій курсъ; прошло послѣ этого и еще нѣсколько лѣтъ, а его мечты все еще не осуществились. Ему ничего не пришлось откладывать на путешествія изъ заработанныхъ уроками денегъ, такъ какъ на нихъ онъ едва могъ просуществовать. Но вотъ однажды, когда онъ уже много, много лѣтъ пересталъ быть Митею и давнымъ давно сталъ для всѣхъ Дмитріемъ Александровичемъ, его знакомые, дѣтямъ которыхъ онъ нѣсколько лѣтъ сряду давалъ уроки, отрекомендовали его секретаремъ къ одному очень богатому человѣку, на годъ отправлявшемуся въ Африку.

Дмитрій Александровичъ былъ въ восторгѣ, что, хотя поздно, но наконецъ сбылось то, о чемъ онъ мечталъ еще въ дѣтствѣ и чего не переставалъ желать, сдѣлавшись взрослымъ. Тутъ онъ не изъ книгъ, а на самомъ дѣлѣ познакомился съ жизнію многихъ дикихъ народовъ и, когда оставалось свободное время отъ работы, за которую онъ взялся, онъ ходилъ на охоту за большими звѣрями, которыхъ до сихъ поръ видѣлъ только въ звѣринцахъ.

Годъ уже былъ на исходѣ; скоро надо собираться и въ обратный путь! Митѣ захотѣлось вывезти изъ Африки что нибудь такое, что всегда напоминало-бы ему эту страну. Долго онъ не зналъ, на чемъ остановиться, наконецъ рѣшилъ взять съ собою мартышку. «Чего-же лучше: тутъ такъ много ихъ и къ тому-же до отъѣзда остается еще полтора мѣсяца».

Пріобрѣсти мартышку въ Африкѣ ничего не стоитъ. Мѣстные жители постоянно ловятъ этихъ обезьянъ и продаютъ европейцамъ за сущіе пустяки или еще чаще мѣняютъ ихъ на какія нибудь бездѣлушки. Одинъ путешественникъ пріобрѣлъ цѣлое общество мартышекъ, которое сразу было захвачено въ очень искусную ловушку, за два небольшихъ зеркальца и за десять нитокъ разноцвѣтныхъ стеклянныхъ бусъ, — вещей на пятьдесятъ, шестьдесятъ копѣекъ на наши деньги.

Дмитрій купилъ мартышку съ дѣтенышемъ менѣе чѣмъ за рубль и пустилъ ихъ въ незанятую комнату. Когда послѣ этого онъ первый разъ вошелъ къ нимъ, мать, опасаясь, что у нея отнимутъ ея дѣтеныша, издала пронзительный крикъ и бросилась къ нему, а тотъ въ свою очередь тотчасъ повисъ на ея груди, обнявъ передними руками шею, а задними ея бока.

«Дина, Дина! пусть такъ будетъ твое имя!»

говорилъ Дмитрій и положилъ передъ обезьяной горсть орѣховъ и нѣсколько кукурузныхъ шишекъ; но Дина, съ своимъ сокровищемъ на груди, ушла въ противоположный уголъ и продолжала злобно урчать. Дмитрій, не желая раздражать обезьянъ, тотчасъ вышелъ изъ комнаты. Однако, когда онъ пришелъ къ нимъ во второй разъ, обезьяна уже не бросилась отъ него въ сторону, а продолжала искать насѣкомыхъ въ шкурѣ

своего некрасиваго, сморщеннаго, но необыкновенно милаго ея сердцу малютки. Когда она кончила это занятіе, то тщательно вылизала его съ головы до ногъ, потомъ отошла отъ него на нѣсколько шаговъ, съ нѣжною ласкою въ глазахъ долго, долго любовалась имъ и вдругъ, въ порывѣ материнской нѣжности, подбѣжала къ нему, схватила его на руки, прижала къ груди и стала покачивать его, точно убаюкивая. Затѣмъ она спустила его на полъ, и онъ тотчасъ побѣжалъ отъ нея, схватилъ кукурузную шишку и то возился съ нею, то подбѣгалъ къ матери и хваталъ ее за хвостъ. Всѣ движенія маленькой

мартышки были чрезвычайно живы, но какъ-то неуклюжи, смѣшны. Но Динѣ было все хорошо, все было безконечно мило въ ея малюткѣ, и она, тоже схвативъ кукурузную шишку, усѣлась противъ нея и любовно слѣдила за всѣми ея движеніями. Она такъ залюбовалась своей крошкой, что совсѣмъ забыла о присутствіи Дмитрія. Когда она наконецъ замѣтила его, она не выказала ни страха, ни отвращенія и опять подняла возню со своимъ дѣтенышемъ: то садила его къ себѣ на спину и быстро бѣгала съ нимъ вдоль стѣнъ, то нѣжно дергала его за хвостъ и ноги, то, схвативъ его на руки, начинала кружиться и кувыркаться съ нимъ.

«Ну, Дина и Додо (такъ назвалъ онъ маленькую обезьяну),—не угодно-ли вамъ теперь прогуляться?» И Дмитрій отворилъ передъ обезьянами дверь во дворъ, обнесенный со всѣхъ сторонъ высокими постройками. Сначала Дина какъ то удивленно и недовѣрчиво взглянула на Дмитрія, но затѣмъ тотчасъ, схвативъ малютку, выбѣжала вонъ. Когда она увидала посреди двора высокое дерево, она, кажется, совсѣмъ забыла о своей неволѣ. Съ дѣтенышемъ на груди она быстро вспрыгнула на дерево и, Боже мой, что она тутъ только ни выдѣлывала! Она точно летала,—такъ легко и быстро перескакивала съ вѣтки на вѣтку.

Вотъ она вдругъ спрыгнула внизъ съ верхушки дерева, какъ стрѣла пронизывая воздухъ, затѣмъ опять въ ту-же минуту вскарабкалась вверхъ, вновь повторила тоже самое и наконецъ, зацѣпившись хвостомъ за послѣднюю вѣтку и покачиваясь изъ стороны въ сторону, повисла внизъ головой. Ея малютка по прежнему у нея на груди, обхвативъ ей бока, крѣпко держится своими маленькими руками, обвивъ при этомъ своимъ хвостикомъ шею своей заботливой, нѣжной мамы. Черезъ минуту она опять карабкается на дерево со своей драгоцѣнной ношею, преуморительно балансируя на вѣткѣ. Вотъ она ждетъ, пока та перестанетъ качаться, но вѣтка вдругъ обламывается, и Дина, этотъ замѣчательный акробатъ, очутилась на землѣ, конечно, какъ и всегда, съ своей обожаемой малюткой, не причинивъ ни малѣйшаго вреда ни себѣ, ни ей.

Но еще гораздо забавнѣе было наблюдать, какъ она учила свою малютку лазить по дереву: поднесетъ ее къ толстой вѣткѣ и долго, долго держитъ ее надъ ней. Додо наконецъ понялъ, повисъ руками на вѣткѣ, но, не смотря на это, мать въ это время ни на минуту не отходила отъ него.

Когда обезьяны провозились такимъ образомъ нѣсколько часовъ, Дмитрій отворилъ дверь ихъ комнаты и сталъ звать ихъ по именамъ, показывая имъ хлѣбъ и яйца. Дина тотчасъ повиновалась и прибѣжала съ малюткой за ѣдой. Съ этихъ поръ она всегда уходила во дворъ, возвращалась домой только на ночь или когда хотѣла ѣсть и не только совершенно привыкла къ людямъ, которыхъ видѣла каждый день, но скоро научилась даже подавать руку при входѣ каждаго изъ нихъ.

Въ три, четыре недѣли Дина ознакомилась уже съ расположеніемъ всѣхъ пристроекъ во дворѣ и всѣхъ комнатъ въ домѣ и, какъ членъ семьи, смѣло расхаживала всюду со своей малюткой, которая за это время успѣла порядочно подрости, такъ что мать рѣшалась оставлять ее теперь иногда одну на нѣсколько минутъ,—впрочемъ это всегда бывало только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ. Дина скоро замѣтила, что въ кухнѣ къ обѣду всегда жарятъ вкусные пирожки и она аккуратно являлась туда къ 4 часамъ. Когда она однажды попробовала схватить пирожокъ безъ позволенія повара, тотъ безцеремонно вытолкалъ ее вонъ: тогда на другой день она скромно вошла къ нему и долго, терпѣливо ожидала у притолоки его милостей. Повара тронула понятливость и послушаніе мартышки, онъ далъ ей пирожокъ, и съ тѣхъ поръ она каждый день съ такимъ же смиреніемъ приходила за подачкой. Она тотчасъ несла ее своей малюткѣ, и когда та

все съѣдала безъ остатка, она опять являлась къ повару. Ея вторичная просьба не всегда была уважена, тѣмъ не менѣе она никогда не рѣшалась съѣсть пирожокъ раньше своего дитяти.

Такъ-же аккуратно являлась она съ Додо къ обѣду, когда всѣ были за столомъ. Если никто не обращалъ на нихъ вниманія, Дина подходила къ Дмитрію и клала руку на его плечо; но если ея хозяинъ продолжалъ начатый разговоръ и не торопился предложить ей что нибудь, тогда она начинала толкать его все сильнѣе и сильнѣе. Однажды Динѣ показался малъ кусокъ мяса, который далъ ей Дмитрій, тогда она подвела къ нему Додо, схватила его руку, положила ее на колѣни своего хозяина и, толкая его, указывала ему головой на свою малютку, точно говорила: «Ты видишь, моей крошкѣ этого мало, для себя не попросила-бы еще, но его нужно поскорѣе удовлетворить».

Сильная любовь Дины къ своему дитяти и безконечная забота о немъ расположили къ ней всѣхъ окружающихъ и всѣ на перерывъ старались ее баловать; но она дружелюбнѣе всего относилась къ тѣмъ, кто ласкалъ ея малютку. Когда Дмитрій обѣдалъ одинъ, онъ подзывалъ къ себѣ Додо, уже отлично знавшаго свою кличку, наливалъ ему въ тарелку молока, до

котораго онъ былъ большой лакомка, давалъ ему ложку въ руки и училъ его ѣсть, какъ ѣдятъ люди. Трудно себѣ представить, въ какомъ восторгѣ была Дина, когда Додо въ первый разъ, какъ слѣдуетъ, взялъ ложку въ руку. «Такъ, такъ, славно, славно»... сказалъ Дмитрій, ласково гладя его и еще подливая ему молока и поглядывая на мать. Та не утерпѣла, бросилась къ Додо и чуть не задушила его въ своихъ объятіяхъ. Сама она не охотно ѣла ложкой, и то только въ то время, когда на нее смотрѣлъ хозяинъ; чуть онъ отвернется, она схватывала тарелку въ руки и, на половину проливая на полъ и на себя, прямо вливала въ ротъ все, что въ ней оставалось.

Скоро пришлось отправиться въ далекій путь. Дина съ Додо очень охотно послѣдовали за хозяиномъ на пароходъ. Тамъ они, какъ по дереву, лазили по снастямъ и мачтамъ; ихъ полюбило все общество, особенно дамы, которымъ Дина скоро научилась угождать. Она замѣтила, кто, выходя на палубу, бралъ свой дорожный мѣшокъ, кто баулъ для работы и если кто забывалъ это сдѣлать, она тотчасъ спускалась въ каюту и черезъ минуту возвращалась съ той или другой вещью.

Скоро эту нѣжную мать постигло тяжелое горе. Черезъ нѣсколько дней путешествія воздухъ сталъ холоднѣе и Додо замѣтно измѣнился: онъ пе-

ресталъ рѣзвиться и лазить по снастямъ, все рѣже выходилъ на палубу. Мать уныло смотрѣла на свое дѣтище и ни на шагъ не отходила отъ него. Замѣтивъ это, одна изъ дамъ принесла въ каюту большую подушку, осторожно положила на нее Додо и покрыла его своимъ теплымъ плэдомъ. Это такъ тронуло Дину, что она долго и быстро ходила вокругъ дамы, оказавшей ей услугу, засматривала ей въ глаза, наконецъ, вдругъ что-то вспомнивъ, побѣжала въ столовую, схватила со стола ея рабочій ящикъ, изъ котораго она часто вынимала свою работу и подала его ей. Больше она не нашлась чѣмъ ее отблагодарить. Послѣ этого Дина тотчасъ сѣла у постели Додо и стала безпрестанно поправлять на немъ одѣяло, когда оно сползало, и отходила отъ больнаго только для того, чтобы принести ему то одинъ, то другой лакомый кусокъ. Но Додо ничего не трогалъ и на другой день сталъ метаться въ жару. На пароходѣ случился докторъ, который приготовилъ для больнаго лекарство и искусно заставилъ его выпить. Черезъ нѣсколько часовъ Додо какъ будто стало легче: онъ прошелся по каютѣ и выпилъ молока. Мать была внѣ себя отъ радости. Какъ только Додо всталъ съ постели, она протянула къ нему руки, прижимала его къ себѣ, радостно урчала и затѣмъ бросилась его

чистить: всѣ соринки и занозы были тщательно и осторожно извлечены изъ его шкуры, и когда маленькая обезьяна опять легла на постель, мать нѣжно укрыла его одѣяломъ, живо взбѣжала на палубу и толкала доктора въ плечо до тѣхъ поръ, пока онъ съ ней не спустился въ каюту. Когда докторъ опять поднесъ тоже питье больному, тотъ уже не принялъ его и черезъ нѣсколько часовъ его не стало.

Бѣдная Дина,—на нее страшно было смотрѣть! Она схватывала уже мертваго малютку на руки, гладила, ласкала его, старалась посадить и падала съ нимъ вмѣстѣ на полъ, издавая отчаянные, раздирающіе душу крики. Пассажиры, пораженные глубокими, человѣческими страданіями Дины, стали говорить, что слѣдуетъ, какъ можно скорѣе, бросить въ воду маленькую мартышку, чтобы безпрестанно не напоминать матери ея утрату. Но ничто не помогло. Дина вездѣ искала Додо, обошла всю палубу и каюты и, когда нигдѣ не нашла его, тихо, тихо улеглась на постель своего дитяти и уже не вставала. Ея тяжкая тоска и холода, которые все усиливались по мѣрѣ того, какъ подвигались къ сѣверу, совсѣмъ сокрушили ее. У нея явился кашель, она стала быстро худѣть и чахнуть и умерла черезъ недѣлю послѣ смерти своего любимаго малютки.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО.

Коля и Ваня были большими пріятелями и хорошими товарищами. До девяти лѣтъ они жили въ деревнѣ, въ близкомъ сосѣдствѣ другъ отъ друга. Лѣтомъ Коля вставалъ рано и, лишь только одѣнется, бѣжитъ за версту въ другую деревню, гдѣ живетъ его пріятель. «Вставай, Ваня», кричитъ онъ, запыхавшись, еще издали: «уже поздно, а то до насъ всѣ ягоды и грибы оббе-рутъ»... И черезъ нѣсколько минутъ оба мальчика, съ корзинами въ рукахъ, уже бѣжали въ лѣсъ.

Возвращаются они вмѣстѣ къ той изъ своихъ матерей, которой досугъ ихъ въ тотъ день накормить, зажарить или сварить ихъ грибы.

Поѣли и за работу вмѣстѣ: на завалинку присѣли, свои ножики съ короткими бѣлыми черенками изъ за пояса вынули и ну длинную, тонкую молодую березку очищать отъ коры да обтачивать. Вечеромъ пойдутъ удить рыбу на рѣку, тамъ удилище приготовляютъ, а затѣмъ и лѣсу изъ конскаго волоса начинаютъ сучить. Такъ проводятъ они время въ праздникъ, а въ будній у нихъ дѣло поважнѣе: лошадей взрослымъ запрягаютъ, сѣно гребутъ, дрова въ избу таскаютъ, рабочимъ въ поле ѣду разносятъ. Но и въ работѣ, и въ заботѣ рѣдко когда не вмѣстѣ.

Пришла пора учиться, и стали они ходить въ одну школу. Сидятъ вечеромъ вмѣстѣ, вслухъ другъ другу читаютъ,—одинъ другому понять помогаютъ, буквы выводятъ на грифельной доскѣ, другъ передъ другомъ хвастаютъ: кому изъ нихъ это лучше удалось. Не всегда у нихъ и безъ ссоръ обходилось, заспорятъ: «учительница такъ велѣла писать»,—«нѣтъ, этакъ»... ну и пойдутъ... А Коля горячъ—не вытерпѣлъ: отъ досады швырнулъ на полъ Ванину книгу, а самъ и былъ таковъ: изъ за лавки выскочилъ и на дворъ побѣ-

жалъ. Но онъ такъ-же и отходчивъ: черезъ полчаса все забылъ и уже зоветъ Ваню вмѣстѣ играть въ снѣжки.

Но вотъ имъ пришлось другъ съ другомъ разстаться. Жутко обоимъ, да плакать не приходится. Отецъ Ванинъ получилъ въ городѣ выгодную работу и со всей семьей переѣхалъ туда изъ деревни. Напала тоска на Колю, мѣста себѣ не находитъ, особенно когда праздничный день лѣтомъ наступитъ. Пойдетъ къ озеру или въ поле, а думка о Ванѣ изъ головы нейдетъ. Вонъ подъ тѣмъ кустомъ зайчика держали, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него малиновкѣ зернышекъ и червячковъ ѣсть носили, а тамъ, въ знойный день, сидя въ лѣсу, дудки себѣ выдѣлывали, кузовки да корзинки плели.... А какъ повадно было вмѣстѣ въ бабки играть!.. Да лучше и не вспоминать! И Коля рыдая бросился въ траву.—«Эхъ ты горе мое, горе горькое... вѣдь этакъ злая кручина совсѣмъ меня одолѣетъ»... успокоивалъ онъ уже самъ себя. «Можетъ мы съ нимъ еще и увидимся, можетъ и вмѣстѣ еще поживемъ; не даромъ пословица сказываетъ: «гора съ горой не сходится, а человѣкъ съ человѣкомъ всегда встрѣтиться можетъ». И началъ Коля, какъ бывало и съ Ваней, усердно собирать грибы и ягоды, ловить рыбу и въ помѣщичій домъ продавать но-

сить. А тамъ глядишь, въ мѣсяцъ, другой и рубль накопилъ, съ первой оказіей Ванѣ его отослалъ, а затѣмъ и письмо ему написалъ по почтѣ, крѣпко наказывалъ чаще ему писать, все, что тотъ читаетъ, видитъ, дѣлаетъ, подробно ему описывать.

—«Тутъ живетъ Иванъ Федоровичъ?»—спрашиваетъ почтальонъ, входя въ маленькую, низенькую комнатку, въ которой помѣщалось семейство Вани.—«Иванъ Федоровичъ... Иванъ Федоровичъ».... удивленно улыбаясь повторялъ про себя мальчикъ. И какъ не удивляться! вѣдь никто еще такъ его не величалъ: просто Ваня, да и вся не долга. И вѣдь настоящее письмо, какъ пишутъ взрослымъ: съ маркой, съ печатью и прямо на его имя.—«Мама, милая!» вскричалъ онъ, весь вспыхнувъ и дрожа отъ радости, какъ въ лихорадкѣ. «Вѣдь это мнѣ! и отъ Коли!» и онъ со всѣхъ ногъ бросился къ почтальону.—«Первое письмо», сказалъ догадливый почтальонъ, ласково улыбаясь и подавая его ребенку.

Ваня письмо читаетъ, а у самого руки трясутся, весь дрожитъ, то слезы изъ глазъ брызнутъ, то веселая улыбка, что солнышко ясное, озаритъ все его доброе личико. Прочиталъ письмо и задумался. Уже отецъ пришелъ съ работы, мать на столъ собрала, а Ваня сидитъ и крѣпкую

думу думаетъ, какъ онъ на работу еще приналяжетъ, какъ хозяинъ замѣтитъ его стараніе и какъ онъ Колѣ вышлетъ на дорогу деньги, чтобы помѣстить его съ собою въ одну мастерскую. А вотъ уже въ думкахъ они и подростки: въ школу въ праздничные дни ходятъ, а вечеромъ и въ театрѣ...

Да можетъ и будетъ все такъ, не даромъ же Ваня такъ весело, такъ бодро тряхнулъ своей головкой, когда услыхалъ, что мать зоветъ его обѣдать.

ПЧЕЛКА.

Весна идетъ! Солнышко съ каждымъ днемъ все болѣе пригрѣваетъ землю. Снѣгъ уже стаялъ: ручейки зажурчали, изъ земли пробивается молодая травка вездѣ, гдѣ этому не мѣшаютъ ни звѣри, ни люди и своими ногами не затаптываютъ молодыхъ и нѣжныхъ всходовъ; деревья тоже спѣшатъ принарядиться въ зеленый нарядъ, который придаетъ имъ такой веселый и праздничный видъ. Но еще далеко не всѣ деревья одѣлись листьями и многія изъ нихъ стоятъ на половину покрытыя коричневыми почками, иногда съ крошечными свѣтлозелеными пятнышками: а

вонъ тамъ уже изъ нихъ выглядываютъ и нѣжные зеленые листики. Лѣсъ тоже пробудился и зазвенѣлъ: въ немъ слышно и веселое щебетаніе птичекъ, только что возвратившихся изъ далекихъ теплыхъ странъ, и топоръ дровосѣка, и стукъ крѣпкаго клюва дятла о кору дерева. Проснулась и заботливая пчелка. Во время холодовъ она еле двигалась, совсѣмъ мало ѣла, но теперь за то сильно проголодалась, живо встрепенулась, расправила свои прозрачныя крылышки, вылетѣла изъ улья и жужжа полетѣла къ яблонѣ.

—«Яблонька, яблонька, покорми меня: я такъ мало ѣла во время стужи и мороза, что совсѣмъ ослабла. Подкрѣпи же поскорѣе мои силы».—«Съ величайшею радостью исполнила-бы твою просьбу», отвѣчала яблоня,—«да и какъ мнѣ не быть съ тобою привѣтливою! Ты никогда не досаждала мнѣ, никогда не вредила ни моимъ цвѣтамъ, ни моимъ вкуснымъ яблочкамъ. Своимъ жужжаніемъ и порханіемъ съ одного моего цвѣтка на другой ты только оживляла ихъ жизнь, которая безъ тебя прошла бы для нихъ гораздо скучнѣе. Хотя своимъ длиннымъ язычкомъ ты прилежно облизываешь сладкій сокъ моихъ цвѣтовъ, но ты такъ нѣжно прикасаешься къ нимъ, что нисколько не вредишь имъ этимъ. Не такъ поступаетъ со мною противная бабочка, которая постоянно вредитъ

и моимъ нѣжно-розовымъ цвѣтамъ, и румянымъ яблочкамъ. Ахъ, что это за коварное существо! Сначала она легко порхаетъ надъ цвѣткомъ, точно безъ всякаго злаго умысла, а потомъ сразу заберется въ самую середину его и положитъ тамъ свое вредоносное яйцо. Когда яблочко станетъ расти и алѣть, думаешь,—ну, слава Богу, не повредила, все идетъ хорошо. Не тутъ-то было: изъ яичка вылѣзаетъ прожорливая гусеница, пробирается въ самую средину вкуснаго яблочка, начинаетъ его терзать, точитъ вдоль и поперегъ, безпощадно грызетъ всѣ сѣмечки.... Вотъ почему, добрая пчелка, я такъ благодарна тебѣ, что ты не подражаешь злой, противной бабочкѣ. Ты не повѣришь, какъ я буду счастлива, когда мнѣ удастся чѣмъ нибудь тебѣ услужить! Но ты слишкомъ рано ко мнѣ прилетѣла; смотри сама—мои цвѣты еще въ почкахъ».

«Жужжу, жужжу», зажужжала пчелка улетая и опустилась на вишневое дерево. «Прелестная вишенка, не приготовила-ли ты чего нибудь для меня? Если бы ты знала, какъ я голодна и слаба, то навѣрно пожалѣла-бы меня!»—«Бѣдненькая, какъ мнѣ жаль тебя.... отвѣчала вишенка. «Вѣрь мнѣ, я съ удовольствіемъ бы тебѣ услужила, но смотри сама, еще нѣсколько рано.... Поскорѣе однако опять навѣдайся: не сегодня—завтра за-

цвѣтутъ мои цвѣточки, и тогда я позволю тебѣ лакомиться, сколько угодно». Пчелка полетѣла къ тюльпану, но и онъ не могъ еще предложить ей своего сладкаго сока, и тогда она, грустная и печальная, рѣшила уже возвратиться домой, въ улей.

«Чу! Что это?» удивилась про себя пчелка, такъ какъ ее въ эту минуту сразу обдало пріятнымъ ароматомъ. «О, тутъ непремѣнно распустился какой нибудь цвѣтокъ! Но гдѣ же онъ? По близости нѣтъ ни садика, ни цвѣтника! А должно быть вонъ тамъ, въ хвойномъ лѣсу!»... и, не долго думая, она тотчасъ полетѣла туда и скоро замѣтила внизу, у перваго дерева, нѣсколько распустившихся пахучихъ фіалокъ, которыя привѣтливо предложили голодной пчелкѣ свои услуги.

ПОСЛѢОБѢДЕННЫЙ ОТДЫХЪ.

О обѣда въ семействѣ Петровыхъ всѣ заняты дѣломъ, даже мало видятъ другъ друга. Отца такъ и совсѣмъ нѣтъ дома: онъ съ утра до самаго обѣда занятъ на службѣ. Старшая его дочь, девятилѣтняя Леля, пишетъ, читаетъ, рѣшаетъ задачи, однимъ словомъ приготовляетъ уроки, которые ей задалъ отецъ, уходя изъ дому. Только его сынъ, четырехлѣтній Петя, и полуторогодовая дочка Соня сидятъ вмѣстѣ, въ комнатѣ мамы. Но Соня Петѣ не товарищъ: играть съ нимъ

она еще не умѣетъ, ко всему, что видитъ въ рукахъ брата, тянется, все проситъ.—«Дай»...закричала она, какъ только замѣтила, что Петя началъ строить изъ деревянныхъ кубиковъ высокую башню. Матери въ эту минуту не было въ комнатѣ, и дѣвочка на четверенькахъ, быстро, точно маленькій звѣрекъ, подползла къ брату. Вотъ она уже подлѣ него, вытянула рученки впередъ—трахъ...и постройки какъ не бывало.

Бѣдный Петя, ему такъ немного оставалось достроить! Онъ только что представлялъ себѣ, какъ папа и мама будутъ удивлены, что онъ терпѣливо довелъ до конца такую высокую башню! И онъ со слезами на глазахъ отскочилъ отъ своей маленькой сестренки, побѣжалъ въ другой уголъ и началъ разбирать корзину, въ которой свалены были разныя игрушки. Вдругъ онъ увидалъ колпакъ съ кисточкой изъ разноцвѣтной бумаги, который онъ называлъ шлемомъ, латы и мечъ, только наканунѣ склеенные имъ изъ толстой папки съ помощью Лели. Нарядъ былъ совсѣмъ новенькій: золотая бумага, которою онъ былъ оклеенъ, такъ и блестѣла на солнцѣ, и мальчикъ не успѣлъ еще даже похвастаться имъ мамѣ и папѣ.—«Какъ удивится папа, когда я такъ выряжусь! Вѣдь онъ и не подозрѣваетъ, что у меня вся аммуниція!» и мальчикъ такъ углубился въ разныя соображенія по поводу этихъ игрушекъ, что совсѣмъ не замѣтилъ, какъ Соня снова подползла къ нему.—«Дай», вдругъ закричала она, вырывая бумажный мечъ изъ его рукъ.—«Ни за что, ни за что!» полукрикомъ, полувоплемъ отвѣчалъ ей Петя, схватывая игрушки и бросаясь къ двери.—«Уступи, вѣдь ты старше»,—обратилась мать къ Петѣ, когда, отворивъ дверь, она увидала, что Соня кричитъ и проситъ какую-то игрушку у брата, а тотъ убѣгаетъ отъ нея со всѣхъ ногъ.—«Не могу, мамочка, право не могу: она все хватаетъ, все портитъ, а это мнѣ понадобится, какъ только папа возвратится,—вотъ ты сама тогда увидишь!» И мальчикъ выбѣжалъ въ другую комнату, занялся тамъ своими игрушками и его никто не видалъ до обѣда.

Но вотъ пришелъ отецъ, всѣ сѣли за столъ, а затѣмъ наступилъ послѣобѣденный отдыхъ,—время котораго такъ ждали дѣти и такъ любили родители. Послѣ обѣда Петя тотчасъ куда-то исчезъ и, когда онъ снова возвратился черезъ нѣсколько минутъ, онъ имѣлъ уже какой-то торжественный видъ: на головѣ его былъ надѣтъ его новый шлемъ, на груди латы, а на боку висѣлъ мечъ. «Ай да молодецъ»! закричалъ ему отецъ, схватилъ его на руки и посадилъ къ себѣ

на колѣни. Увидала Соня своего братишку у отца на колѣняхъ, тянется, къ нему просится; взглянула на Петинъ нарядъ, совсѣмъ раскричалась, такъ разсердилась, что вся покраснѣла,—себѣ его требуетъ. Блестящій нарядъ Пети такъ прельщалъ маленькую дѣвочку, что она безъ умолку повторяла: «дай, дай»... заставляя въ ту-же минуту надѣть на нее Петинъ нарядъ. Лёля постарше, благоразумнѣе всѣхъ: видитъ, что

съ той и съ другой стороны сейчасъ начнутся слезы, произойдетъ можетъ быть и небольшое

сраженіе, сейчасъ же подскочила къ сестренкѣ, загородила собою отъ нея братишку, сама передъ ней пляшетъ, болтаетъ, поетъ; наконецъ схватила ея рученки и ну ими «ладушки» дѣлать. Кончила «ладушки» и къ «сорокѣ-воровкѣ» перешла и, когда она на ея крошечныхъ пальчикахъ стала пересчитывать, кому изъ нихъ она дала кашки на тарелочкѣ, кому въ чашечкѣ, этому на блюдечкѣ, слѣдующему въ ложечкѣ,—Соня весело стала прыгать на колѣняхъ матери, смѣяться и совсѣмъ забыла про нарядъ Пети, которому она такъ завидовала еще нѣсколько минутъ тому назадъ. Петя тоже въ свою очередь достаточно попрыгалъ и посмѣялся съ отцемъ. «Ну теперь съиграемъ еще въ «кошки-мышки», сказалъ отецъ, «а тамъ и за работу пора»!

ЖИЗНЬ ОДНОЙ МАЛЕНЬКОЙ ПРОДАВЩИЦЫ.

У насъ въ Россіи въ обѣихъ столицахъ, кто желаетъ купить что нибудь съѣстное: мясо, зелень, рыбу, фрукты, яйца, отправляется въ рынокъ или въ лавки, которыя торгуютъ съѣстными припасами. Въ городахъ-же поменьше для этого устроиваютъ базары одинъ, два или три раза въ недѣлю. Въ такіе дни изъ окрестностей въ городъ наѣзжаетъ множество крестьянъ со всякой всячиной. Со своими телѣгами, наполненными провизіею и живностью разнаго рода, они останавливаются на самой большой площади или передъ въѣздомъ въ городъ.

Въ базарный день уже съ ранняго утра вся площадь загромождена деревенскими телѣгами, которыя стоятъ по большей части не распряженными. У такихъ немного товару: пара живыхъ, спутанныхъ по ногамъ, старыхъ куръ, лукошко съ нѣсколькими десятками яицъ, да развѣ еще маленькая кадочка съ масломъ. Что-же такому крестьянину и выпрягать лошадь: товару немного,

его живо расхватаютъ, особенно, если продать его подешевле. Тогда онъ и домой поспѣетъ къ обѣду, а послѣ того еще что нибудь успѣетъ дома починить или наколоть дровъ. Тотъ, кто привезъ побольше товару,—лошадку выпрягъ, повернулъ ее къ телѣгѣ, и она жуетъ себѣ изъ нея сѣно или овесъ изъ мѣшка, который ей повѣсили на голову. Въ такихъ телѣгахъ товару не для одного покупателя: тутъ и куль картофеля, и нѣсколько паръ цыплятъ, настрѣленная дичь и наконецъ всевозможныя хозяйственныя сбереженія: масло, творогъ, сметана, яйца, даже сливки и молоко.

Крестьяне около своихъ телѣгъ похаживаютъ, зорко наблюдаютъ за покупателями, которые толпами взадъ и впередъ расхаживаютъ по площади. Услышалъ кто нибудь изъ нихъ, что хозяйкѣ утка нужна, и кричитъ ей, что она есть въ его телѣгѣ. Хозяйки по площади разгуливаютъ, подойдутъ то къ одной, то къ другой телѣгѣ, со всѣхъ сторонъ товаръ осматриваютъ, прицѣниваются. Вонъ тамъ женщина въ платочкѣ внимательно осматриваетъ поросенка, поворачиваетъ его въ разныя стороны, наконецъ руку въ выпотрошенное брюхо запустила и ну оттуда мочалку вытягивать, при этомъ на чемъ свѣтъ ругаетъ продавца, обвиняя его въ томъ, что онъ

ЛИПУСНИНСКАЯ ОБЩЕСТВ. БИБЛІОТЕКА № 1

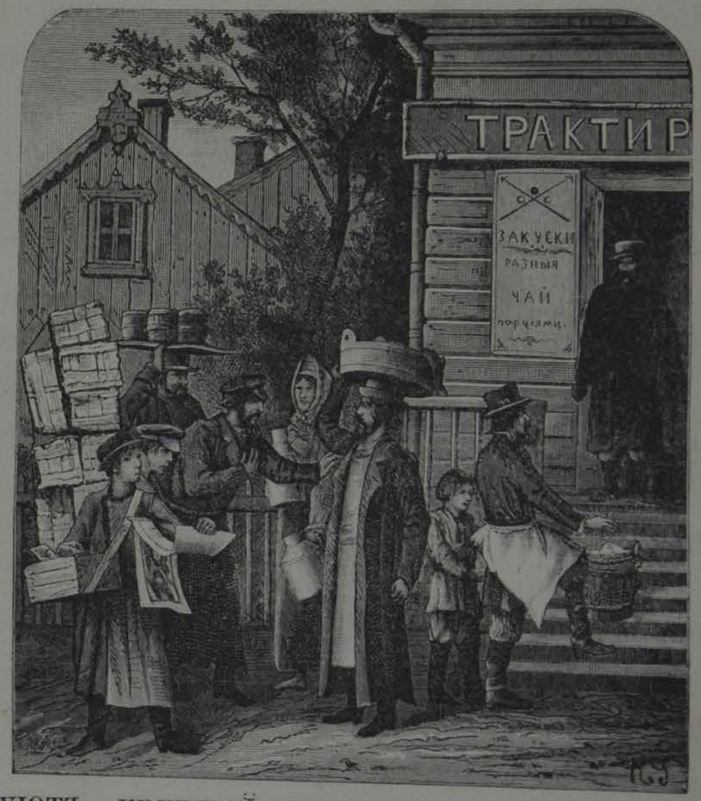
набилъ поросенка, чтобы тотъ толще казался. Нѣсколько дальше хозяйка щупаетъ бока связаннаго теленка, который своимъ жалобнымъ мычаньемъ покрываетъ голоса торгующихся. Здѣсь баба отвѣдываетъ масло изъ кадки, отплевывается, кричитъ, что оно съ горчинкой. Вездѣ шумно, гвалтъ, говоръ, толкотня! Но такъ только до десяти—одиннадцати часовъ утра. Къ этому времени уже многіе уѣхали, а тѣ, что еще на площади,—лошадей запрягаютъ, надѣваютъ свои армяки, собираются въ дорогу. Къ полудню, глядишь,—площадь совсѣмъ опустѣла и на ней тамъ и здѣсь только просыпанная труха, овесъ, клочки сѣна, да валяются два, три растрепанныхъ кочня капусты. Настоящая подвижная ярмарка! Ни труда, ни денегъ на постройку лавокъ не затратили, а продавали товары подъ открытымъ небомъ! Кончили продажу, сѣли на телѣжки, что имъ служили прилавками, да и маршъ въ путь-дорогу. Только эти крестьяне, что на базарѣ торговали,—не настоящіе торговцы: лѣтомъ они косятъ, пашутъ, молотятъ; зимой рубятъ дрова, а торгуютъ только тогда, когда отъ хозяйства можно что нибудь урвать, чтобъ на выручку купить соли, да заплатить подати. Вотъ и ѣдетъ крестьянинъ на базаръ продавать, что только возможно, а иногда и то, что совсѣмъ бы не слѣдовало изъ

хозяйства трогать,—да нельзя: деньги нужны до зарѣза.

Въ небольшихъ провинціальныхъ городахъ, если хозяйка на базарѣ не закупитъ все, что изъ провизіи ей можетъ понадобиться впродолженіе двухъ, трехъ дней, она кромѣ хлѣба, муки, крупы и другой сухой провизіи, рѣшительно ничего не найдетъ въ лавкахъ. Эти базары необходимы, какъ для продающихъ, такъ и для покупающихъ, уже потому, что у насъ совсѣмъ почти не существуетъ уличныхъ торговцевъ, которые развозили бы и разносили провизію на домъ или предлагали-бы ее проходящимъ по улицамъ. Эти уличные торговцы появляются у насъ только во время дачной жизни въ окрестностяхъ Петербурга и Москвы. Тогда съ ранняго утра булочникъ, согнувшись въ три погибели подъ тяжестью плетеной корзины, которая съ верху до низу набита булками, разноситъ ихъ по всѣмъ дачамъ. За нимъ появляется овощникъ. Лошадь этого торговца обыкновенно не больно прытка, и онъ, чтобъ облегчить ее, идетъ рядомъ съ ней, засматривая то на то, то на другое крыльцо дачи и приглашая появившуюся хозяйку обратить вниманіе на его свѣжіе огурцы, цвѣтную капусту, спаржу и т. п. Затѣмъ прямо къ крыльцу то къ той, то къ другой дачѣ подъѣзжаетъ мясникъ въ

телѣгѣ съ вѣсами, придѣланными къ скамейкѣ, съ одного края которой онъ сидитъ со своимъ помощникомъ. За мясникомъ идутъ торговцы разнаго рода съ самымъ разнообразнымъ товаромъ, а иногда даже подъ окномъ одной и той-же дачи ихъ появляется нѣсколько человѣкъ сразу. Вотъ съ лоткомъ на головѣ приближается разнощикъ ягодъ, различныхъ сластей и фруктовъ. Съ противоположной стороны къ той-же дачѣ уже направляется продавецъ рыбы, мороженикъ, старуха съ раками. А тамъ съ корзинкой за плечами и зеленщикъ болѣе мелкаго калибра, чѣмъ тотъ, который пріѣзжалъ утромъ на лошади: у этого зелень попроще и подешевле. Около него уже выросла чухонка съ яйцами: не успѣли вы еще взглянуть на ея товаръ, какъ передъ вами уже селедочница: на доскѣ, которая лежитъ на ея головѣ, стоитъ деревянный боченокъ съ сельдями и подлѣ нѣсколько стеклянныхъ банокъ съ кильками. Еще издалека раздается крикливый, пронзительный голосъ чухонца, который оповѣщаетъ всѣхъ дачниковъ о своихъ выборскихъ кренделяхъ.

Съ утра до вечера по дачамъ бѣгаютъ и маленькіе торговцы обоего пола; у нѣкоторыхъ изъ нихъ въ рукахъ лукошко съ ягодами, у другихъ съ грибами; дѣвочки трехъ, четырехъ лѣтъ предлагаютъ крошечные букетики ландышей въ началѣ лѣта, а потомъ сирени и различныхъ полевыхъ цвѣтовъ. Вечеромъ всѣ эти торговцы бѣгутъ въ дачный трактиръ что нибудь перекусить на выручку или запастись для семейства солью, крупою и другой необходимой провизіею. Но изъ всѣхъ этихъ дачныхъ разнощиковъ развѣ мясникъ да зеленьщикъ настоящіе торговцы. которые

торгуютъ круглый годъ,—лѣтомъ на дачѣ, а зимою въ городѣ въ своей лавкѣ. Всѣ остальные

дѣлаются торговцами только въ лѣтнее, дачное время: никто изъ нихъ не имѣетъ лавки въ городѣ, и когда осенью дачники разъѣзжаются, всѣ они разбредутся по деревнямъ, на осеннія деревенскія работы, а оттуда опять въ городъ на зимніе заработки. Дѣти, которыя разносили по дачамъ ягоды и грибы, будутъ опредѣлены въ мастерскія, пойдутъ въ услуженіе, или останутся дома, какъ и прежде, няньчить младшихъ братьевъ и сестеръ, матери въ печку растопки носить да полъ выметать.

Совсѣмъ другое за границею: тамъ въ большихъ городахъ существуетъ чрезвычайно много торговцевъ-разнощиковъ, которые всю свою жизнь занимаются исключительно разноскою и развозкою по домамъ разныхъ съѣстныхъ припасовъ. Болѣе всего такихъ торговцевъ въ Лондонѣ—въ этой громадной столицѣ англичанъ. Наиболѣе зажиточные изъ нихъ развозятъ свой товаръ въ телѣжкахъ, запряженныхъ осломъ или пони—очень маленькаго роста коренастою лошадкою. Уличные лондонскіе торговцы, обыкновенно, люди семейные и у каждаго изъ нихъ всегда множество дѣтей. Эти дѣти уже съ самаго ранняго возраста начинаютъ развозить въ ручныхъ телѣжкахъ или разносить въ корзинахъ зелень, рыбу, фрукты, устрицы. Такимъ обра-

зомъ въ Лондонѣ цѣлая армія дѣтей-торговцевъ обоего пола. Когда эти маленькіе торговцы приходятъ въ возрастъ, почти всѣ они продолжаютъ свое ремесло до глубокой старости или, лучше сказать, до гробовой доски. Впрочемъ до старости-то мало кто изъ нихъ и доживаетъ. Кажется, чего легче: тяни ручную телѣжку да выкрикивай свой товаръ, но на дѣлѣ оказывается, что жизнь уличнаго торговца самая печальная, суровая и тяжелая. По этому поводу я вамъ разскажу исторію одной маленькой продавщицы, которая можетъ познакомить васъ съ житьемъ-бытьемъ людей такого рода.

Вильямъ и Мери—мужъ и жена и оба уличные торговцы. Вильямъ разносилъ рыбу, Мери овощи; но она отправляется на заработокъ нѣсколько позже мужа, такъ какъ кромѣ торговли у нея много дѣла по хозяйству. Прежде чѣмъ отправиться на улицу, она должна каждое утро убрать комнату, которую они занимаютъ вмѣстѣ съ тремя дѣтьми, зашить или вымыть дѣтямъ одежду, состряпать что нибудь для нихъ на цѣлый день, наконецъ сбѣгать въ рынокъ, чтобъ запастись плодами и овощами для своей торговли, все это красиво убрать и разложить въ корзиночкахъ и уже затѣмъ отправляться на улицу. Для всякаго другаго этой работы хватило бы на

цѣлый день, но Мери должна все это кончить къ 6-ти часамъ утра, чтобы доставить товаръ тѣмъ кухаркамъ, которыя рано начинаютъ стряпать.

Родители ушли на работу и дома остаются только дѣти. Теперь завѣдуетъ всѣмъ хозяйствомъ и присматриваетъ за остальными дѣтьми Томъ—самый старшій изъ всѣхъ, семилѣтній мальчикъ. О, онъ отлично выполняетъ свои обязанности! Онъ строго присматриваетъ, чтобы его пятилѣтній братъ—Гарри постоянно няньчилъ и ни на шагъ не отходилъ отъ маленькой, двухлѣтней его сестры Дженни. Томъ кормилъ брата и сестру или, лучше сказать, вынималъ изъ шкафчика хлѣбъ и колбасу, которые были имъ оставлены, дѣлилъ все по ровну на три части и при этомъ строго слѣдилъ, чтобы его сестренка не уронила напрасно или не бросила бы подъ столъ какую нибудь корку или картофелину. Все, что оставалось послѣ ѣды, Томъ бережно убиралъ опять въ шкафъ, затѣмъ къ приходу матери садился чистить салакушку, которую та немедленно для нихъ жарила или коптила на продажу .Хотя Томъ такимъ образомъ работалъ цѣлый день и ни минуты не оставался безъ дѣла, но его мать сильно горевала, что ему семь лѣтъ, а онъ еще не начиналъ торговать. Но теперь она никакъ не могла этого устроить, такъ какъ нужно-же

было кому нибудь присмотрѣть и за маленькими. Но за то, какъ только Дженни пошелъ четвертый годъ, Мери послала торговать всѣхъ троихъ дѣтей. Тому и Гарри она купила по ручной телѣжкѣ и въ каждую изъ нихъ для перваго раза насыпала по четверику картофеля, а маленькой Дженни дала въ одну руку нѣсколько букетиковъ фіялокъ, а въ другую пучекъ укропа. Дженни первое время не должна была отходить отъ старшаго брата, тогда какъ Гарри принужденъ былъ возить свою телѣжку въ другой части города: торговать двоимъ однимъ и тѣмъ-же товаромъ, да еще въ добавокъ въ одномъ и томъ-же кварталѣ не выгодно, поэтому братьямъ и пришлось тотчасъ разлучиться. Мери дала обоимъ мальчикамъ по четверику картофеля, потому что этотъ товаръ при мелочной продажѣ всего легче сбыть, къ тому-же для болѣе дорогихъ припасовъ она не имѣла денегъ, истративъ всѣ свои сбереженія на покупку ручныхъ телѣжекъ для сыновей.

Дѣти Мери вполнѣ сознавали и цѣнили счастье имѣть собственную ручную телѣжку: большинство малютокъ, начинающихъ торговать, должны брать ее на прокатъ и за это каждый день платить двѣ, три копѣйки. Конечно, это сумма не большая, но можно себѣ представить, какъ мало можетъ выручить отъ своего ремесла начинающій, ма-

ленькій уличный торговецъ, когда Мери и Вильямъ, люди взрослые, всю жизнь занимаясь уличною торговлею, заработывали лишь столько, чтобы нанять для всего семейства только одну крошечную комнатку, круглый годъ могли кормить себя и дѣтей лишь хлѣбомъ и салакушкой, вынуждены были послать торговать на улицу даже крошечную Дженни и скопили про черный день только до 15 рублей на наши деньги, изъ которыхъ половина суммы пошла у нихъ на покупку телѣжекъ и дешеваго товара для дѣтей и то на одинъ первый день.

Маленькой Дженни мать позволила только первое время выходить на улицу послѣ одиннадцати часовъ утра, когда ея старшій братъ, уже успѣвъ продать одинъ четверикъ картофелю и нѣсколько овощей, пріѣзжалъ за новымъ запасомъ; тогда онъ бралъ съ собой и свою сестру. Но когда Дженни минуло 5 лѣтъ, мать стала будить ее въ 4 часа утра и отправлять вмѣстѣ съ братьями въ рынокъ закупать свой товаръ.

Лондонъ—самый туманный городъ въ мірѣ. Здѣсь постоянно стоитъ туманъ и какъ дымкою обволакиваетъ всѣ зданія. Кромѣ того черный, густой дымъ выходитъ изъ всѣхъ трубъ безконечнаго множества фабрикъ и страшная гарь и копоть отъ нихъ рѣжутъ глаза и затрудняютъ

дыханіе. Но Дженни, не смотря на сырость, вѣчный туманъ, гарь, копоть и частый дождь, должна была уже въ 4 часа утра выходить на улицу и цѣлый день бѣгать за телѣжкой Тома, въ свою очередь предлагая прохожимъ цвѣты, редиску,

морковь. Между тѣмъ ея братъ долженъ былъ какъ можно живѣе катить свою телѣжку, иначе онъ продастъ очень мало и тогда на свою выручку онъ не будетъ имѣть возможности даже купить себѣ на завтракъ хлѣба, а между тѣмъ теперь онъ уже долженъ самъ кормить себя и сестру, пока та не станетъ такъ же торговать, какъ и онъ. Мужъ Мери какъ-то простудился, заболѣлъ горячкой и пролежалъ нѣсколько мѣсяцевъ въ больницѣ; Мери одна не могла про-

кормить теперь всю семью. Она объявила дѣтямъ, что, пока отецъ не поправится совсѣмъ, она можетъ имъ давать только ночлегъ и салакушку на ужинъ, днемъ-же они должны кормить себя своею торговлею и помогать первое время маленькой сестрѣ.

Дженни, поднявшись съ зарею и пробѣгавъ съ братомъ четыре, пять часовъ по холоду и сырости въ плохой, рваной одеждѣ, нерѣдко такъ утомлялась, что, какъ она сядетъ, бывало, отдохнуть или гдѣ нибудь закусить подлѣ рынка, такъ ужъ совсѣмъ встать не можетъ. Но Тому ждать ее некогда и онъ уѣзжаетъ торговать, а маленькая Дженни, прикурнувъ гдѣ нибудь за кучею моркови или редиса, начинаетъ тотчасъ дремать. Но не проходило и получаса, какъ ее расталкивалъ полицейскій и заставлялъ уходить. Она вставала, шатаясь и дрожа отъ холода, тащилась къ другой кучѣ, бросалась на землю и тутъ засыпала опять, пока не повторялась таже исторія. Какъ мучительно бѣдняжкѣ хотѣлось въ такія минуты домой, броситься въ свою постельку, но у нея не хватало силъ дотащиться до квартиры. Ея желаніе сбывалось только тогда, когда Тому удавалось завернуть за нею и отвезти ее домой въ пустой телѣжкѣ.

Однажды, лишь только братъ и сестра вышли

изъ дому и успѣли приблизиться къ рынку, какъ Дженни почувствовала такой ознобъ и усталость, что совсѣмъ не могла слѣдовать за Томомъ. По этому, какъ только онъ наполнилъ свою телѣжку товаромъ, такъ тотчасъ отправился торговать одинъ. Уже день склонялся къ вечеру, а маленькая Дженни все не могла найти брата, вслѣдствіе этого ничего не ѣла цѣлый день и не имѣла ни гроша денегъ, чтобы купить себѣ хлѣба. Голодъ все сильнѣе начиналъ мучить бѣдную дѣвочку. Вдругъ она вспомнила, что по близости есть домъ, куда они съ братомъ не разъ заходили продавать и въ которомъ изъ окна прислуга часто бросаетъ птицамъ хлѣбныя крошки. Со слезами на глазахъ, дрожа отъ холода, голода и страха, она кое-какъ дотащилась до знакомаго дома и нагнувшись стала подбирать крошки, которыя и на этотъ разъ были тамъ разсыпаны. Вдругъ она увидала брата, который въ эту минуту тащилъ сюда свою телѣжку. Вмѣсто того, чтобы обрадоваться ему, она сконфузилась и зарыдала: ей пришло въ голову, что онъ станетъ обвинять ее въ воровствѣ и будетъ смотрѣть на нее теперь, какъ на воровку.—«Милый Томъ», проговорила она наконецъ всхлипывая, потупивъ глазки въ землю и вся зардѣвшись, «право это совсѣмъ не то, что красть... Вѣдь эти крошки я беру не у людей, а

у птицъ, а у нихъ такія легкія крылья! Онѣ быстро слетаютъ въ поле и добудутъ себѣ зеренъ! Вѣрь,—онѣ даже не будутъ сердиться, что я взяла у нихъ эти крошки».

Когда Дженни минуло шесть лѣтъ, она должна была торговать уже одна: мать купила ей ручную телѣжку, плодовъ и овощей на нѣсколько дней и кромѣ того подарила ей хорошіе вѣсы, которые она пріобрѣла по случаю. Но, хотя дѣвочка начала торговлю съ болѣе разнообразнаго товара, она долго не могла стать на ноги, такъ какъ очень часто хворала.

Теперь Дженни уже восемнадцатилѣтняя дѣвушка: она окрѣпла, совершенно освоилась со своимъ ремесломъ, и ея хриплый голосъ говоритъ вамъ, что она въ своей, хотя еще не долгой, жизни много бѣгала по сырости, много испытала лишеній и, не смотря на это, всегда усердно выкрикивала о своемъ товарѣ.—

БИБЛИОТЕКА
Инв. № 991